Кирилл Аваев

КУЛЬБИЗЕКОВЩИНА

ОТ АВТОРА.

Подозревать, что мне есть что сказать, я, как и всякий нормальный человек, начал вскоре после рождения. Но шли годы, и если суть этого «что» становилась мне все понятней, то желание говорить почти исчезло. Виновато, естественно, человечество. Не целиком, конечно, а только те его представители, которые волею судеб стали моими друзьями, приятелями и собутыльниками. Хотя целиком тоже виновато. Ведь мои собутыльники – это сливки, которые я смог с этого человечества снять, представляю, что там, если копнуть глубже…

Ну так вот, когда сливки человечества выслушивали мои излияния, обычно после восемнадцатой, их реакцией неизменно было даже не непонимание - неслышание. Нет, конечно, когда на всевозможных днях рождения, обмываниях каких-то приобретений, всенародных праздниках и просто банных днях заходила речь о женщинах, ГАИ, водке, машинах, экономике, президенте или вкусовых качествах каких-то блюд, у нас обычно было много общего. Но когда разговор выходил за рамки злободневных тем, возникал какой-то , можно сказать, языковой барьер: я уже не мог внятно и доходчиво изложить свою позицию, а слушатели наотрез отказывались быть слушателями, так как либо спали, либо собирались по домам…

Недавно я издал свою первую книжку – «Залетную», в которой, в общем, и не пытался ничего сказать, просто описал события, участником которых был сам, конечно, по возможности их художественно приукрасив и выкинув из реальности практически всю самую яркую и выразительную лексику, считающуюся, к сожалению, ненормативной, но без которой язык теряет значительную часть своего величия и могущества. …Пошли рецензии… Захватывающее приключение: родить нечто и, слушая, что об этом говорят, вдруг осознать, что твое творение уже не твое, а свое собственное и живет своей жизнью. Автор может за этой жизнью только наблюдать, а делать ее красивей надо было раньше, пока никто этого не видел… Реакция на «Залетную» была разной – от восторга до полного неприятия, но большинство читателей отметили, что язык мой хорош. В смысле – русский. Это и стало для меня главным результатом первой книжки, ведь рассказы о моей молодости в устном изложении народу нравились и раньше. Некоторые, слушая их, говорили: «Киря, пиши!», но тут я по-настоящему поверил в себя и в то, что читающая часть человечества ждет от меня большего.

Итак, поняв, что писать надо, я, тем не менее не побежал немедленно к компьютеру и не напечатал большими жирными буквами название своего будущего романа. И первую

строчку сказки для детей, к чему упорно склоняла меня жена, не напечатал, и заглавие рассказа… Оказалось, для этого мало иметь язык, который не стыдно выставить на всеобщее обозрение, надо еще знать, как это делается. Первая книжка мало чему меня научила: там ведь ничего не придумано. Не я ее написал, сама жизнь. Единственное, пожалуй, что я понял, работая над «Залетной», так это то, чем писатель отличается от неписателя. Настоящий писатель в состоянии представить целое предложение, абзац, главу, роман... Еще до того, как напишет, увидеть, как это будет выглядеть. Если что-то не нравится, там же, в уме , отредактировать, исправить и выдать уже готовый текст. У неписателя такой возможности нет, от природы не дано. Приходится отсутствие дара замещать трудолюбием. Я, например, когда делал «Залетную», сперва составил список подлежащих описанию эпизодов и стал поочередно над ними работать, не утруждая себя каким-то увязыванием их в общую канву. Начиная описывать событие, представлял себе, что кому-то это рассказываю и печатаю этот рассказ, пытаясь не потерять нить: это сложно, так как печатаю я медленно, одним пальцем. Когда она все-таки потеряна, возвращаюсь к началу… Ерунда какая-то. Да неужто я так коряво изъясняюсь? Начинаю переставлять слова и предложения, убираю тавтологии, расставляю запятые. Снова читаю с начала. Получше, но не то. Опять переделываю. Не получается. Отхожу, выпиваю, закусываю, отвлекаюсь. Снова возвращаюсь, смотрю посвежевшим взглядом… В общем, муторная, рутинная работа. Выход готового продукта крайне мал, а издержки высоки. На «Залетную книжку» ушло в среднем один поллитродень на полстраницы. Ну или на страницу один сутколитр, и это при работе на компьютере. Иногда, очень редко, приходит особое состояние творчества: нужные слова приходят откуда-то сами и сами же складываются в стройные предложения - не успеваешь фиксировать, но случается это редко и обязательно при наличии в организме не очень большой, но ощутимой дозы алкоголя. Причем принятие дозы не гарантирует прихода этого состояния. А если бы, как в прошлые века, гусиным пером при свечке и полном неведении, что крепость водки должна составлять сорок градусов! Представьте, что моим методом работали бы те писатели... Нечего было бы их женам восемь раз переписывать.

Новую же книжку должен был написать я сам. Придумать все события, персонажей, их поступки и слова. Причем, если «Залетная» получилась такой, что ее можно читать с любого места, новое творение подразумевало сюжетную линию, то есть, работая над составными частями книги, я заранее должен был представлять себе, в каком порядке они потом построятся и как будут соответствовать друг другу. Как можно начать писать книгу с начала и постепенно дописать до конца, я вообще не представляю. Я как технарь очень широкого профиля могу только изготовить сперва запчасти, а затем собрать их воедино. Конечно, потом все это подрегулировать, чтобы работало… И что это может быть вообще – роман, сборник очерков или рассказов, - непонятно.

Когда не знаешь «как» и не у кого спросить, надо обратиться к опыту более опытных товарищей. Как к решению этой проблемы подходили признанные авторы? Порывшись в своей голове, я обнаружил, что с опытными товарищами у меня проблемы: за свою жизнь я крайне мало прочитал художественной литературы. Мама моя до сих пор уверена, что самая серьезная книга, прочитанная мной, – «Всадник без головы»… Она, конечно, ошибается, но не так чтобы очень. Наверстывать не стоит: поздно, лень, ну и, в конце концов, я ведь все-таки не читатель, а наоборот....

Проанализировав прочитанную мною литературу, я определил несколько возможных вариантов: сборник рассказов, сказка - не детская, конечно, - и еще фантастика. Рассказ хорош тем, что короток: одна простенькая мысль обыгрывается одной простенькой

ситуацией, и готово: она высказана, и из списка мыслей, подлежащих высказыванию, вычеркивается, что, несомненно , является законным поводом для возлияния в честь себя – писателя: я поздравляю с очередным успехом писателя, потом он – меня, и пошло – поехало… Похмелимся – сядем за другую мысль… Впрочем, любая удачная строчка может стать поводом… И пусть жена, увидев под столом очередную пустую чекушку, скажет: «Алкоголик!»: она просто не знает, что мы, писатели, работаем не головой, а печенью. Она, чекушка, помогла мне родить очередной абзац, а то и два. А может, наоборот, я ей помог? Со сказкой тоже хорошо работать: любой нужный автору персонаж с определенным набором качеств возникает в нужный момент волшебным способом, делает свои гнусные или, наоборот, светлые дела, говорит, что нужно, и, отработав, – исчезает. Фантастика – тоже удобно. С будущим можно вытворять что угодно, никто не докопается, и еще один плюс сказок и фантастики: не надо трудиться над точностью изложения каких-то подробностей, которые просто необходимы в книге о реальной жизни или о прошлом. Кто, например, может вспомнить, сколько стоили пятнадцать литров семьдесят шестого бензина в одна тысяча девятьсот девяносто втором году? Или попробуйте описать пьянку начала девяностых годов, не упомянув про спирт «Рояль», или Распутина, дважды изображенного на бутылке, да еще и подмигивающего! Читатель сразу спросит Вас: «А жил ли автор в описываемое историческое время? А пил ли он тогда?» Перебрав известные мне произведения, я заметил, что и до меня немало гениев изрядно попользовалось преимуществами сказок, фантастики и рассказов.

Итак, в компьютере уже несколько месяцев болталась папка с перечнем случаев, ситуаций, мыслей и выражений, которые должны были украсить мое будущее произведение, но понимания того, как все это можно увязать в одно целое, не было. Поскольку в моей жизни тогда было много других важных и интересных событий, не связанных с писательством, мозговой штурм, посвященный закладке фундамента главного моего литературного труда, так и не состоялся. Подсказку подбросила жизнь: однажды в новостях какого-то местного канала прошел репортаж о неплательщике штрафов ГИБДД, лишенном за это свободы на несколько суток. Человек этот рассказал о нечеловеческих условиях содержания арестантов, чья вина иногда заключается в неуплате Родине суммы, эквивалентной полутора бутылкам плохой водки. Или ста граммам сильно хорошей. Содержали их в бывшем женском СИзо, то есть в настоящих камерах с настоящей парашей, чему были предъявлены доказательства: несколько фотографий, сделанных телефоном. Было рассказано о случае, когда человек вышел из дома поставить машину на стоянку и оказался в этой тюрьме, причем возможность сообщить семье об этом ему предоставлена не была. Когда он сидел, семья считала его пропавшим, а милиция, где, собственно, он и находился, так и не смогла его найти, пока он не вышел на свободу, что стоило здоровья кому-то из его близких... Было высказано также и предложение в будущих изданиях Правил Дорожного Движения , где-нибудь в дополнениях печатать тюремную азбуку. В общем, репортаж о том, как людей практически ни за что лишают свободы, а заодно чести и достоинства. Я сразу понял, что именно это мне и надо… Действие произойдет в этой самой тюрьме: ГАИшники по ходу пьесы будут подсаживать и выпускать нужных мне людей вместе с их судьбами, анекдотами и мировоззрениями. За одним и моя любовь к ментовскому сословию выплеснется как бы между делом. Для такого сюжета легко придумать название, например: « Пятнадцать суток такого-то, такого-то», или: « Автострады покоцанных машин»! И кроме этого, предстояло отличное приключение, кои я так люблю: для вживания в ситуацию необходимо побывать в этом СИзо!

Идея поглотила меня на несколько дней: я только о тюрьме и думал. Но я ведь не

один: я тогда был единственным кормильцем в семье, дочке было пять, сыну - год. Конечно, бросить кормящую мать даже на несколько суток без ее согласия я не смел. И поэтому мучительно думал, как бы все это преподнести, чтобы она, таки согласилась...

Звонит ей как-то Татьяна, подруга, автор одного из самых восторженных откликов о моей «Залетной». Ну, поболтали они, как обычно, часок – другой, и моя Таня говорит:

-Тебе от Татьяны привет! Она интересуется, когда ты еще чего-нибудь напишешь.

-Так это, - говорю,- от тебя зависит!

-А я-то что могу сделать?

-Отпустить меня в тюрьму суток на пять! Ну, или на десять - пятнадцать, как получится. - и далее объясняю суть задуманного.

-Ладно,- говорит. - Сиди! У тебя же есть три дня свободы!

А я-то и забыл! За полгода до этого, когда я в очередной раз собрался сбросить лишние килограммы, мы с женой заключили пари. Когда хочешь бросить пить, курить или есть, нужно обязательно заключить пари на что-нибудь значимое: это стимулирует волю. Не помню, что приятное должен был бы сделать для жены в случае проигрыша, но в случае похудения до заявленного рубежа к оговоренному сроку я приобретал три дня свободы: это означало, что в любой момент я мог сказать: «Дорогая, я свободен!» и исчезнуть на три дня, ничего не объясняя. Три дня свободы казались мне очень желанной целью, что, конечно, облегчило мне победу над собственным организмом, который хлебом не корми - дай пообъедаться на ночь канцерогенами. Но на деле оказалось, что свободы у меня и так в достатке: что бы ни хотел я сделать или куда-то поехать: достаточно объяснить жене, куда, и зачем еду, и она соглашается. Свобода без объяснений так и оставалась неиспользованной, и я даже про нее стал забывать. А тут она оказалась кстати. Да и звучит: « Трое суток свободы, проведенных в тюрьме!». Таня согласилась накинуть мне недостающие сутки. Столько, сколько понадобится.

Технологию посадки в приглянувшийся мне женский СИзо я представлял себе так: надо заработать ГАИшный штраф, желательно сторублевый, и не уплатить его в течение месяца. Затем, повторно нарушив правила, так грамотно пообщаться с ними, чтобы они от чистого сердца захотели мне нагадить, но при этом не оскорбить ненароком лица, находящегося при исполнении, так как в этом случае я мог попасть в другое место и на другой срок. Но немедленно начать нарушать правила дорожного движения помешала предстоявшая через месяц зарубежная поездка: ведь за неуплату Родине ста рублей можно не только попасть за решетку, но также и не попасть за рубеж. В тюрьму хотелось очень, еле дождался отъезда и ностальгия в тот раз почти не мучила. Ностальгия у меня проявляется не как тоска по Родине, а как тоска перед возвращением на нее.

Вернувшись, стал на трассе не включать фары. Мне постоянно приходится ездить за городом: на этом я и задумал попасться на сто рублей. Но прошла неделя, а ни один ГАИшник, коих встретил я немало за это время, не соизволил выполнить служебный долг, видя мои невключенные фары, проезжающие мимо него за пределами населенного пункта. Ждать, пока они додумаются, наконец, штрафовать за фары также и в городе, мне было некогда. Раз им лень махнуть палкой на сторублевого нарушителя, придется поднять ставку до пятисот: перестаю пристегивать ремень. Еще через несколько дней начинаю, встретив ГАИшника, прикладывать к голове телефон, причем и голову, и телефон, и руку, его держащую, подношу как можно ближе к лобовому: от натуги на лице получается

страдальческая гримаса. Без толку. Они меня не видят. Я и раньше знал, что они халатно выполняют свои обязанности, но не до такой же степени! Сколько же я должен ездить вот так, рискуя своей и чужими жизнями, непристегнутый, с идиотской рожей у лобового стекла и телефоном, прежде чем кто-нибудь из них остановит, наконец, обнаглевшего нарушителя? Я уже начал подумывать: « А может, просто подойти к ним и взятку предложить, рублей пятьсот, за сторублевый штраф?».

Поняв, что получить штраф между делом, передвигаясь по своим делам, не получится, выкраиваю на это день и специально выезжаю на охоту. Вот и первая дичь: стоят двое у машины с мигалкой, рядом - остановленная ими легковушка, водителя которой они сейчас и разводят. Он горячо пытается что-то им объяснить, а они тупо смотрят поверх его головы, чуть скривив рты: типичное выражение находящегося при исполнении лица при неполучении взятки. Мне бы его проблемы! Инструктор летного училища, помню, учил меня: «На втором заходе - обязательно собьют!» - на ближайшем перекрестке направо, еще раз, еще и еще: второй заход на них же: стоят одни, смотрят на меня. Хватаю телефон, подаюсь вперед, корчу рожу - опять мимо. Третий раз - то же самое. На четвертом заходе вижу, как они садятся в машину и уезжают. Гады! Хапуги! Взяточники! Еду дальше, нахожу еще одних: история повторяется, с той лишь разницей, что заходов было пять, а на последних двух я умудрился одной рукой держа телефон, другой еще и бибикать.

Перемещаюсь на Площадь перед Горсоветом: там их всегда много. Делаю несколько кругов от Горсовета до Облдумы: на этом маршруте аж три поста, но я никому не нужен. Рабочий день закончен, мне пора на ужин. Я из-за них еще и обед пропустил!

-Ну, как? - спрашивает Таня.
-Никак! Может, я зря собрался про них писать? Не такие уж они и твари!
-Я купила «Правила» и обнаружила там еще одно хорошее нарушение: за грязные номера - сто рублей!

На следующий день бросаю опять все дела и снова выхожу на тропу, вымазав «морду» машины вместе с номером глиной, разведенной до консистенции сметаны. Номер не просто нечитаем: на нем столько засохшей и потрескавшейся глины, что даже на ощупь невозможно определить наличие букв. Еду сразу на площадь и уже на третьем проходе вижу мента, указывающего палкой именно в меня: «Йесссс! Попался, голубчик!»

Я долго готовился к этому событию, отрабатывал различные варианты. В последние дни, можно сказать, проходил тренаж - летчики меня поймут. Ведь, по замыслу, именно с этого - замеченного главным героем милицейского жезла - и должен начаться роман или что там у меня в конце концов получится. Я, увидев жезл, вмиг становлюсь этим героем. И он, мент, тоже становится. А начало должно быть... ...Наверное, лучше всего подойдет слово: «ярким!». Вот за эту яркость я и собираюсь побороться. Выжать из него, ничего не подозревающего неглавного героя, какую-нибудь фразу, которая, находясь в самом начале, подвигнет читателя дочитать до самого конца.

Закрываю форточку, врубаю на полную музыку, открываю бардачок и сосредоточенно роюсь в нем. Боковым зрением вижу: подошел, стоит, ждет... Тоже жду, пока он не начнет постукивать в стекло. Еще с полминуты занимаюсь бардачком, потом смотрю на него, пытаясь оценить его готовность быть персонажем моего произведения: он не готов. Смотрит на меня не как на жертву, не надменно, не с ненавистью - с интересом. Ему интересно, чего

это я потерял там, в бардачке! Ладно, отворачиваюсь обратно, продолжаю рыться, снова смотрю: ничего не изменилось, он не понимает, что над ним издеваются. Ладно, я отработал свои действия и на этот случай: открываю форточку и смотрю на него молча: « Ну, и что надо?».

Для главы, в которую волею случая попал, он не подходит, хоть поезжай искать другого. Мне нужна была сытая рожа с отмороженными глазками, а тут... Квадратное лицо на тонкой шее, хлопающие каждую секунду мягкие ресницы и щеки, покрасневшие от стыда за то, что их хозяин вынужден доставить мне неудовольствие. Он что-то говорит, но в несколько раз тише, чем мои колонки... Набирает побольше воздуху, кричит: все равно, децибел не хватает. Он сдвигает брови к переносице, ноздри зло округляются и открывают трепещущие в них волоски: вдох... Ну вот, уже кое-что. Вырубаю совсем музыку, а он орет на всю улицу:

-Выключите музыкуууу!!!

Нормально получилось. Ну, а рожу с тремя подбородками дорисуем: у писателя на это дело уходят секунды, тогда как у самой рожи, порой, десятилетия. Молодюсенький сержантик, устыдившись собственного вопля, покраснел еще сильней. И хотя мне его уже слегка жаль, продолжаю по сценарию:

-А чего Вы на меня кричите?

Он, кажется, предпочел бы быть вообще не зачатым, нежели самим собой на этом самом месте, но работа есть работа:

-И как, по Вашему, я должен читать Ваши номера?

-Успокойтесь, Вы лично мне ничего не должны.

- ..... Может... Вы сможете протереть Ваши номера?

-Тряпки нет!

-Ну, тогда я буду вынужден оштрафовать Вас на сто рублей!

-Так в чем же дело! Пройдемте!

-Может, все-таки протрете? - умоляюще смотрит он на меня.

Мне уже не до первой главы, которую этот кретин на корню загубил, и теперь все придется от начала до конца выдумывать. Но протокол-то мне необходим, без него не посадят, а этот, того и гляди, заплачет и пойдет оттирать мою глину своим носовым платком. Надо срочно еще хамнуть, но ничего оригинального на ум не приходит:

-Так говорю же: тряпки нет! Нету тряпки! Совсем!

Мне стыдно, что я наехал на этого ребенка со своей литературой. Не знаю, зачем он, такой, туда пошел, но таким он, конечно, будет недолго. Его научат: и глазки отмороженные появятся, и подбородки, но одним из учителей, кажется, стал я. Надо было, увидев покрасневшие щеки, поехать искать другие, тем более, что случай этот не стал началом книги. Вообще в нее не вошел. За месяц ожидания момента, когда штраф станет неоплаченным, я принял решение отказаться от первоначального плана. Причин было несколько. Во-первых, я уже не представлял, что должен сказать им в следующий раз, чтобы они меня все-таки посадили. Не знаю, как это удается другим, но мне в голову лезли варианты, типа: подъехать, снова с заляпанной «мордой» к посту и сказать: « Эй, вы, помойте мне машину!». Во-вторых, мне в то время сидеть было просто некогда. В-третьих, тюрьму посетил мой приятель Вова. Правда, он сидел в «другом формате», нежели собирался я, но его рассказа о тюрьме для пятнадцатисуточников было вполне достаточно, он как бы посидел за меня. Ну и, наконец, сам тюремный сюжет мне разонравился. Однообразно будет и, скорее всего, скучно. А кроме того, мой друг, являющийся для меня авторитетом в области

литературы, так как написал книг в разы больше, чем я, а прочитал - в десятки, как-то сказал мне: « Твоя «Залетная» мне понравилась! Хотя, есть в ней и отдельные недостатки. Например, совершенно отсутствуют описания природы!». В новом произведении я твердо решил этот недостаток изжить и воткнуть куда-нибудь хотя бы одно. Но что общего может быть между тюрьмой и природой? Там ведь даже горшков с цветами не держат! Моя фантазия смогла родить всего только один, за уши притянутый сюжетик: в плохо отапливаемой камере с повышенной влажностью сидит осужденный и видит сквозь решетку, как под окном какая-то птичка клюет какой-то корм. Она клюет, машет иногда крылышками и смотрит на правонарушителя, как бы говоря ему: « Давай, братан, улетим, в натуре!».

Я понял, что не надо вообще ничего придумывать. Ведь та камера, в которой я додумался до всего того, что собрался сказать, - моя собственная жизнь. Разве плохо, что каждый пишет о том, что ему близко?

Итак, заканчивается правда, слегка художественно обрамленная вымыслом, и начинается вымысел, слегка напоминающий правду...

ЛЕВА.

Как и положено в серьезном литературном произведении, в самом начале представлю главного героя: знакомьтесь, Лева Кульбизеков. Фамилия, конечно, редкая, и кто-то, может быть, подумает: "Выдуманная!". Пусть так. Но, ручаюсь, не мной. Хотя, не ручаюсь, что Левиными предками.

На той части его биографии, в которой он родился, закончил школу и поступил в военное летное училище, мы в этот раз останавливаться не будем.

Закончив училище, Кульбизеков Лев Иванович служил Родине краснозвездным соколом на сверхзвуковом ракетоносце, постоянно повышая свое летное мастерство, укрепляя, воинскую дисциплину; под руководством Коммунистической Партии и Советского Правительства достигая все больших и больших успехов в боевой и, конечно, политической подготовке до тех пор, пока ему не стало скучно постоянно повышать, укреплять и достигать... Даже не так... Он готов был и дальше до самой, не далекой уже в его двадцать восемь лет пенсии, стоять на страже завоеваний социализма в служебное время, если бы в неслужебное ему было по-прежнему позволено пить с однополчанами в гараже и на рыбалке, бить жену, приходя с подобных мероприятий, и морально разлагаться совместно с красавицей-женой прапора из батальона обеспечения в то время, пока тот разлагался с женой секретаря Парткома, когда тот разлагался на партсобраниях и партактивах. Левина жизнь была сбалансирована и гармонична, все неприятности ее, положенные на одну чашу весов, никак не перевешивали приятностей, положенных на другую. Но в один прекрасный год все изменилось: Родина, неизвестно чем подумав, бросила на те весы «Закон о борьбе с

пьянством»...

Вскоре Кульбизеков за несогласие с политикой Партии по вопросам борьбы с пьянством, алкоголизмом и самогоновареним был изгнан из армии с формулировкой: «за проступки, дискредитирующие высокое звание советского офицера». Его жена за несогласие с Левой в тех же вопросах была изгнана им с формулировкой: «Да пошла ты... Дура!».

На этом заканчивается краткая биография Левы Кульбизекова и начинается сама история про Леву. Начинается с того, что главный герой, Кульбизеков Л. И., работает маляром в ЖЭКе, точнее, маляром с зарплатой «транспортного рабочего».

КАК НАДО КРАСИТЬ.

Бригада маляров, в которой работает Лева, белит и красит подъезды в пятиэтажках. Одно и то же каждый день: утром намешали краску, до обеда - джик-джик валиком... После обеда - другая краска, другой подъезд, валик тот же: джик-джик. Нарисовалась бабуля:

- Вонь от вашей краски какая!..

Лева, не переставая «джикать», смотрит на нее три секунды, потом отворачивается. Макает валик в ведро, прокатывает это дело по фанерке, опять красит сосредоточенно то же место...

-Воняет, говорю, краска ваша! «Нитра», наверно!..

-А Вам чего покрасить?

-Туалет…

...Лева сферическим движением глаз фотографирует туалет, несколько раз сканирует сверху вниз и снизу вверх старушку:

-Цвет, как в подъезде, устроит?

-Посветлей бы!

-Без проблем! Полста!

На лице бабули испуг, как будто он предложил ей черт знает что... Но деваться некуда:

-Ладно, только тогда еще посветлей!..

Сперва все грани отбиваются кистью, промежутки - валиком. Сосредоточенно глядя на то место, где в данный момент валик, а еще лучше - за унитаз: так встретиться со старушечьим взглядом шансы минимальны. Крася и перекрашивая одно и то же место по нескольку раз и при этом наклоняя голову влево - вправо и ненадолго задумываясь, можно спиной изобразить муки творчества. Они, в свою очередь, хоть как-то оправдают запрошенную цену. За спиной ведь стоит, карга, в затылок дышит... Хотя за эти деньги пусть дышит, но в глаза заглядывать уговору не было.

Бабуля долго гремит в дальней комнате мебелью, набирая необходимую сумму, выходит в коридор, протягивает Леве:

-Вот...

Лева, глядя в пол, прячет деньги в деревянный от высохшей краски карман, выходит из квартиры, стоит спиной к двери... Ждет... Если бабка скажет: «Спасибо», то надо будет ответить: « До свиданья».

-А лицо у Вас... очень интеллигентное. ... Спасибо. - Дверь квартиры закрывается, делая вид, что страдает не меньше соседей от производимого ею зубного скрипа и: «Клац!» - говорит замок за Левиной спиной, найдя свою ответную часть. Никуда не деться от этой вечной гармонии: утром было все хорошо: погода, птички пели, выспался. Но не было денег. А вот сейчас деньги появились, радуйся, казалось бы, так бабка, тварь, столько дерьма в душу поклала... Посмотрел на часы: рабочий день кончился. Погремел ведром, складывая в него валик и фанерку, и потопал вниз. Гадко... На один этаж ниже стало легче, на два - пришла радость от того, что он оставлял в прошлом эту гадину, готовую испортить настроение любому за свои пятьдесят рублей, тогда как деньги в кармане продолжали двигаться вместе с ним в будущее. Полста за полчаса - это его личный рекорд!

Когда он пришел в бытовку, оборудованную в подвале, коллеги его уже успели переодеться.

-Летчик, ты на халтуре задержался или пердовик-стакановец? - спросил его Танкист. Биография Мишки-танкиста была практически срисована с Левиной, отличался только род войск, и она была чуть богаче: после увольнения из армии с такой же, как у Левы, формулировкой он успел поработать на шабашке, водителем, несколько раз посетить вытрезвитель и полечиться в ЛТП, куда его определила жена. Несмотря на все его попытки выгнать ее с такой же, как Лева, формулировкой, она от него никак не уходила.

-Халтура... Сортир...

-Красиво сделал? - подключился к разговору Олег, маляр по жизни.

-Красиво. ...Обделаться можно.

-А сколь взял?

-Сто.

-Обделаться можно! Ну, с первой тебя халтурой! Видишь, на малярке можно неплохо зашибать, я вот сегодня тоже халтурил, тоже сортир, но взял двести. Танкист, а ты все маляркой недоволен... Кем ты там у нас собрался заделаться?

-Рефом!

-Кем? -переспросил Лева, никогда раньше не слышавший о такой профессии.

-Рефом. Видел, по железной дороге ездят такие белые вагоны - холодильники? Вот на них ездят рефы. Два месяца ездят - два дома. Дома получка одинарная, в рейсе - двойная. И все время водкой торгуют... Не могу я больше малярить... Мне уже ночью снится, как я крашу что-то, а голова, как обычно, за унитаз чей-то засунута...

-Точно! - откликнулся их бригадир, обрадовавшись, что не одного его беспокоит унитазная тема. - Иной раз красишь, красишь, забудешься... А потом глядишь: а язык-то на унитазе лежит...

КАК КРАСИТЬ НЕ НАДО.

Превратиться из летчика в маляра ничуть не легче, чем из маляра в летчика. Основная сложность заключается в том, чтобы забыть, что ты - летчик. Человек не может сделать этого сам. Только под длительным воздействием внешних обстоятельств. И это воздействие на Леву жизнью было оказано...

...Прибыв на малую историческую Родину после своих ратных дел и поселившись у мамы в ее комнате в коммуналке, он не сомневался, что это начало новой, очень сытой, а может

быть, даже богатой жизни. Не то чтобы он любил деньги или мечтал о богатстве, просто видя, как некоторые члены общества начали обогащаться, создавая всевозможные кооперативные бани и видеосалоны, в то время как основная масса все еще застойно маялась в рамках окладов и тарифных сеток, понимал, что нужно постараться примкнуть к этим, которые в банях. Человеком он считал себя умным, талантливым практически во всем и работящим, если не сказать очень умным, очень талантливым и так далее, и не сомневался, что сумеет занять в этой жизни, новой для него, достойное место... Свой путь к ждавшему его за одним - двумя поворотами судьбы богатству Лева начал традиционным способом. Обзванивая своих одноклассников, большинство из которых вряд ли вспомнило бы Леву, если бы не его редкая фамилия, родственников, знакомых и друзей мамы, он сообщал им всем, что наконец-то прибыл и ему срочно нужна очень высокооплачиваемая работа. Тем, у кого не было телефонов, Лева сообщил эту новость, методично нанося визиты в первые две недели своего пребывания в городе. После того как сети были расставлены, оставалось только ждать большой и маленькой рыбы, сидя у мамы на шее...

Первое предложение поступило от тети Лены, маминой приятельницы. Один приятель ее сына, Володя, организовал кооператив по всему: что-то где-то побелить и покрасить, выкопать яму, привезти что-то, наняв чужую машину: любые, не особо интеллектуальные услуги. Выслушав рассказ тети Лены о Леве, он сказал: «Пусть приходит, посмотрим, на что ваш летчик способен...».

Оценив Леву взглядом, Володя спросил:
-Потолок побелить сможешь? И стены покрасить?
-Конечно!- ответил Лева, которому приходилось что-то белить и красить еще во время учебы в училище.
Отремонтировать надо было кабинет начальника кожно-венерологического диспансера. Объяснив, что, чем и в какой последовательности надо делать, Володя спросил:
-Как думаешь, сколько такая работа стоит?
-Нууу... Рублей пятьсот. ...Нет, восемьсот!
-Думаешь неплохо, посмотрим, как работаешь... Нас на этом объекте двое, так что твоих-четыреста.

Лева, обиженный на половину, причем на самую приятную, прибыл в больницу со всеми необходимыми причиндалами и с уверенностью, что сытость как первая часть его дальнейшей жизненной программы будет достигнута за два дня: именно столько времени он отводил себе на эту работу. Дело было в том, что в венерологическом диспансере он бывал и раньше, и хотя это был совсем другой диспансер, не уточнил у Володи габариты объекта. В первый день он планировал до обеда зашпатлевать трещины на потолке и пройти его на раз водоэмульсионкой и после обеда подготовить к покраске стены. На завтра - покраска. При знакомстве с кабинетом планы пришлось немного подкорректировать: больница находилась в очень старом доме, и Лева при помощи принесенной им стремянки не мог достать до четырехметрового потолка. Первые два рабочих часа были потрачены на сбор во дворе больницы и на окрестных помойках ящиков, досок и кирпичей - всего, что могло бы быть подложено под ножки лесенки. Перед обедом заглянувший в дверь хозяин кабинета, которого Лева при знакомстве заверил, что и двух дней не пройдет, как все будет готово, увидел посреди помещения кучу мусора, стоящую на ней стремянку и спину балансирующего на ней Кульбизекова с разведенной шпатлевкой в одной руке и шпателем в другой. Кирпичики, досочки и другой хлам шевелился и выскальзывал из-под шатающейся лестницы, к вершине которой, с трудом удерживая равновесие, полз Лева. Доктор подумал,

что Лева мог не слышать его появления, и стоял, боясь произвести какой-нибудь звук, способный его испугать и привести к падению, но ситуацию разрешил в очередной раз пошевелившийся неустойчивый кирпич. Поняв, что падать все равно придется, Лева театрально, движением одних только кистей отбросил в стороны шпатель и фанерку со шпатлевкой и, оставив пальцы растопыренными в разные стороны приготовился прыгнуть назад, но вдруг сама собой нашлась какая-то точка опоры, и он замер, вцепившись в лесенку. Начальник больницы прыснул, увидев, как фанерка припечаталась шпатлевкой к полу.

-Пилот не может не летать? (Лева уже успел сообщить ему о своем летном прошлом).

Остаток дня был потрачен на отыскание в больничном сарае пригодных для строительства большой лестницы досок и поход в магазин за гвоздями. Следующий день ушел на стремянку, и на третий началась сама работа. Зашпатлевав потолок и покрасив его на два раза, Лева, довольный собой, пошел домой, а на четвертое утро обнаружил, что серые разводы на потолке - следы многочисленных промочек - проступили сквозь краску, причем желтым, розовым и голубым. Еще три дня ушло на беготню домой за деньгами, в магазин - за новыми партиями краски, так как выделенная Володей давно кончилась, и очередные шесть слоев. Разводы с каждым новым покрытием становились бледней, меняли свою конфигурацию и цвета, но упорно не закрашивались. Время тянулось все медленней, поскольку толщина покрытия увеличивалась и каждый последующий слой сох медленней предыдущего. Кроме того, Лева думал уже не о краске и разноцветных разводьях, а о своем бывшем командире полка, который все происходящее на свете укладывал в простую и безотказную схему, с которой познакомил Леву, когда тот, третий раз опоздав на предполетный контроль готовности, сказал, что больше не будет: « Один раз - случайность; два - закономерность; три - система!». Так вот, первое посещение Левой венерической больницы тоже оставило неприятный осадок...

Давным давно, когда Лева только начал учиться в своем училище, у него вдруг стала облазить кожа. На губах, под носом, на руках, в других местах. Это, как потом выяснилось, была всего лишь аллергия на солдафонство, дебилизм и другие язвы Советской Армии, но тогда училищный врач, понимая, что армию ни он, ни кто либо другой излечить не в силах, прописал мазь с длинным дерматовенерологическим названием Леве: помочь ему он все-таки надеялся.

-Правда, она неприятно пахнет... Жженными копытами... - предупредил доктор, как бы извиняясь.

-Это ничего! - успокоил его Лева.

Копытами мазь не пахла, а отчаянно воняла и, конечно же, была выброшена сослуживцами в окно после того, как Лева только раз помазал ею на ночь свои болячки. Видя, что препарат не помогает, врач выписал больному направление в городской кожвендиспансер. Лева, в то время еще семнадцатилетний и нецелованный, предпочел бы лучше совсем облезть, чем появиться в этом заведении, но направление, написанное майором медслужбы, есть приказ. И он, выполняя его, пошел в первое в своей жизни увольнение.

В диспансере с полчаса посидел в очереди, которая состояла сплошь из мужчин всех возрастов. Она непрерывно развлекалась анекдотами, по содержанию схожими с содержанием самой больницы, и хотя анекдоты были совсем не смешными, мужики чуть не катались со смеху. Не смеялся только Лева: он вел себя спокойно, с достоинством, даже здесь не забывая, что является представителем доблестных Военно-Воздушных... Стоящие в очереди вели себя, как и положено людям, которым уже нечего терять: всласть смеялись над собственными проблемами, но только до посещения кабинета. После посещения все как один

молча и не смотря по сторонам шли на выход, как будто узнали, что болезнь их несовместима с жизнью. Причину этого Лева понял сразу, как только вошел. Он попал не на прием к врачу, а на групповое занятие студентов-медиков, причем правильнее было бы сказать, « студенток», где, по замыслу организаторов мероприятия, хохочущая очередь являлась наглядным пособием. Пока красавицы ходили вокруг него, источая умопомрачительные ароматы и разглядывали его облезшие губы и уши, он с трудом сдерживал слезы. Затем доктор сказал: «Покажите локти и живот!». Лева застыл не шевелясь, с задранными к потолку глазами. Раздеться в присутствии дам он не мог. И дело было не столько в болячках: была пятница. Мылись в бане курсанты только по субботам, а на зарядку бегали каждый день. Кроме зарядки, они еще занимались строевой, уборкой территории и ходили в наряды, где не переставая чистили и драили все, что только возможно: полы, посуду, асфальт... В пятницу от каждого пахло уже далеко не потом, хотя еще не падалью. Лева, никогда в жизни не имевший дела с лошадьми, почему-то считал, что это - запах коня. Но даже не этого запаха стыдился Лева больше всего. Понюхав, чем пахнет курсантская жизнь и посмотрев его коросты, эти девчонки испытают брезгливое чувство к нему лично, но на себя ему было уже наплевать. Что они подумают об авиации, которую он в ту пору по настоящему, то есть сильнее, чем самого себя, любил, увидев его нижнее белье!.. Пару месяцев назад, получая новенькую форму и вожделенные голубые погоны, Лева, как и все его однокашники, получил и рубаху с панталонами, причем прапор со склада, выдавая все это, добросовестно интересовался размерами одежды, которую привык носить новобранец. Суббота наступила через два дня, так что новенькое белье не успело еще по-настоящему провонять, как было свалено в общую кучу в раздевалке бани для последующей транспортировки в прачечную. Когда Лева увидел, что им принесли взамен, у него возникло чувство, что его обокрали. После прачечной одежда уменьшилась в два раза, напрочь лишалась пуговиц и приобретала какой-то серо-ржавый цвет. Первокурсники, не разобравшиеся до конца, чем отличается нарушение формы одежды от измены Родине, не успели еще натащить полную казарму «вшивников» - нормальной человеческой одежды - и так и ходили в казенном белье, которое, хотя уже стало похоже на одежду для кукол, все же продолжало сжиматься с каждой новой стиркой ... Показывать этот срам студенткам все-таки пришлось.

Придя на работу после выходных, Лева обнаружил свои восемь слоев свисающими сотней лохмотьев с потолка. «Не расстраивайся, я бы еще хуже сделал.», - хохотнул на секунду заглянувший в кабинет главврач. Через час соскребания этих лохмотьев во рту и горле появился приторный сладко-металлический вкус от попавшей туда старой побелки а на потолке - царапины от скребка, которые, как он догадывался, предстояло то ли зашкуривать, то ли заштукатуривать. А судя по событиям последних дней, если начать этот потолок шкурить, то штукатурка, видимо, опадет вместе с дранкой, к которой приделана. ...Лева собрал в кучку инструмент, обозначил слегка уборочку и покинул навсегда сие заведение, ничего не сказав на прощание его начальнику и поклявшись никогда в жизни больше не переступать порог венерических больниц. С Володей он тоже не изволил объясниться: «Пусть спасибо скажет за стремянку, которую я три дня колотил...».

Перевернув таким образом первую страницу своей трудовой биографии, Лева не очень переживал по поводу потраченной недели и намазанных на больничный потолок и превратившихся в свисающие срамные лохмотья маминых денег.

Следующее приглашение к беззаботной жизни поступило в тот же день от Великого -

соседа по квартире. Если бы Лева пришел с работы вечером, то Великий был бы уже в обычном своем состоянии и, встретив Леву, впрочем, как и любого другого жителя коммуналки, поприветствовал бы его как всегда: ткнув пальцем в грудь и дыша в лицо перегаром, прошипел бы: « Ты - маленький человек!». Но в этот раз Великий, принципиально не пивший и даже не похмелявшийся до полудня после заявления по телевизору какого-то психотерапевта о невозможности подцепить алкоголизм, если не употреблять до двенадцати часов дня, встретив Леву на кухне, сказал ему: «Привет!». Лева, начавший уже было произносить стандартный ответ на приветствие Великого, нашелся:

-Сам ... ... Мо собой привет!

-У меня к тебе дело...

-Денег нету! - выдал Лева вторую стандартную в разговоре с Великим фразу.

-Да нет... Ты... Ты заработать хочешь?

Лева хотел. И поэтому согласился прийти назавтра в гараж к школьному и даже детсадовскому другу Великого, Нахалику.

НАХАЛИК

Прозвище свое Нахалик приклеил к себе сам, заявляя при любом удобном и неудобном случае, что он – «технологический нахал». Это была его мечта, большая, даже огромная: придумать что-нибудь простое-простое, но очень важное, бесценное для людей, дорогое-дорогое... Типа конвейера Форда. А недавно он вычитал в газете, как ему казалось, просто хрестоматийный пример обогащения при помощи нахальной идеи: владелец одной из американских компаний, занимавшихся рассылкой товаров почтой, использовал в конкурентной борьбе простой, казалось бы, ход - сделал свой каталог меньшего размера, чем у других компаний, благодаря чему здорово разбогател. Люди маленький каталог клали поверх больших, а, следовательно, брали первым... С самого детства Нахалик играл во всевозможные лотереи, но вожделенный большой выигрыш, о котором он всю жизнь мечтал, никак не приходил. Он стал уже большим дяденькой, вовсе не глупым, и хотя давно понял, что это не случится никогда, продолжал играть. Только к лотереям прибавились карты, а так же различные авантюры с жулико-техническим уклоном. Авантюр было с десяток, но коммерческий успех принесли только две: изготовление автомобильных крыльев из муки и вытягивание денег из Госстраха при помощи разбитых лобовых стекол.

Как-то один его родственник задумал продать своего «Москвича», и, естественно, перед продажей захотел привести машину в порядок. Но дело происходило во времена плановой экономики, которая если и планировала произвести передние крылья для ремонта данной машины, то точно не в текущей пятилетке. А родственнику надо было срочно, и на помощь ему пришел Дима, очень творческий молодой человек, будущий Нахалик. Дима предложил сделать крылья из папье-маше, для чего, как он утверждал, понадобятся четыре килограмма муки, ворох макулатуры и два дня работы. Хозяин машины согласился и даже захотел поучаствовать в творчестве, и крылья, как ни странно, получились, хотя муки и трудодней на них ушло значительно больше. Были и непредвиденные расходы: пришлось вымазать на бумажные крылья десятки тюбиков различных клеев, чтобы получилась поверхность, пригодная к покраске. Первый же покупатель, поверив, что это пластиковые, не подверженные коррозии крылья, изготовленные по новейшей технологии, машину купил, а к Диме потянулись другие обладатели сгнивших или покореженных крыльев. Клиентов было

много, пришлось купить железный гараж во дворе и уйти с основной работы дежурного по теплопункту. Мука расходовалась центнерами, технология была отработана, и теперь действительно замена крыльев происходила за два дня. Но вскоре пришлось вернуться обратно в теплопункт: автолюбители уже знали, что выбирая автомобиль на рынке, следует первым делом с силой стукнуть кулаком по передним крыльям, от чего Димина бумага пробивалась насквозь или вообще отпадывала. Кроме того, начались перебои с мукой, что позволило ему впоследствии, уже будучи Нахаликом, утверждать, что именно его авантюра с крыльями спровоцировала в стране нехватку продуктов питания и как следствие - распад Великой Державы.

Второе его удачное начинание тоже было связано с машиной, хоть и другой, но все того же родственника. На этот раз треснуло лобовое стекло. Машина была застрахована, и родственник получил за свою трещину тридцать рублей компенсации. Экономика к тому времени превратилась из плановой в плановоразвалившуюся, и ни производство стекол в текущей пятилетке, ни сами пятилетки уже вовсе не планировались. Но Дима, который к тому времени уже был Нахаликом, нашел способ извлечь выгоду из этой ситуации, предложив получить тридцать рублей еще раз. Нужно было всего лишь затереть госстраховское «клеймо» на стекле - начерченный стеклорезом треугольник, свидетельствующий о том, что дефект этого стекла уже оплачен.

Нахалик накупил различных шкурок, абразивов и паст и за день справился с задачей. Страховой компании пришлось снова раскошелиться, а в Нахалов гараж выстроились в очередь побитые стекла. Он снова уволился из теплопункта, механизировал процесс и даже нанял работника на ночные смены - Великого. В стране сразу начали обесцениваться деньги, но в тот раз финансовую систему спас от краха удар оценщика Госстраха: оценив повреждения очередного стекла, он расписался на нем не стеклорезом, а молотком.

Было и еще одно предприятие, которое хоть и не принесло прибыли, но числилось у Нахалика удачным. Незадолго до того, как Великий познакомил его с Левой, он задумал нанести очередной удар по экономике Державы при помощи исключительно своего интеллекта... В «Спортлото» он играл уже давно. Не только из алчности, но и из любви к игре. Наибольшее удовольствие от этой игры он получал, заполняя на тираж пять билетов: при меньшем количестве выигрыши случались реже и игра переставала радовать, а при большем возрастали и становились ощутимыми расходы на игру, что тоже было неприятно. Концепция его игры была такой: « Получить удовольствие от игры, не проигрывая больших денег, но все же иногда выигрывая. При этом всегда надеясь на главный приз».

Однажды, когда он то ли просто валялся на диване в теплопункте, то ли дремал, ему пришла мысль: провести статистическое исследование собственной игры в «Спортлото». Нахалик не знал ни одного правила из теории вероятности, но сам давно догадался, что чем чаще какой-то определенный номер выпадал в игре в прошлом, тем невероятней было его выпадение в будущем, и поэтому всегда зачеркивал в билетах только те номера, которые давно не выпадали и никогда - те, которые были недавно. Чтобы знать, что выпадало, а что нет, годами вел учет. Взяв тетрадь учета, он начал сперва без особого интереса, скорее, чтобы убить время до конца смены, изучать ее. Чтобы сосредоточиться, посчитал количество купленных за год билетов: не был пропущен ни один тираж - двести восемьдесят штук. По шестьдесят копеек: всего потрачено сто шестьдесят восемь рублей. Заполнено пятьсот шестьдесят вариантов. За год угадано: один раз четыре номера - сто двенадцать рублей и шесть раз по три. Из них три раза выпал по три рубля и по разу - четыре, пять и десять

рублей. Всего выиграно сто сорок. Общий результат: проиграно двадцать восемь рублей. ... Эти расчеты он сделал еще позавчера, но сегодня повторил: «гимнастика ума». Предстояло переосмыслить саму стратегию игры. Найти какие-то новые алгоритмы, которые позволят не ждать годами большого выигрыша, а просто взять его как зарплату за свою гениальность. И так раз пять подряд... Он чувствовал, что играя в «Спортлото», годами ходит вокруг главного приза. И статистика - доказательство тому: год за годом он проигрывал какую-то мелочь, то есть явно имел шанс на выигрыш, но тот все не шел... Поэтому Нахалик уже давно помышлял о математическом анализе по данной теме, просто не знал, с чего начать.

Поразмяв ум решением простых задач, он перешел к сложным: « Как бы это посчитать?! Как бы это сформулировать? Надо выстроить какие-то другие закономерности. Например: число «двенадцать» не выпадало весь год, и, следуя своей теории, я зачеркиваю его во всех вариантах целый месяц, но оно все не выпадает. В этом случае, так как не выпало «двенадцать», а оно везде зачеркнуто, я уже играю не пять из тридцати шести, а четыре! Как бы это сформулировать?»

После долгих раздумий он понял, что ничего сформулировать у него не получится, но сдаваться не хотелось. Он, как и все прочие не желающие сдаваться дилетанты, воспользовался методом ненаучного тыка. Не понимая зачем, он сперва посчитал, сколько номеров он зачеркивает в среднем в тираже. Например, в тираже пять .карточек, то есть десять вариантов. В каждом варианте зачеркнуто «двенадцать»- считаем: «один!». В восьми присутствует «четыре» - «Два!» В пяти- «двадцать» - «три!», и так далее. Оказалось, что в последнем тираже он использовал только четырнадцать номеров, а остальные не зачеркнул ни разу... Ну и что?..

А в предпоследнем? ...Странно, тоже четырнадцать! ...Ну и что?..

Едем дальше... Во всех - четырнадцать! Интересно!.. Невероятно!.. Немыслимо! Но дальше-то что?

Нахалик чувствовал, что стоит в одном шаге от великого открытия, но в какую сторону шагнуть, не знал. Продолжил ненаучным тыком: «А сколько из этих четырнадцати было угадано?», и ...

На следующее утро, еле дожив до конца смены, он прибежал к Великому:

-Несколько лет я играл в «Спортлото». На каждый тираж я заполнял пять карточек. Зачеркнутые номера повторялись в разных вариантах, поэтому в каждом тираже я охватывал только четырнадцать номеров. Среди этих четырнадцати всегда оказывалось либо четыре, либо пять выигравших! Пять - в половине случаев! Я проигрывал, так как эти четыре или пять выигравших номеров оказывались всегда в разных карточках... - Здесь Нахалик сделал паузу, ожидая от Великого «умного» вопроса "И как же ты собираешься сделать, чтобы они оказались в одном?", но не дождался. - Вывод прост: надо купить и заполнить столько билетов, чтобы среди этих четырнадцати номеров перекрыть все возможные варианты!

-Ну и что? - подумав минуты две, спросил Великий

-Как что?! Если среди этих четырнадцати окажутся только четыре выигравших, то у нас выиграют десять билетов по четыре номера и сорок пять - по три! Выиграем от восьмисот восьмидесяти пяти до двух тысяч двухсот пятидесяти рублей, а если пять - то один по пять, сорок пять по четыре и двести шестнадцать по три!

-Подожди, я ничего не понял, кроме того, что до сих пор ты ничего не выиграл.

Нахалику пришлось еще несколько раз объяснить Великому все хитросплетения тиражей, вариантов и номеров, прежде чем тот понял, что ему предлагается поучаствовать в беспроигрышной авантюре, для чего скинуться с Нахаликом по триста рублей тридцать копеек, заполнить купленные на эти деньги тысячу один билет «Спортлото» по нахаловской системе и получить свою половину большого выигрыша.

-Сколько, ты говоришь, мы выиграем?

-Если угадаем четыре - от восьмисот восьмидесяти пяти до двух тысяч двухсот пятидесяти. А если пять - от четырнадцати тысяч двадцати трех до двадцати тысяч двухсот шестидесяти. Плюс, если угадал пять, то машину можно купить без очереди!

-А если вообще не угадаем?

-За три года такого случая не было!

-Ну, вдруг? Как-нибудь случайно?

-Да говорю тебе, не может этого быть! Все рассчитано! - Великий смотрел все еще с недоверием. - Ну, даже если в первый раз по какому-то невероятному стечению обстоятельств не выиграем, то в следующий раз - сто процентов!

-А вот выиграем мы, например, раз! А потом еще по этой системе играть можно?

-Да мы потом всю жизнь играть будем!

Необходимая сумма набралась через два дня, и Нахалик отправил Великого за билетами:

-Я работал головой, а ты давай, трудись ногами.

Трудиться пришлось до вечера, так как киоски «Союзпечати» не держали больше тридцати - сорока штук.

-Ну что, купил? - как-то уныло спросил компаньон Великого, когда он, уже точно зная, какую на выигранные деньги купит машину, какой магнитофон, что в его внешнем облике теперь будет «Адидас», а что – «Монтана», пришел обратно.

-Полгорода обежал, но все равно еще тринадцати билетов не хватает, завтра докуплю!

-А ты в курсе, что повинную голову меч не сечет?

-При чем тут?

-Я не буду играть!

-В смысле?

-Я играть по своей системе не буду! - громко повторил Нахалик.

-Как?! А билеты? Билеты-то, вот они!

Автор идеи, еще недавно с трудом нашедший нужные слова, чтобы уговорить Великого сыграть, так как сам он нужной суммы нипочем не добыл бы, теперь ходил по комнате со страдальческим видом, пытаясь подобрать слова, объясняющие, почему этого делать не надо:

-Понимаешь! Пока ты ходил, я, чтобы потренироваться, пытался угадывать четырнадцать номеров по тиражам позапрошлого года. И не получается... Даже три номера угадываю редко, а четыре и пять - никогда!

-Так ты же говорил!..

-Ну что я могу сделать?! Три года получалось, а тут - ни в какую!

-Может, все же попробуем?

-Так что толку? Если мы угадаем только три номера, то проиграем минимум четыреста девяносто. Это еще ладно, но, скорей всего, и трех не угадаем...

-Стоп, стоп! Ты же говорил, сто процентов! Ну теперь постарайся как-нибудь! Что же ты так легко от своих убеждений отказываешься?

-Да при чем тут убеждения? Глупо играть на шестьсот рублей, заранее зная, что проиграешь!

Повисла пауза. Великому нужно было время на привыкание к мысли о том, что переодевание

в «Адидас» придется отложить. Потом он подумал, что все деньги для игры он одолжил у знакомого кооператора, пообещав вернуть с процентами, точнее, с одним процентом в день:

-А продать эти билеты никак нельзя?

-Да ну! Какой дурак купит?

-Что же делать?

-Надо играть. Только без всякой системы.

Так и сделали. Через неделю посмотрели тираж и к вечеру, проверив билеты, обнаружили, что угадали два раза по четыре номера и сорок три - по три, что почти наверняка означало выигрыш, хоть и небольшой. Так как даже отсутствие проигрыша уже было для них победой, событие достойно отметили, а еще через неделю узнали, что выигрыши выпали небольшие и они в результате проиграли двадцать четыре рубля.

В очереди в сберкассе, куда они пришли за деньгами со своей пачкой выигрышных талонов, сразу за ними оказалась бабуля с внуком, наверное, первоклассником. Паренек держал в руке билетик «Спортлото» и пытался совратить бабулю:

-Ба! А давай еще билет купим?

-Ладно, сейчас выигрыш получим и купим.

-Ба! Так мы получим три рубля, давай пять билетов купим!

-Так что ж деньги-то выкидывать? Купим один... и на конфеты останется.

-Ба, не надо ля-ля!.. Конфет в магазине нет! А три рубля я сам выиграл! Не хочу конфеты! Купи билеты!

-Зачем нам столько билетов?

-Чтобы еще больше выиграть!

-Коленька!.. Чего тебе не хватает? И игрушек у тебя - всяких... А деньги... Они портят человека.

Тут очередь дошла до Нахалика и Великого. Они отдали свою пачку и стали ждать, пока кассирша сверит билеты. Бабуля, наблюдая за процессом, не удержалась:

-И сколько же Вы выиграли?

-Два по четыре и сорок три по три! – скромно отрапортовал Великий.

Кассирша все считала, бабуля с открытым ртом пыталась победить схватившую ее за горло жабу, а Коленька спросил:

-А сколько всего купили билетов?

- Сорок шесть! - уверенно ответил Нахалик.

-Ба! Ба! У тебя еще деньги есть?

Вот вскоре после этого случая Лева по протекции Великого и оказался в Нахаловом гараже с оклеенными билетами «Спортлото» стенами в качестве изготовителя форм для литья пластмассовых горнолыжных ботинок.

Как и в любом другом деле, затеянном Нахаликом, технология была его собственная, не имеющая аналогов. Пластмассу в форму он собирался попросту лить, и ему не было дела до того, что пролетарии всех стран делают это при помощи каких-то там термопластавтоматов. Убедившись, что Левино лицо выразило заинтересованность суммой, предложенной за работу, углубился в технологию:

- Формы будут из свинцовой ноги и... Ну... сверху тоже такое, свинцовое...

На следующее утро Лева пришел не в гараж, чтобы, как предполагала технология, начать выстругивать из дерева болванки человеческих ног сорок второго размера - самого

дефицитного в среде горнолыжников, а домой к Нахалику:

-А эпоксидка уже есть?

-Привет, дружище!

-Привет! А эпоксидка есть?

-Нет.

-А когда будет?

-Так ты это... палки выстругай сперва. Я же тебе вчера полдня объяснял! Ты же это..., сказал, что понял?

-Да понял я! Просто болванки уже готовы!

-Как?!

-Ну, так! Можно уже обклеивать стеклотканью с эпоксидкой!

-Так это ... покажи!

-Чего на них смотреть? Давай ткань, эпоксидку, и завтра получишь формы для свинца!

-Покажи!

-Вот! - Лева показал на свои собственные ноги. - Сорок второй размер! Одеваем носки, сверху - полиэтилен, потом обматываем стеклотканью с эпоксидкой...

-А потом ты сутки сидишь и ждешь, пока все это высохнет?

-Конечно! Вместо того чтобы неделю выстругивать болванки, всего день посидеть с замотанными ногами! Да еще и попивая пиво при этом!

-И вправду! - Нахалику было обидно, что такую нахальную идею родил не он и теперь придется за день безделья платить Леве, как за полную рабочую неделю. - Надо закупать материалы. Поезжай в Сосновку, там есть Сосновский завод изоматериалов. Дотуда - часа два на электричке.

-А ты?

-А я - на дежурство в теплопункт!

-И что мне там делать?

-Работать снабженцем. Записывай, я тебе продиктую. Это..., куда идти и что говорить...

По мере того, как сам Сосновский завод приближался к банкротству, охрана его все крепла. Один охранник изучил Левин паспорт и спросил о цели прибытия, другой выписал пропуск, третий этот пропуск проверил, четвертый опустил цепь, а пятый, видимо, начальник над первыми четырьмя, проинформировал Леву, что пропуск надо обязательно отметить. Начальник отдела снабжения, который Лева указал как свою цель, отметила пропуск и сказала, что с частными лицами их завод дела не имеет.

-Зачем нам завод? Может, мы сможем договориться, как частные лица? - выдал Лева фразу, которую Нахалик вчера потребовал выучить наизусть.

-Да Вы что? Я - начальник отдела снабжения, а не расхититель!

«И еще дура.» - подумал Лева и вышел. Далее, следуя нахаловской инструкции, принялся ходить по территории и всем встречным, одетым в рабочую одежду, задавать вопрос: «Мне нужна стеклоткань и эпоксидка, не подскажете, к кому обратиться?» Ему подсказали, что обратиться лучше всего к машинисту вон того локомотива.

Машинист велел Леве залезть в кабину и принялся кататься по территории: сперва нашел еще какого-то мужика, судя по костюму, из начальства. Потом поехал по цехам, где мужик из начальства погрузил в кабину рулон ткани, бочонок смолы и мешок, чтобы Леве можно было удобно и незаметно везти все это в электричке. Затем выехал за территорию: там, где железнодорожные пути пересекали заводской забор, не было не только охраны, но и ворот. Деньги у Левы забрал мужик в костюме:

-Я - главный инженер Харитонов. Если что-нибудь еще понадобится - сразу ко мне! С

отделом снабжения не связывайся. Там начальник - моя жена. …Дурааа!..

На следующий день Лева опять появился перед проходной завода изоматериалов. Хоть Нахалик и продиктовал ему вчера название смолы, Лева купил не то. В бочке оказалась не тягучая прозрачная смола, а какая-то розовая, почти твердая масса. Вина Левы была очевидна, и он поехал уговаривать Харитонова поменять эту дрянь на то, что нужно. Однако машинист сказал, что главный инженер укатил в командировку в Сочи. Пришлось идти к дуре в отдел снабжения:

-У меня есть барабан вот такой смолы. - Лева показал ей бумажку с названиями. -Я хочу поменять его на барабан вот такой.

-А где Вы взяли? У нас это дефицит!

-Так поменяете?

-Конечно! А где взяли?

-Да, продал мне один деятель...

-А у него еще есть?

-Откуда я знаю? Только он с отделами снабжения не связывается.

На бочонок с розовой дрянью, оставленный Левой на проходной, были составлены все необходимые пропуска и накладные, и он попал на склад родного завода, а другой бочонок, так же официально его покинул и к вечеру оказался у Нахалика в гараже.

-Начнем? - спросил Нахалик.

-Начнем! - ответил Лева.

К утру Лева уже не был уверен, что торчать в гараже с замотанными эпоксидкой ногами в ожидании, пока она превратится в анатомически правильные формы для отливания свинцовых матриц лучше, нежели несколько дней выстругивать эти формы из бревна. Часа два после ухода Нахалика он героически лежал на куче рабочей одежды, ветоши и еще какого-то мягкого хлама с ногами, задранными на стул: Нахалик, уходя, сказал: « Держи ноги в воздухе! Если чего-нибудь коснешься, форма может испортиться... И упаси тебя Бог ходить, пока смола не задеревенеет!». Пиво кончилось. Лева потыкал пальцем в свои обмотки: еще мягкие. А ноги давно уже перестали чувствовать: поверх смолы и еще одного слоя полиэтилена была намотана бинт - резина, которая отжала не только ненужный воздух из будущих форм, но и очень нужную кровь из сосудов. Зная, как и любой другой патриотически воспитанный советский человек, что в случае гангрены ему непременно отрежут ноги, Лева начал судорожно искать вариант спасения. Он придумал вот что: если включить инфракрасный обогреватель, имевшийся в гараже, и нагреть возле него обмотки, то подогретая смола быстро затвердеет. А так как между смолой и кожей был шерстяной носок, то ноги свариться, может, и не успеют. Но он ошибся. Когда терпеть жар не стало мочи, он принялся резать мягкие еще формы и сдирать с себя все это.

Дальше ботиночная авантюра пошла по первоначальному плану. За три недели были сделаны внутренние и внешние формы, и Нахалик пришел в гараж, чтобы лично отлить первый ботинок. С собой он принес несколько десятков пластмассовых выбивалок для ковров. Порубив топором выбивалки на небольшие пластмассовые палочки, загрузив их в ведро и закрыв крышкой, поставили на костер возле гаража. Вскоре из-под крышки пошел не то пар, не то дым. Приоткрыли чуть-чуть крышку, под ней оказалась кипящая ключом жижа.

-Пора! - сказал Нахалик, унес ведро в гараж и поставил рядом с готовой к заливке формой.

-Сам зальешь? - спросил Лева.

-Сам! - ответил Нахалик и снял с ведра крышку. Нюхнув воздуха, кипящая пластмасса вспыхнула и за несколько секунд сгорела вся, наполнив пространство миллионами

плавающих в воздухе сажных спирохет...

Через пару дней Лева, выслушав терпеливо нахаловы объяснения и покивав головой, как бы понимая, что неудача с ботинками обусловлена стихийными бедствиями и форсмажором, и давая понять, что он согласен в связи с этим на небольшое снижение зарплаты, продолжал стоять, ожидая разговора о главном: когда и сколько? Нахалик, в свою очередь, понимая, чего ждет Лева, сделал длинную паузу: «Может, сам догадается, что денег нет и не будет?» Но Лева не уходил. Причем если слушая объяснения Нахалика, он водил взглядом по гаражу, то к концу неприлично длинной паузы уже смотрел на него в упор. Тот понял, что рассчитываться придется:

-Лева! Денег сейчас нет... Возьмешь за работу «Жоржа»?

«Жоржик» - старый раздолбанный «Москвич -407», уже год гниющий возле нахалова гаража, не мог вызвать желания обладать собой ни у кого. Когда-то он назывался гордым именем «Машина», но это было лет сорок с лишним тому... Тогда им, новеньким, владели настоящие хозяева: семья заместителя директора огромного завода. Они им гордились, и очередь из родственников и знакомых этого замдиректора, желавших съездить на нем вместе с хозяевами в центральный универсальный магазин как-нибудь в воскресенье, в первый год жизни «Жоржика» выросла настолько, что казалось, ресурс его кончится раньше, чем она. Но век «Машины» короток... Через пару лет заместитель стал директором и снова купил «Машину», а «Жоржика», которого к тому времени стали звать просто «Москвичом», продал своему родственнику, главному инженеру того же завода. В последующие десятилетия у него сменилось много имен и хозяев. Он побывал «Ласточкой», «Газелью» и «Ланью», несколько раз - снова «машиной», правда, уже не с заглавной буквы, «машинкой» и «Бобиком», прежде чем его хозяевами перестали быть сотрудники все того же завода. Последующие хозяева звали его «Таратайкой», «Развалиной», «Дроболыгой» и Бог знает как еще, и «Жорж» платил им тем же: ломался, тек, клинил... Но вдруг ему повезло. В ту пору, когда останки его сверстников последние пионеры стаскивали в металлолом, его купил Наф-Наф. Это был садовод, в жизни которого, кроме сада, ничего не было, но садовод нетипичный. Свой садовый домик он строил из камней. Из настоящих больших камней, поднять которые под силу не каждому садоводу. Никто из соседей по садовому кооперативу не знал, где Наф-Наф берет эти камни: с собой на электричке он их не привозил, собственного транспорта не имел, а в радиусе дня ходьбы вокруг садов не то что камня путевого - куска щебенки было не найти: все уже было подобрано и употреблено в дело другими садоводами. Но домик рос, у него уже были фундамент и стены. Оставалось совсем немного, но тут Наф-Наф почему-то к нему охладел. Может, надорвался на камнях, а может, устал слышать насмешки соседей, которые, давным давно построив себе традиционные садовые хибарки, выращивали на своих сотках урожаи и внуков. «Жоржик», купленный первоначально для транспортировки в сад всего ненужного в городе и необходимого в саду, постепенно превратился в друга хозяина, его единственное увлечение. Тот перестал на нем ездить и только чинил, чинил... Даже сад забросил: все силы дедка теперь уходили на достижение новой мечты - довести свою машину до идеального состояния и отправиться на ней в свое последнее путешествие в Крым, по местам самых сладких воспоминаний своей молодости. Постепенно «Жорж» из развалины превратился в машину, Наф-Наф скупал по всему городу запчасти у владельцев такого же старья, поменял все мало-мальски тронутые ржавчиной хромированные железки на еще не тронутые, что-то покрасил, что-то отполировал. Не осталось ни одной порванной резинки, подтекающей манжеты, ржавой гаечки. Хозяин называл его самым уважительным именем за всю его историю: «Раритет»! Машина уже была почти готова везти Наф-Нафа на встречу с его молодостью, но он умер, стоя в очереди за водкой. Он, хоть и не пил вовсе, стоял в этой

очереди до последней своей минуты, несмотря на духоту и давку, так как знакомый токарь мог изготовить необходимую для машины нержавеющую железку только за бутылку и ни за что другое. Родственники, которых у дедка не было, быстро нашлись и продали красавца «Москвича» Нахалику, который в ту пору как раз разбогател на крыльях из муки. Несколько лет жизни, отданных Наф-Нафом любимой машине, позволили Нахалику целую неделю беззаботно рассекать на ней по делу и без, а потом она сломалась. И стояла вот уже год без движения возле нахалова гаража: внутри места для нее не было, так как там постоянно происходило какое-нибудь техническое нахальство. Хромированные детали потускнели и снова начали ржаветь, спустили два колеса, начала облупляться краска. Сперли решетку радиатора и бампер, а полгода назад кто-то нарисовал на борту краской из баллончика рожицу и написал: «Жоржик – дурак». Вот это и получил Лева в награду за месяц работы над горнолыжными ботинками. Вечером он, сидя за рулем собственного автомобиля, подводил итоги первых двух месяцев вольной жизни... Он за эти два месяца планировал стать обладателем совсем другой машины. Но даже не в машине дело. Его представление о жизни тоже оказалось совсем другим. Его таланты, трудолюбие, отсутствие вредных привычек и многие другие положительные качества, которые он за собой, несмотря на присущую ему так же и скромность, признавал, оказались не нужными никому. Настолько не нужными, что он после пережитого потрясения от оплаты труда «Жоржиком» даже не имел возможности купить себе хоть чего-нибудь спиртного, которое помогло бы ему сидеть целый вечер за рулем «Жоржа», тупо глядя на ржавую, оклеенную наполовину смытыми дождем, наполовину ободранными объявлениями стену нахалова гаража, и не плакать от ощущения собственной никчемности. Лева захлебнулся жалостью к себе и... понял, до какой степени он теперь не летчик и как привлекательно для него объявление на стене гаража, на которое он глядел уже второй час: «ЖЭКу № 5 требуются на постоянную работу маляры и транспортные рабочие».

СЛОНЫ И НОСОРОГИ.

В ЖЭКе номер пять он узнал, как надо красить. ЖЭК дал ему пусть небольшую, но постоянную зарплату и возможность иногда халтурить, постепенно отдавались долги, а «Жоржик», получавший после каждой халтурки какую-нибудь важную для себя железку, уже начал ездить. Лева иногда на нем «бомбил». Мама, наконец, успокоилась, видя, что сын занял пусть не ахти какое, но место в жизни. В следующие два года его жизнь была скучна, несмотря на то, что он постоянно менял место работы и профессии. Он был водителем грузовика, слесарем подвижного состава, строителем чьей-то дачи, дежурным того самого теплопункта, где раньше работал Нахалик... Кем только он не был! Мама даже стала говорить, что он не летчик, а летун. И хотя все эти специальности позволяли жить и не сильно нуждаться, это было и все, что они позволяли. Когда в страну пришли талоны и банки с морской капустой в большом количестве, а потом вскоре были отпущены цены и даже бандиты уже не знали, кого же надо ограбить, чтобы хватило на еду, Лева бросил курить, так как не смог позволить себе это вдруг ставшее безумно дорогим удовольствие. Он чувствовал, конечно, что именно сейчас создаются все начальные капиталы и начинаются состояния, и понимал, что работают на эти состояния такие, как он, транспортные рабочие, тогда как обладать ими будут совсем другие специалисты. Но при этом осознавал и свою неспособность что-то изменить в собственной жизни. Когда «бомбежка» на «Жоржике» стала основным источником его доходов, он уволился из теплопункта.

Однажды, придя домой, он встретил в прихожей Великого и Нахалика. Нахалик прощался и собирался пойти домой, оба не очень крепко стояли на ногах, а говорили еще хуже:

-Лева, привет, дружище! Ты как?

-Да так...

-А мы с Великим это... Дело провернули... Оооо... Куганьское! Продали гараж, купили конфеты и шампанское, увезли на север, в Кугань, продали по «безналу», потом там купили обои, продали здесь по «налу» и это... Купили себе по «Девятке»! - к концу фразы Нахалик устал и начал говорить все медленней и тише...

-Новые? - обалдел Лева.

-Нет.

-Там, у подъезда стоят, - поддержал засыпающего товарища Великий. Пойдем, Лева, осталось и выпить, и закусить! Хочешь?

-Хочу!

Стол, за которым только что пировали бизнесмены, был завален обрывками коричневой жирной бумаги от «салями», среди которых была полная тоненьких коричневых чинариков пепельница, наполовину съеденная банка маслин и только начатая бутылка «Наполеона». Еще две пустых банки и бутылки того и другого валялись под столом, опять же среди обрывков и чинариков. Леве налили штрафные полстакана, он молча выпил:

-А хлеба нет?

-Вот, маслинкой закуси... У тебя пожрать есть?

Лева притащил из своей комнаты хлеба и остатки вчерашнего борща. Нахалик с Великим ели, как будто не замечая Левы, рассуждали, еле ворочая языками о преимуществах и недостатках "нала" и "безнала", а Лева, понужая "Наполеон", думал, что если уж в этой стране, чтобы жить вкусно, надо не творить, пахать и созидать, а покупать и продавать, предварительно разобравшись с тем, чем отличаются друг от друга нал, безнал и вексель, надо где-то срочно искать деньги, на которые можно что-нибудь купить. Когда Нахалик уснул, а Великий еще нет, Лева спросил его:

-Слушай, а мне можно с вами в Кугань?

-Если есть деньги, то можно. У тебя есть деньги?

-У меня есть «Жоржик»!

Так «Жоржик», приведенный Левой в порядок, оказался на авторынке. Конечно, Лева с радостью владел бы первой в своей жизни машиной, тем более что на ней можно было «бомбить» и зарабатывать на хлеб, но очень хотелось заняться коммерцией. Пройдя тряпочкой по видным местам и засунув под дворник объявление: «1959 год выпуска, 4 миллиона рублей, торг.», Лева пошел погулять. Выяснив, что ничего подобного нет на всем базаре, вернулся, так и не решив, что лучше: поднять или снизить цену. Возле «Жоржа» стояла толпа...

Лева послушал, понял, что покупателей здесь нет, протиснулся к машине и сел за руль. В открытое водительское окно смотрела огромная морда. Непомерно большой ее нос был сломан: переносица снесена кем-то на сторону, от чего он казался изогнутым хоботом

-Один хозяин? - спросила слоновья морда, улыбаясь и, видимо, ожидая шутки в ответ...

Лева зло уперся взглядом в искрящиеся весельем глаза и смотрел в них до тех пор, пока улыбочка не превратилась в сострадательную к Леве гримасу:

-Сам такой... - ответил владелец морды без злобы и отошел, явно устыдясь своего намерения посмеяться над владельцем этого авто, над которым судьба , видимо, и без него уже всласть посмеялась. .

Этот хобот Лева видел впервые, но сама морда показалась ему знакомой. Толпа вокруг «Жоржа» рассосалась, «Слон» и еще трое залезли в соседнюю с Левой «шестерку» и, попивая пиво, продолжили ржать, явно над Левой и его машиной, но слов уже не было слышно. Да, этот «Слон» уже хранился в Левиной памяти. Как говорят специалисты по мозгам, «записан на молекулярном уровне», но, видимо, очень давно. Так давно, что молекулы, записавшие другие, связанные с этой мордой события, успели куда-то уплыть или были использованы для записи других, более актуальных морд, а может быть, были разрушены не совсем правильным образом жизни... Лева мучительно копался в своей памяти, то и дело поглядывая на «Слона», и, наконец, подошел к нему.

-Ты что, обиделся? - спросил тот.

-Да нет... Ты - Корявин?

-Не совсем так, - начал ковыряться в своих молекулярных записях «Слон». - А откуда ты меня... Я - Корязинов...

-Точно! А мы звали тебя «Корявин»! Мы с тобой в одном классе учились, с первого по третий!

-У Вероники Павловны?

-Да! А я - Лева Кульбизеков!

-Да, да, да... Вы еще вместе с Шатуновым... Ты еще потом куда-то переехал...

Недостающие молекулы приплыли на место. Владик Корязинов учился вместе с Левой до третьего класса, пока Лева с мамой не переехали в другой район, в свою коммуналку. Владик тогда был очень маленьким и плаксивым, а Лева и его тогдашний друг Шатунов - наоборот. Они часто били маленького Владика, обзывали его Корявиным и постоянно отнимали у него деньги на столовую, отчего маленький Владик еще сильней отставал от них в росте. «А не мы - ли сломали ему нос?» - подумалось Леве... Память уверенно ответила: «Нет!». «И слава Богу!» - подумалось Леве, когда он узнал, что сегодня Корявин - известный в городе жулик по прозвищу «Слон», отсидевший несколько раз, и в «авторитете», хозяин процветающей фирмы. На рынке - случайно: надо помочь братану, Носорогу, продать отобранную за долги машину... Лева рассказал и о своем житье - бытье, после чего Слон, великодушно забыв прошлое, предложил Леве поработать в его фирме директором.

-Правда, ты бывший военный, армия тебя слегка дискредитирует… Так что первый месяц – испытательный срок!

-Вот ведь как! А раньше я ее дискредитировал…

-Ну ладно, уговорил. Без испытательного!

Минут пятнадцать «Жорж» маленькими шажками протискивался к выезду с базара, изо всех сил стараясь не нанести вреда окружающему его морю машин и людей, и, наконец, оказавшись на почти пустой улице, газанул весело в сторону родного двора. Лева, пьяный от нахлынувших после сегодняшнего, давно ожидаемого им поворота судьбы предчувствий, вдавил в полик железку и разогнал его до немыслимой для старичка скорости, как вдруг наперерез ему с тротуара двинулся широченными шагами человек. Высокий и немного сутулый, в коричневом трико с оттянутыми коленками и классической майке, являвшейся одновременно и нижним бельем, и верхней одеждой. Наклонив голову и глядя себе под ноги, он нес в каждой руке по авоське с десятком бутылок «жигулевского» и, видимо, считал ниже своего достоинства поворачивать голову сперва налево, а потом направо и вообще обращать внимание на всякие там доисторические «Жоржики», пускай и летящие со вполне современной скоростью. Лева до упора надавил на тормоз, но так как он тоже был доисторическим, спасти Леву от наезда на человека в майке не мог. Сигнал на «Жорже»

поломался, когда тот был еще то ли «ласточкой», то ли «газелью». Ну хоть бы одно колесо пошло юзом и родило бы какой-нибудь звук... Нет! Все происходило в полной тишине, и у этого, с оттянутыми коленками, шансов не было.

-Йооо.....! - заорал Лева, пытаясь, видимо, одновременно выразить и свое раскаяние в нарушении Правил Дорожного Движения, которое уже в следующую секунду повлечет нанесение вреда здоровью потерпевшего, и мольбу к Всевышнему о том, чтобы вред этот оказался бы не очень тяжким, и все, что он думает об этом безмозглом бараноиде, который через доли секунды станет потерпевшим..

Человек был спасен именно этим воплем, ну, и еще открытой форточкой «Жоржа», что позволила этот вопль услышать. Человек обернулся и, увидев мчащуюся на него машину, прыгнул вперед, причем оттолкнулся не только ногами от земли, но и руками от своих авосек... Жизнь и здоровье его были сохранены, чего нельзя было сказать о бутылках и машине: одна из сеток угодила прямо в «Жоржикову» фару. Из остановившегося через несколько метров «Москвича» вылетел Лева с монтировкой, и человеку пришлось, вспомнив, что является лучшим способом защиты, бежать со страшным лицом ему навстречу, одновременно осознавая, что одну авоську хорошо было бы оставить для обороны... Но столкновения не случилось: Лева не смог ударить эту беззащитную голову, хотя и очень хотел:

- Ты что, контуженный? - заорал он на чудом спасшегося идиота, потрясая монтировкой...

-Да! - заорал Контуженный в ответ...

КОНТУЖЕННЫЙ

Контуженный своей вины не отрицал: поняв, что Лева уже не знает, что делать со своей монтировкой, спокойно собрал с асфальта уцелевшие бутылки, сложил их в одну авоську и закинул через плечо:

-Ну, так получилось, прости!.. Починю я тебе фару...

За фарой поехали тотчас же. У Контуженного имелся железный гараж за городом, в массиве такого же никем не охраняемого железа. Машин и вообще ничего, представляющего хоть какую-нибудь ценность, в этих гаражах давно не было, так как все стОящее из них давно украли. Гараж Контуженного исключением не был: старая, тронутая ржавчиной фара неизвестно от какой модели была самым ценным из всего, что тут у него хранилось. Пока искали среди другого хлама фару, пока приделывали и подключали, Контуженный, попивая пиво, рассказал Леве, что он на самом деле контужен. Из гранатомета. Служил он водилой в Чирчике, сделал несколько рейсов в Афганистан и поимел за это лишь контузию: формально в войне он не участвовал - ни льгот, ни ордена, ни лечения в ветеранской больнице. Лева, в свою очередь, тоже налегая на пиво, рассказал ему про свое увольнение из армии...

Как уже говорилось, он попал на гражданку за совершение проступков, дискредитирующих высокое звание советского офицера, а именно, систематическое пьянство и семейные скандалы. Но, по версии Левы, если за такую малость действительно выгоняли бы из армии, то в ней, наверное, давно уже никого бы не осталось... Помимо этих, весьма распространенных в офицерской среде пороков, он имел и еще один, куда более редкий и дискредитирующий: любил Лева пошутить. Вот одна из его веселых шуток и стала билетом на «гражданку»...

Раз в год каждый советский офицер принимал на себя... Нет, не поллитра и не литр, это - то он делал гораздо чаще - социалистические обязательства. Процедура много времени не занимала: надо было взять прошлогоднюю бумажку с этими обязательствами, переписать ее заново и сдать замполиту. Содержимое бумажки никто никогда не читал и за выполнением обязательств не следил, но она обязана была быть в специальной папке, хранящейся в секретной библиотеке под грифом «Для служебного пользования». У Левы и в мыслях не было дискредитировать систему социалистического соревнования, которой была посвящена солидная статья одного из классиков марксизма-ленинизма, которую он, как и все остальные солдаты и матросы, сержанты и старшины, прапорщики и мичманы и так далее, вплоть до генералов и даже адмиралов Советской Армии и Военно-Морского Флота, тщательно изучил и законспектировал. Он просто пошутил, будучи уверенным, что читать этого никто не будет...

Прочитав в прошлогодних обязательствах: «Обязуюсь выбить из личного оружия двадцать пять очков» он не переписал тупо эту строчку, а творчески ее переработал: «Обязуюсь выпить из личного оружия!». В пункт: «Обязуюсь всемерно повышать воинскую дисциплину» решил внести немного конкретики: «Обязуюсь не опаздывать на утренние построения более чем на одиннадцать минут, а в понедельник - на сто одиннадцать.» Далее Лева обязался законспектировать произведений основоположников Марксизма на три процента больше, чем их было написано до тысяча девятьсот тринадцатого года. Похихикав с сослуживцами над своей выдумкой, он сдал бумажку куда следовало и стал уже на досуге подумывать, что бы такое обязаться сделать в следующий год, чтобы повеселить товарищей, но в следующий год, как мы уже знаем, Лева вовсю красил, засунув за унитаз и голову, и свой летческий диплом. Дело в том, что как раз в это время в их эскадрилью пришел новый замполит. По имени Лева его никогда не называл, фамилию как-то быстро забыл, осталось только отчество: Киприянович. Этот Киприянович, несмотря на то, что его курс молодого бойца окончился много лет назад, не утратил задора и до сих пор, как молодой боец, мчался выполнять каждое приказание, каким бы дурацким оно ни было. Если бы замполит полка, собрав замполитов эскадрилий, мог бы только предположить, что когда он скажет: «Усилить работу по дальнейшей активизации социалистического соревнования! Провести учет соцобязательств на следующий год!», кто-нибудь побежит эти обязательства читать, он бы, скорее всего, промолчал. Но его не предупредили, что новый замполит эскадрильи все понимает дословно...

Прочитав Левино произведение, Киприянович задумался: «Странно, с первого взгляда этот Кульбизеков произвел впечатление идейного, хорошо относящегося к службе офицера, а тут... Просто насмехается над всей системой ...эээ... социалистического соревнования! А он, Киприянович, еще вчера отметил его старательность при оформлении конспекта лекций по марксистско - ленинской подготовке! Конспект Кульбизекова лежал на самом низу стопки, так как был не просто тетрадкой, как у остальных летчиков. Он был сделан из огромного альбома, обтянутого натуральной кожей, и листы в нем были скреплены каким-то массивным железным приспособлением. Этот конспект одним своим видом говорил о любви его владельца к бессмертной марксистско - ленинской науке и о его жгучем желании как-то продлить это бессмертие, например, сделав такой монументальный конспект. И любовь эта, кажется, истинная, так как только у одного Кульбизекова оказалась законспектирована крайняя лекция «Единоначалие как основа Вооруженных Сил», которая была прочитана только позавчера, и наличие ее в конспекте станет обязательным только в следующем месяце». Киприянович взял этот, без сомнения, лучший во всех Вооруженных Силах

конспект и открыл... «А как все оформлено! Название каждой лекции занимает целую страницу и написано плакатным пером, красной тушью! Красота! Ни бумаги человек не пожалел, ни времени! И дальше вся лекция ... Старательно, красивым почерком... Проверяя конспекты, Киприянович уличил аж шестерых летчиков в жульничестве: они писали их не сами, а заставляли собственных жен, а у Кульбизекова все было честно, как показало сличение почерков конспекта с его тетрадью подготовки к полетам. Вот, написано: «Как сказал Константин Устинович Черненко на последнем Пленуме ЦК КПСС...» Даже он, Киприянович, написал бы «Черненко К. У.», а Кульбизеков не поленился... Интересно, что мог сказать Константин Устинович о единоначалии? Какое он имеет отношение к единоначалию как основе? И что он мог вообще сказать на последнем Пленуме, он же помер давным - давно, не дожив даже до перестройки...» Киприянович углубился в Левин конспект и все понял. За фасадом этого - иначе не скажешь - выдающегося конспекта скрывалось самое чудовищное, до какого только можно додуматься, жульничество. Этот Кульбизеков, видимо, будучи еще молодым лейтенантом, соорудил свой чудо-конспект, внутри которого находился очень красивый, блестящий и непонятный механизм с дальним умыслом. Целый год он добросовестно этот конспект писал, а все последующие годы только и делал, что разомкнув свой дьявольский механизм, вставлял в конспект лист с написанным на нем огромными красными буквами названием лекции и прибавлял к нему несколько страниц написанного много лет назад текста. Как раз когда он был молодым лейтенантом, Константин Устинович и был на пике популярности... А Кульбизеков возьми да и пришпандорь его к единоначалию... И вдруг волосы зашевелились на голове Киприяновича: он, наконец, врубился, что было написано огромными красными буквами в конспекте советского летчика, члена Коммунистической партии и отличника политической подготовки Кульбизекова: « Дебилоначалие, как основа Вооруженных Сил»!

На следующий день Киприянович собрал партбюро, где и зачитал Левины произведения. Бюро от души веселилось, а Лева сказал:

-Я ж не знал, что кто-нибудь додумается это читать! Ладно, давай бумажки, перепишу!

-Это Вам не бумажки, товарищ коммунист Кульбизеков, - это документы, свидетельствующие о Вашем пренебрежительном отношении к... - И пошло - поехало.

Секретарь полкового парткома, узнав, что существуют документы, с помощью которых можно изничтожить Кульбизекова, принял в деле живое участие: ведь именно его жена, никого не стыдясь, развлекалась с прапором из батальона обеспечения, в то время как жена прапора развлекалась с Левой. Хотя лично к Леве секретарь парткома претензий не имел, но и тот, и другой, были участниками одного любовного треугольника. Или, если брать по числу участников одной любовной шестиконечной еврейской звезды, причем именно он, секретарь, был в этой звезде самым униженным концом и, конечно, хотел развалить ее любыми способами. Поэтому вскоре над Левиными соцобязательствами и конспектом потешались уже в дивизионной парткомиссии. Однако, когда Кульбизеков прибыл на парткомиссию, разум возобладал. Председатель сказал:

-У вас там, в полку, что? Точно, сплошное дебилоначалие? Как его можно за это из Партии выгонять?.. Документы ведь пойдут в Москву! В ЦК! Да если там такое прочитают, нас самих всех вышибут! Вперед вашего Кульбизекова!

-Так ему же уже пообещали, что выгонят из Партии, - не сдавался секретарь парткома.- Кульбизеков для этого сюда и приехал! Что ж его теперь, отпустить?

-А за что его выгонять? Он пьет?

-Как все! И залеты имеются!

-А моральная устойчивость?

-Не без греха, - покраснел секретарь. - И еще как-то жену побил... И еще одну женщину, жену прапорщика...

-Ну, вот за все это и выгоним!

Фара давно была починена, пиво кончилось, а Лева с Контуженным так и сидели в «Жоржике», не обращая внимания на банду подростков, методично взламывавших гараж за гаражом. Контуженный давно забыл о соседях, сидящих уже несколько часов за доминошным столиком во дворе, ждущих его и ящик пива: они с Левой просто трепались, наслаждаясь ощущением начинающейся дружбы.

Стараясь это ощущение продлить, они придумали первое совместное дело: поехать к подруге Контуженного Свете, у которой есть подруга Марина, которая, может быть, будет не против познакомиться с Левой. После этого купить вкусненького и провести вечер с надеждой на продолжение дома у Контуженного: его жена с сыном как раз были у бабушки в деревне. Ну, а так как денег на задуманное мероприятие ни у того, ни у другого не было, сперва решили поехать «побомбить». Нужная сумма «набомбилась» через три часа, за это время они успели рассказать друг другу самые интересные куски своих биографий. Заехали домой к Контуженному, тот заменил трико и майку на приличествующий их намерениям прикид. Теперь оставалось только заправить «Жоржа» (бензин уже кончался) и ехать к Свете.

-А что там за Марина? Хоть ничего?

- Классная телка, все при всем... Замужем, только муж - дубина. И она ему под стать. Каратисты. Ну, или чем они там занимаются - у-шу; тэиквандо, или еще чем, - я точно не знаю. Живут вместе, спят раздельно, каждый день дерутся, но разводиться не хотят, так как подраться - это у них любимое развлечение. Муж у нее гуляет, а ей, видимо, мужика не хватает... Так что, она будет тебе рада! Она и на меня поглядывала, да Светка не разрешила. Говорит: «Если с какой другой - сколько хочешь, а с Маринкой нельзя, мы ведь подруги!».

На этом месте, как это всегда бывает, неожиданно кончился бензин. Контуженный заглох вслед за мотором. Лева по инерции зарулил в какой-то проулок, и очень удачно: здесь было множество гаражей, и некоторые были открыты. Подошли к ближнему, хозяин которого полировал капот своих «Жигулей»:

- Слушай, мужик! - запросто обратился к нему Контуженный. - Продай немного бензина, а то у нас кончился! Нам только до заправки дотянуть!

Владелец полированного капота отошел от машины и положил баночку с полиролью и специальный полировальный брусок на предназначенное для этих предметов место. Затем вышел из гаража, чтобы увидеть автомобиль, у которого может внезапно закончиться бензин. Увидев «Жоржа», он скривил рот и слегка покивал головой: «Я так и думал...»:

-Ну как же вы так ездите? - начал он с видом человека, уставшего от постоянного чтения прописных истин нерадивым водителям. - Во время движения надо постоянно контролировать остаток топлива. В автомобиле на приборной панели для этого имеется указатель уровня топлива и еще лампочка, которая сигнализирует... Нужно следить за этими приборами и своевременно заправляться... Ладно, продам я вам три литра... Несите канистру!

-Нет у нас канистры! - потупился Лева.

-Ну как же вы так ездите? В багажнике автомобиля всегда должна быть канистра! Мало ли какая ситуация может произойти в дороге! Вот, например, сломается у вас топливный насос... Безвыходная, казалось бы ситуация! Но если есть канистра, то можно перелить в нее из бака бензин, прикрепить ее у лобового стекла и соединить шлангом с карбюратором. При помощи такого приспособления можно двигаться дальше. Возможно и множество других ситуаций, в которых канистра оказывается просто незаменимой...

-Ну нет у нас канистры! - прервал его Контуженный, испугавшись, что придется выслушать все множество.

-Ладно, дам вам банку. А шланг у вас есть?

-Нету...

-Ну как же вы так ездите? Шланг нужно обязательно иметь с собой, это вещь просто необходимая. Вот, например в случае, когда сломался топливный насос: без шланга не обойтись! Или возьмем другой случай...

-Слушай, а у тебя шланг есть?

-Есть, вот! - Он снял с крючка на стене шланг с грушей для откачивания посредине.

Пока бензин переливался из бака в банку, хозяин, к счастью, молчал, но банка вскоре наполнилась:

-А воронка у вас есть? Ну как же вы так ездите?! Ведь воронка обязательно должна...

Лева нес к «Жоржу» банку с бензином, а Контуженный - хозяйскую воронку. Следом шел их спаситель, объясняя им, бестолковым, зачем в багажнике автомобиля непременно должна находиться воронка. Пока бензин лили в бак, он, торопясь, так как они скоро уедут, рассказал, что еще, кроме бензина, канистры, шланга и воронки, обязательно должно быть в машине.

-Все! На банку, на свою воронку! Сколько мы должны?

-Так! Я купил двадцать литров за двадцать две тысячи пятьсот шестьдесят рублей. Есть чек! Значит, один литр стоит... Вы купили три литра, значит, получится... Три тысячи... эээ... восемьсот...

-На четыре!

-Нет! Мне чужого не надо! Подождите, я сейчас посчитаю... Пять в уме... Десять туда...

Лева полез в карман за деньгами.

-Стоп! Это же я покупал девяносто третий за столько! А в прошлый раз его не было, и я заправил семьдесят шестой! За пятнадцать литров с меня взяли четырнадцать тысяч пятьсот . Значит, один литр будет стоить...

-Слушай, мужик! - заорал на него Контуженный. - На четыре тысячи, держи свою банку, забирай воронку и отстань от нас, а то я за себя не ручаюсь!

Приехали к Свете. Она обрадовалась Леве не меньше, чем Контуженному, видимо, рассчитывая, что с его появлением притязания на ее мужчину со стороны лучшей подруги прекратятся:

-А Маринка - у меня. Она хотела сегодня уехать к родственникам куда-то в область, я не помню, но не уехала: ее на завтра на работу вызвали.

-Ну, так давай их знакомить! Иди, скажи ей: «Мой любимый привез для тебя настоящего мужика: драться не умеет, зато все остальное... Летчик, между прочим, бери и пользуйся!»

-Она ушла в киоск, за кассетой.

-Лева, познакомить мы вас, конечно, познакомим, но тебе не светит. Она, когда смотрит каратистское кино, невменяема. Я же говорил...

-Лева, не слушай его. Вменяемая она. Только не для всех: подход нужен особый...

-Да! Лучше всего - прямой правый в челюсть!

-Да подожди ты! Мы же к тебе поедем? Вот и скажешь, что твой видик сломался!

Пришла Марина. Пока Контуженный их знакомил и рассказывал ей план дальнейших действий, Лева разглядывал Марину: Контуженный не соврал, вправду хороша. Молоденькая, спортивная. Волосы совершенно черные, похоже, даже не крашеные, татарка или башкирка, наверное. Невысокая, фигуристая. Общее впечатление несколько портили желтые разводья под глазом - остатки недавнего бланша, но в остальном...

Сразу к Контуженному поехать не получилось: Марине надо было заскочить домой за чем-то, необходимым ей завтра на работе, и Лева повез ее на «Жорже», а Контуженный со Светой пошли в магазин, намереваясь к приезду второй пары все купить, прийти домой и накрыть стол. По дороге Лева завел беседу о единоборствах, потом - немного про авиацию, и наконец, предоставил ей возможность заниматься любимым женским делом: изливать душу первому встречному по поводу своих отношений с супругом. Сам при этом, изображая искреннее внимание и сочувствие, предавался сладким мечтам о ее грядущих отношениях с ним самим. Из Мариниой квартиры надо было забрать несколько пакетов чего-то, Лева не вникал, чего именно, и они пошли вместе, чтобы ей не надрываться. Пока она собирала все необходимое, он разглядывал в прихожей стул и этажерку, которые во многих местах были замотаны синей изолентой. Вдруг дверь открылась, и в квартиру зашли под руку парень с девушкой. Парень, увидев Леву, спросил с угрозой:

-Ты кто такой?! - И принял какую-то странную стойку, Лева догадался, что боевую.

-Я - Лева! Я с Мариной ...

-Совсем она, что ли? Сказала, что уедет до послезавтра к родне, а сама мужика привела!

Появилась Марина:

-Так ты ж сказал, что на сборы уехал на три дня! - Она тоже заняла странную боевую позицию, но тут же вышла из нее, - Подожди!

Лева и подружка мужа были выставлены на лестницу, и дверь за ними - заперта на замок. После этого супруги предались любимому развлечению: были слышны удары, треск чего-то ломающегося, видимо, все тех же стула и этажерки, крики «Ияаооо...» и даже несколько раз что-то массивное прилетело с той стороны во входную дверь, отчего та все время прогибалась, но выстояла. «Семейная жизнь бывает поэкстремальней гонок на выживание!» - сказал задумчиво Лева. Раунд продолжался пару минут, после чего вышла Марина со своими пакетами и посвежевшим бланшем:

-Ну, иди же на конец! - сказала она подружке мужа, - А я - поеду.

«Ну и денек!» - думал Лева, засыпая в гостях у Контуженного, после того, как Марина, не участвовавшая ни в ужине, ни в беседе, сняла-таки с него тяжелую ношу долгого воздержания, поставив ненадолго свой новый фильм на «паузу».

ТАК ВСЕХ ДЕНЕГ НЕ ЗАРАБОТАЕШЬ.

Кульбизеков уже месяц работал у Слона. Фирма называлась «Союз Милосердие»: у всех сотрудников, кроме Левы, имелись инвалидности разной степени, купленные Слоном оптом у знакомого эскулапа, соратника по тюрьмам, за пол-ящика коньяка. Эскулап уже имел две судимости за липовые больничные листы. Почти поголовная инвалидность фирмы позволяла не платить налоги. В Левиной трудовой книжке появилась запись: «директор», но директорской зарплаты Слон, которого так называли только за глаза, а при личном общении - Владом, ему не назначил. Впрочем, недиректорской - тоже. Лева был у него как бы на иждивении: когда у него в очередной раз кончались деньги, он подходил к Владу и говорил:

-А почему бы сегодня не устроить «раздачу слонов»?

По мере того, как между ними начали складываться приятельские отношения, «слонов» было заменено на «Слоном»: Слон, хоть и не любил своего прозвища, но с юмором у него все было в порядке. Влад в зависимости от наличия средств, своего настроения и астрологического прогноза, прослушанного им по дороге на работу, выдавал или нет соответствующую Левиным заслугам сумму. Так как работа Левы заключалась в написании собственной подписи на одном - двух документах в день, сумма эта всегда олицетворяла собой название фирмы. Пару раз Лева обращал внимание босса на несоответствие размера

вознаграждения занимаемой должности, но оба раза получил четкий ответ: «Деньги надо добывать в бою!» Лева, хоть и был не против побиться за них, как ни старался, не мог понять, где находится поле той битвы, участие в которой принесет ему долгожданное богатство. Фирма занималась перепродажей всего, что можно перепродать, будь то израильский куриный бульон, белорусский «Адидас», кооперативные обои из миллиметровки или тройной одеколон, переживший пожар на складе и его последующее тушение. Кроме того, у фирмы был огромный гараж, в котором трудились два рыжих брата - близнеца. Они чинили побитые автомобили. Места в гараже было в избытке, и вскоре Лева уговорил босса взять сюда еще и Контуженного, который, имея массу автомобильных знакомых, начал заниматься автосервисом: он, как выяснилось, мог починить в машине что угодно, часто даже при отсутствии запчастей при помощи изоленты и проволоки.

Несколько раз Влад пытался сосватать Леве какую-нибудь сделку, но всегда проблемную либо не сулившую особого навара - чем самому заниматься не очень хотелось, но сделки эти ни разу не срослись. Сам же Лева найти себе дельце хронически не мог и уже начал подумывать пойти к Контуженному подмастерьем: не всю жизнь ведь подписывать слоновьи бумажки!.. Тем более что в содержание их он никогда не вникал: кто знает, за что он порасписался за последний месяц... Можно, конечно, разобраться, под чем подписываешься, но зачем? Права не подписывать у него все равно нет, а в неведении спится спокойней.

Как-то раз Слон, выйдя из проходной завода по каким-то своим делам, увидел возле нее фуру, задняя дверь которой была открыта. Один человек внутри открывал одну из великого множества коробок, а другой оглядывался по сторонам, стоя на улице.

-Воруем? - весело и даже подбадривающе спросил Влад стоящего на шухере.

Тому было не до шуток, он начал с болью рассказывать Владу, что какая-то недобросовестная фирма загрузила их «Камаз» грузом, а пока они его везли - исчезла. Два дня уже ищут, кучу денег на звонки и телеграммы извели: ни получателя, ни отправителя. А надо срочно разгружаться и работать дальше. Кроме того, неизвестно, что в ящиках. По документам - печенье. Но когда на погрузке спросили грузоотправителя: «А какое печенье?», тот тоже спросил: «Какое еще печенье?». Тут из фуры вылез второй, с бутылкой в руке: «А вот и печенье!»

Влад приостановил свой поход по делам, понимая, что лучше него никто не сможет помочь несчастным водилам, не знающим, что делать с целым «Камазом» бутылок, у которых потерялись хозяева, к тому же утверждающие, что это - печенье.

Выяснить, что в бутылке, с ходу не удалось: на ней были только иероглифы. После недолгого замешательства Влад взял бутылку, открыл ее и отцедил себе в рот капельку. ...Сделал большой глоток:

-Пиво!

-Китайское, что ли?

-Ну не японское же! Мужики, а вы сдайте его на какой-нибудь склад! И все!

За час китайское пиво стараниями водил, Контуженного и Рыжих было перегружено в гараж, плату за ответхранение Влад взял с мужиков символическую, сказав, что остальное возьмет с хозяев груза, когда те, наконец, объявятся. «Камаз» поехал работать дальше. А Влад собрал всех в офисе, включая Контуженного и Рыжих с двумя коробками пива.

-Начинаем экстренное совещание по вопросу: Вновь открывшиеся перспективы в бизнесе. У кого есть, что сказать, господа?

-Кисловато...

-Привкус какой-то...

-На одеколон немного...

-Может, старое?

-Одеколон старым не бывает!

-А ты что, пробовал одеколон?

-Какой же русский не пробовал одеколон?

-Дрянь!

-Почему? Бывает вполне приличный!

-Господа, попрошу по делу...

-Так я же по делу! Пиво - дрянь!

-Предлагаю: пойти купить нормального пива!

-И водки!..

Несмотря на то, что китайским пивом совещание не ограничилось несколько раз подряд, оно получилось рабочим. Рыжим было разъяснено, что ответхранение предполагает ответ за плохое хранение и ответ этот, если что, держать им как обладателям единственного ключа от гаража. Предложение Рыжих сделать копии ключей для Влада и Контуженного не прошло: Контуженный сказал, что он ключи обязательно потеряет, а Влад сказал: «Что я, рыжий?». Лева получил первое задание, достойное его должности: найти хозяев пива и все про них узнать. Между последней в этот день бутылкой «Распутина» и первым «Роялем», сфабриковали накладные, и уже ближе к утру все силы сотрудников были мобилизованы на поиск покупателей: нашедший получит десять процентов от сделки.

На следующий день Влад, проснувшись в офисе ближе к обеду, разбудил Леву, сказал, что тот остается за главного, и ушел. Рыжие и Контуженный проснулись на сиденьях находившегося в гараже на ремонте БМВ и продолжили обсуждение перспектив. Контуженый сказал, что может предложить пиво соседу: у того ларек возле авторынка, он знает оптовых торгашей, глядишь, и продастся. Рыжие сказали, что могут обойти все контейнеры на оптовом рынке и предложить товар: наверняка возьмут. Сперва они решили провести маркеттинговые исследования: найти где-нибудь в продаже такое же пиво и узнать его цену, тем более что в ларек, как ни крути, идти придется. Пошли втроем. В первом ларьке купили «Жигулевского» и опохмелились рядом на лавочке, а во втором повстречали Леву, который, как и они, занимался маркеттингом. Лева, желая сбить с толку конкурентов, сказал, что это двадцать восьмой ларек, проинспектированный им сегодня, хотя на самом деле это был первый: китайского нигде нет. Рыжеконтуженные ответили взаимностью: «Уже час по ларькам ходим, снова нажраться успели: китайского не видели». Лева купил пива, поправил голову и поехал домой, а работники гаража взяли двух «дважды обезображенных на бутылке» и вернулись в бокс. Перед тем как напиться и снова заснуть в БМВ, они успели договориться:

-так как маркеттинговые исследования выявили отсутствие китайского пива на значительной части российского рынка, предложить Слону идею выдать его за японское вино.

-поднять перед руководством фирмы вопрос о повышении процента со сделки, так как десятой части на троих мало.

-объединить усилия в деле реализации китайского;

-нашедший покупателя получит половину от причитающейся им доли, а остальные - по

половине другой половины.

Конечно, ни на следующий день, ни на следующий месяц Контуженый не предложил выгодную сделку соседу: надо быть идиотом, чтобы что-то делать, зная, что половину денег за это съедят Рыжие. Рыжие не поехали по оптовым рынкам по той же причине. Все решили предоставить инициативу компаньонам и удовольствоваться всего четвертью, но зато нахаляву.

Леве, не верящему в собственную способность продать что бы то ни было вообще и столько пива в частности, не могло прийти в голову бегать по хорошо и плохо знакомым, имеющим или не имеющим отношение к ларькам и рынкам. Но так как он был чрезвычайно взволнован своими неоднократными ночными расчетами рублевого эквивалента десятой части, решил-таки сделать то простое и, главное, бесплатное движение, которое позволило бы в будущем не чмырить самого себя за бездействие, когда на пиве разбогатеет кто-нибудь рыжий или контуженный: дать объявление в «Из рук в руки».

За месяц ответхранения с пивом ничего не происходило, если не считать нескольких пропавших бутылок, вынутых втихаря из разных ящиков Контуженым, и разговора босса с директором:

-Лева, про хозяев пива узнал?

-Да пропали они!.. Звонил, письма посылал...- Лева чуть было не брякнул: «И телеграммы», но сообразил, что это будет явное вранье. Хотя, и «письма» - тоже перебор.

-Ну!? Письма?..

- Три штуки отправил!- насколько мог честно посмотрел Лева Владу в глаза, - Не отвечают!.. Да фуфло они... дермантиновое!

Но вскоре после этого разговора закончилось ответхранение: во-первых, Контуженному все-таки сделали ключ, во вторых, еще один ключ был выдан приятелю Слона, который приехал откуда-то с севера и стал иногда оставлять в гараже свою машину на ночь. Ну, и главное: когда этот приятель приехал, Слон, которому было лень бежать в ларек, сам вытащил из разных ящиков несколько бутылок и со словами: «Все равно прокиснет!» утащил их в офис. Рыжие, поняв, что они ни за что больше не отвечают, тоже стали регулярно тянуть потихоньку из ящиков. В следующие два месяца они вместе с Контуженным выпили столько китайского пива, что даже привыкли к нему и оно начало им нравиться. Вскоре об этом источнике знал уже весь завод. Работяги, проходя через проходную, шли не по своим рабочим местам, а прямиком в гараж «Милосердия», чтобы зацепить перед работой бутылочку-другую китайского, добренькие Рыжие никому не отказывали. По всей территории завода тут и там валялись характерные длинные бутылки, и Слон, видя их, недоумевал, почему столь популярный в народе напиток никак не удается продать.

Лева знал, что пиво расхищается, так как иногда заходил в гараж поболтать с Контуженным и несколько раз в этом участвовал, но истинных масштабов воровства себе не представлял. Поэтому, случайно найдя покупателей: они оказались его пассажирами, когда он в очередной раз выехал «побомбить» на «Жоржике», прибежал к Слону и напомнил об обещанном десятипроцентном вознаграждении. Слон встречаться с покупателями не стал: написал какие-то бумаги и отдал их Леве:

-На, тебе на подпись! Бумаги - им, пиво - им, деньги - мне!

-А мне?!

-Конечно, конечно! Я все помню! - И куда-то уехал.

Вскоре пришли покупатели. Лева, в первый раз ощущая себя настоящим директором, позвонил в гараж и как можно более властным голосом приказал срочно принести в офис три бутылки пива. Контуженный, не слышавший раньше такого от Левы, решил, что это шутка, и пришел с тремя для Левы, еще тремя для себя и прихватил оставшуюся после обеда рыбу. Войдя в офис и увидев, что Лева не один, на секунду замешкался. Лева подмигнул ему:

-Поставьте все на стол и идите работать!

Дисциплина в фирме произвела впечатление, покупатели быстро все уладили с бумагами и отсчитали деньги. Потом подогнали к гаражу «Камаз» и начали грузить:

-Что-то ящик больно легкий!

На проверку в ящике оказалась одна бутылка... Покупатели вопрошающе уставились на Леву.

-Это случайность! - пытался тот спасти положение, но в следующем ящике, который вскрыли, было и вовсе пусто.

Лева вдруг почувствовал себя в том самом бою, о котором неоднократно слышал от Слона. Он, считавший, что находится глубоко в тылу, и не знавший, как бы это оказаться в окопах и заслужить, изредка, но очень метко постреливая, вожделенную награду, вмиг оказался на переднем крае всенародной битвы за деньги, под прицелом вражеских орудий, заслонив своим телом Родину, которой в данный момент являлся «Союз Милосердие», или даже еще хуже: уже в плену, на допросе в гестапо, где его, без сомнения, замучают насмерть, так как ответа на вопрос: «А где же пиво?» он не знал. Но вариант с Гестапо он сразу отмел: передний край лучше! И пошел в атаку:

-Всем оставаться на местах! Пиво украдено! Контуженный! В помещение всех впускать, никого не выпускать! Я - в отдел охраны! До прибытия следователей не двигаться, можно затоптать следы! - И не дожидаясь, пока покупатели очнутся, выбежал за ворота. Скорей, к своим! Только где они?

Влад оказался дома. Первую половину пути до него Лева в основном пробежал, даже кололо в печени. Но в конце пути он уже еле плелся, и вовсе не от усталости. Во-первых, за ним никто не гнался, а во-вторых, понял, что в атаку идти было вообще не нужно. Ну, не оказалось пива... Надо было тут же вернуть людям деньги, и все! Не он же его выпил в конце концов! И какое ему, Леве, дело до того, что за это пиво потом кому-то оторвут рыжую голову? Он-то, Лева, ничего плохого не делал! Сидел себе, бумажки подписывал... Вот именно, подписывал...

Влад налил ему чаю, выслушал:

- Кто они такие?

-Один - Саша. Второй - не знаю.

-Ты какие-нибудь бумаги с их реквизитами себе оставил?

-Нет. Ты ведь сказал: «Бумаги - им, пиво - им...»

-А деньги - мне!

-Так что, деньги? Деньги, выходит, тоже им. Вернуть придется!

-Как это - вернуть? Ты что, директор?! Так всех денег не заработаешь! Деньги - мне!

Лева никак не ожидал, что эта несметная куча денег, занимавшая у него все имевшиеся карманы, с его точки зрения - чужая, может для кого-то, кроме законных хозяев, представлять интерес...

-Так тебе их, что ли, отдать?

-Так конечно!

Лева, счастливый, как боец, демобилизованный с войны перед самым генеральным поражением, причем даже не по ранению, вывалил изо всех карманов на стол пачки купюр:

-Ну, ты с ними сам разрулишь?!

-Ну да... Ты завтра сидишь в гараже. Закройся изнутри и никому не открывай, только мне. Рыжие - в офисе. ...И еще Отморозка позову...

ОТМОРОЗОК

Отморозок был боец. По характеру, по призванию, по профессии. Еще в детском садике он, самый низкорослый и щуплый, был непобедим, потому что даже от проигранной драки получал удовольствие. Причем не столько от драки, сколько от прелюдии к ней. Когда драка уже в разгаре, он, как и все мы, испытывал злость, азарт, страстное желание убить противника, а потом еще долго глумиться над трупом, но это не приносило ему большой радости: сама драка была для него скорее работой. Даже победа была приятна ему не всегда, так как очень часто показывала, что противник был попросту недостоин его внимания. Его больше волновали ощущения перед боем: сложная смесь... страха и желания победить, надежды на то, что драки не случится, и жажды крови, решимости биться до смерти и стремления выжить... Соотношение этих составляющих перед каждой дракой свое, и ему нравилось оценивать и разлагать на фракции эти переживания, как дегустатор духов с упоением вынюхивает, чего все-таки в них больше: осеннего сена или летней полыни.. Когда он еще не умел драться, его как мелкого и слабого часто били, но били нормальные дети: побив его раз и получив удовольствие от победы, они рассчитывали в дальнейшем получать от этой победы дивиденды в виде отношения к себе со стороны побежденного как к более сильному, а следовательно, более умному, взрослому и, разумеется, имеющему преимущественное право пользования игрушками, но этого не происходило... Получив одну порцию тумаков и найдя это приятным, будущий Отморозок вскоре подходил за другой. Поскольку били его почти каждый день, боевое мастерство его быстро росло, и с каждым раундом победа над ним давалась все большей кровью. Вскоре все большие и сильные обидчики согласились считать его сильнее. И умнее. Все имевшиеся в наличии игрушки тоже могли бы оказаться у его ног, если бы он того захотел, но любые игрушки не шли ни в какое сравнение с его любимым развлечением. Школьные годы, ставшие для него непрекращающейся чередой боев, принесли ему славу самого страшного стихийного бедствия в школе, аттестат, с которым не брали даже в ПТУ, и понимание того, что в жизни советского общества, где попросту отсутствовала должность «самый сильный», для него предусмотрено только одно место: нары. Конечно, семья и школа пытались направить его талант в хоть сколько-нибудь полезное русло, записывая его с началом каждого нового учебного года в секцию бокса, но там его ни разу не успели даже научить толком разминочным и общеукрепляющим упражнениям: еще до начала боев на ринге он успевал избить всю секцию после занятий и, не найдя достойных соперников, терял к этому спорту всякий интерес. Потом был Афганистан, но с Советской Армией у него тоже не сложилось: невзлюбил он саму ее основу, хоть и не был летчиком. А дебилоначалие ответило ему взаимностью. Неизвестно, как бы он смог устроиться, если бы не развал социализма. В только что родившемся обществе все стало товаром, и если некоторые из них, вроде выбивалок для ковров, нужны были только Нахаликам, то такой товар, как слава непобедимого Отморозка, про которого знал уже весь город, был нарасхват. Ему тогда даже начало казаться, что он нашел свое место в жизни: из всех вышибателей долгов и специалистов по ведению базаров в городе он был самым высокооплачиваемым. Казалось бы, живи да богатей, раз твое время пришло, но и тут Отморозок не нашел своего призвания... Ведь его-то по прежнему волновали не слава и не деньги. Ему, как и раньше,

требовалось каждый день вкушать страх. Страх перед боем. А боев-то и не было. Они закончились навсегда, так как из-за его славы только полный отморозок вышел бы биться с ним, самим Отморозком. Его рабочий день был полон стрелок и разборок, но сводились они, по сути, к административной работе: он высказывал свое мнение по существу спорного вопроса, и дальше начинала работать его слава: все соглашались. Он стал правосудием, его последней инстанцией. Обвинителем, адвокатом, судьей и управлением исполнения наказаний в одном лице. Кто бы отказался от такой жизни? Только полный отморозок. Ему зачем-то понадобилась справедливость! Какой бы еще обвинитель, судья или адвокат, купаясь в деньгах и собственной значимости, успевал бы думать о справедливости? Этот рай и является высшей справедливостью. Но Отморозок-то был полный. Он, человек, ничего не умевший, кроме как бить, вдруг осознал свою ответственность перед - ни много ни мало - историей. Если он здесь в одиночку вершит справедливость, то сам он должен быть уверен, что она - его справедливость, по-настоящему справедлива. Заподозрить, что это заговорила совесть, он не мог, так как за каждый день своего детства по нескольку раз слышал, что ее у него нет. Он зачем-то начал дознаваться до существа дела, выслушивать мнение другой стороны и даже свидетелей, и... выносить иногда оправдательные приговоры. Такое «правосудие» скоро стало никому не нужным и он вновь оказался не у дел. К нему теперь обращались за помощью только хорошо знакомые - люди, которые, как он был уверен, могут биться только за справедливость. Ну, даже если и за деньги, то только за свои, чужого не возьмут. А если и возьмут, то только у плохих людей. Одним из таких и был Слон.

Главный рубеж обороны «Союза Милосердие» проходил в офисе: Слон, Рыжие, Контуженный. Засадный полк - Отморозок, он слоняется по улице и вступает в сражение только в том случае, если в офис захотят пройти силы неприятеля, численно превосходящие главный рубеж. Его задача - пропустить в офис только двоих, максимум – троих, остальных загасить на улице. Боевое знамя «Союза» - Лева, которого как главного и единственного подписанта, фигуранта и так далее ни в коем случае нельзя сдать неприятелю, заперся в гараже. На дальних подступах - работники проходной: им обещано приличное, конечно же, китайского производства, вознаграждение за своевременный сигнал о начале наступления противника и в десятикратном размере - за непропущение на территорию под любым предлогом главных ударных сил.

Враги тоже не с неба упали. Они жили в то же самое историческое время, что и оборонявшиеся, и поэтому тоже кое-что смыслили в тактике обычных в те времена накладных и приемо-сдаточных боев: до обеда они вообще не появились. Часа в три дня, когда сторожа, не дождавшись обещанного, сами сходили в магазин, боевое знамя без сил распласталось на еще больше опустевших от ожидания битвы ящиках, а Отморозок настолько устал ждать приближающуюся неприятельскую армию, что отдельно идущих четырех человек вообще перестал замечать, они явились... Их было четверо:

- Нам нужен директор Союза «Милосердие» Кульбизеков !

-Он сейчас в командировке, - ответил Слон. - А вы по какому делу?

-По важному... А когда он вернется?

-Не знаю. Но вы можете оставить свои реквизиты, он, как только появится, сразу с вами свяжется!

-Да мы и так ему много чего оставили! А ты тут кто?

-Я? Сторож!

-Передай ему, что если завтра его не будет здесь вместе с деньгами, то сторожу тоже мало

не покажется.

-Передам...

Они молча пошли к выходу...

-Постойте, постойте! Вы хоть скажите, кто вы!

-Он знает!

-Мужики! Я вас прошу! Вот бумажка, напишите, пожалуйста, кто вы, где вас искать, телефоны! Я ведь здесь просто сторож. А этот Кульбизеков - чисто зверь: в прошлый раз вот так же пришли люди, не сказали, кто такие, и ушли... Как я их ни просил, реквизитов не оставили... Так Кульбизеков мне за это челюсть сломал. Верхнюю. Сжальтесь, мужики!

Война закончилась на следующий день, и выиграл ее Отморозок. Он приехал на стрелку вместе с трясущимся от страха Левой и Рыжими и с ходу весело заявил представителям другой стороны, что деньги, полученные Левой, никто никому не собирается возвращать, так как товар надо проверять до оплаты. Те, кто считает иначе, могут подходить к нему за дополнительными разъяснениями хоть по одному, хоть налетать всей кучей. Говоря это, он не делал обычную в ту пору распальцовку, и даже в его голосе не было угрозы: он как-то странно двигался. Его движения не напоминали боевые искусства, они скорее выказывали клокочущую в нем энергию, ждущую выхода, еле сдерживаемую им до того момента, когда на него нападут. Противники, все восемь, так и стояли с засунутыми за пазухи руками, не осмелившись достать свои пистолеты, пулеметы, или что там у них оттопыривало спортивные костюмы. Они знали, что он всех их убьет, дай они ему только повод. Даже застреленный, даже расчлененный, Отморозок будет прыгать, скакать и бить их. Пока всех не уничтожит.

КАТАЛА, КИДАЛА И ШЕСТОЙ ПРЕЗИДЕНТ.

Столько денег разом у Левы не было никогда. Проснувшись на следующее утро в офисе, он первым делом ощупал туго набитый карман: здесь они, родимые, добытые в самом настоящем бою. Вечером после победы он, конечно, пьянствовал, причем один. Все остальные его не поддержали и разошлись, спеша растащить по тумбочкам полученные гонорары. Рыжие исчезли самые первые, пока Слон не вспомнил, что и они кое-что заслужили. Лева был рад, что остался один: купив самую дорогую, какую только нашел, бутылку водки, булку хлеба, жареную курицу, копченую колбасу, томатный сок и шпроты; он все это вмял один, наслаждаясь тем, что можно жрать и не думать, сколько это стоит. Тогда же, вечером, он распланировал и ближайшие дни... Предстояло сделать главное дело жизни: купить автомобиль. У него, если еще продать «Жоржа», должно было хватить на вполне приличный японский ремок.

Лева быстро сбегал в киоск за газеткой с автообъявлениями, вернулся назад, но перед проходной замешкался: ему пришло в голову, что просто так выбирать себе машину неинтересно. Он так же быстро сбегал еще и в ларек за водкой, уже не самой дорогой, так как еще вчера понял, что к хорошему следует привыкать постепенно. Надо дать возможность адаптироваться к новым условиям и Жабе, которая вчера вела себя просто несносно, несмотря на то, что на ужин Лева купил далеко не все, что мечтал купить, когда разбогатеет.

На закусь ограничился колбаской. Вернувшись в офис, он обнаружил там Слона и еще одного, судя по внешнему виду, жулика. Слон, увидев Леву с бутылкой и колбасой, радостно сказал второму:

- Видишь, как у нас... Даже не спрашивают: «Чего изволите?». Лева, наша тебе с Крымским благодарность в виде разрешения на сдачу стеклотары из офиса.

-Которую вы с коллегой напьете тут за ближайшие две недели?

-Ты что, Лева? Только за одну! За вторую мы сами сдадим, чтобы хватило на третью. Кстати, это Лева, наш директор, по совместительству завскладом пива и официант.

-Крымский! - по барски протянул руку гость. - Мы с Владом вовсе не коллеги.

-То есть ты не кидала, как Влад, а, наоборот, слесарь четвертого разряда?

- Он не кидала, как я, а, наоборот, катала! - сказал Влад. Лева от души заржал, но скоро умолк, увидев, что неколлеги не смеются.

-Хи-хи-хи... - закончил эту часть разговора Крымский, и все трое помолчали, пытаясь придумать новую тему, позволяющую блеснуть остроумием. Лева уже был готов высказать мысль о бутылке, которую принес: дескать, куплена для опохмелки, а у господ катал и кидал соответствующее состояние будет только завтра, так что они в пролете. Влад собирался было сказать, что опохмелиться этой бутылкой Леве, видимо, не судьба: похмелье в фирме назначается на завтра и последующие две недели, а до завтра бутылка по любому не доживет, но гость оказался проворней:

-А директор с нами в Москву поедет? - спросил он Влада.

-Не знаю. Лева, в Москву со мной поедешь?

-Что там делать?

-То же, что и здесь, но за совсем другие деньги. Наливай! Дело к обеду, а ты еще не опохмелился!

Выпили. Лева сел за стол, положил перед жульем хлеб и колбасу, достал им из ящика стола по ножику, чтобы пошинковали, и разлил по второй:

-Влад, с тобой за совсем другими деньгами - хоть куда. А когда ехать?

-Во какие у меня кадры! За это и выпьем!

Выпили, заели колбаской. Крымский, не переставая жевать, изобразил на лице счастье и, посигналив Леве бровями, обвел пальцем пустую тару. Лева налил, снова выпили, заели.

-Кстати, хорошая иллюстрация к моей теории: «оказаться в нужное время и в нужном месте» - прожевав и снова обведя пальцем рюмки продолжил умничать Крымский. - Какую роль сыграл, например, Лева - директор, по совместительству, официант, в общественной жизни, предположим, Российской Федерации... Никакую, конечно, но это пока. Когда у нас все получится, мы возьмем его министром, в смысле - премьер-министром; его имя займет место в истории, но вовсе не потому, что он обладает какими-то качествами, необходимыми высокому чиновнику, вождю, или там совершит бессмертный подвиг во имя России; его подвиг лишь в том, что он в нужное время появился в нужном месте: сейчас и здесь. Да, очень важно; еще с необходимой нам вещью - он хотел указать снова на бутылку, но ее, уже пустой, на столе не оказалось. - Даже его талант разливающего нельзя считать заслугой: он ведь это делает не из желания ублажить нас, будущих президентов, а инстинктивно...

- В смысле - Вас, будущего президента?! - поправил его Влад.

- Господа правители, а как в вашем бюджете обстоят дела со статьей «представительские расходы»? - поинтересовался Лева, понимая, что бежать и платить, опять его очередь, причем - если против первого он почти ничего не имел, то против второго был категорически.

-Лева! - Влад искренне посмотрел ему в глаза - Мы вчера в аэропорту напились, как пролетарии, а менты повели себя... ну прямо, как кидалы бессовестные. Я сбегаю... Денег дай!?

Крымский был давним приятелем Слона, если не сказать- другом. Конечно, слово «друг» ассоциируется с патологической честностью, преданностью и самопожертвованием, а этими качествами друзья не были обременены в силу своих профессий, но если принять за аксиому, что дружба - это не история отношений двух людей, где нет места лжи и предательству, не хроника взаимопомощи длиной в целую жизнь, а просто чувство двух людей друг к другу, которое они сами считают дружбой, то они, конечно, были друзьями. Познакомились они, ясное дело, в Крыму: катала кидалу катнул. Но кидала в долгу не остался: сославшись на необходимость сгонять быстро куда-то в Сибирь за проигранной суммой, сумел убедить каталу, который в принципе не мог дать кому-либо деньги, одолжить ему на дорогу, и естественно, кинул. В следующий раз, встретившись в Крыму, они пропьянствовали вместе несколько дней, отчего и возникла дружба. После этого они раз - другой в год встречались и устраивали совместные запои, а в этот раз Крымский специально прилетел побухать с другом.

Пока Влад бегал за пузырем, Крымский, почуяв в Леве благодарного слушателя, впился ему в ухо:

- Бегу, бегу куда-то... Раньше жил возле пляжа, летом работал, зимой обычно женился. Хорошо было, счАстливо. Но скучно. А потом пошли деньги...- Он опустил голову и замолчал, явно ностальгируя по временам, когда летом обычно женился...

-Так хорошо ведь... ...Деньги пошли... - поддержал беседу Лева, отметив про себя, что если человек рисует на лице счастье при встрече с вареной колбасой и тоску, говоря «пошли деньги», то, наверное, рисуется.

-Не подумай, что я рисуюсь. Просто, когда денег становится больше, чем надо, они становятся главными, а ты сам - второстепенным. Вот сейчас: еду в Москву. Сто лет бы она нужна мне была, если б не деньги. Должники у меня там. Еду выколачивать. И ведь понимаю, что и без этого мне хватает, но все равно еду, бросить невозможно. Вот и выходит, что не деньги для меня, а я для денег...

-Так не едь!

-Как не едь, там ведь такие суммы! Да и не только в суммах дело, не могу я их отпустить, сволочь эту!

-Все должники - сволочи? - Лева вспомнил Рыжих, которые давным давно должны ему двести тысяч за помощь в покраске того самого БМВ, в котором они любили поспать, и никак не отдают; ненависти к ним он не испытывал.

-Не все, только менты и депутаты!

Лева не ожидал такого поворота и молчал.

-Все мои должники в Москве - менты и депутаты. Существует закон имени меня: человека, которому деньги достаются трудовО, главное - усадить перекинуться. Слесарь, как ты выражаешься, четвертого разряда, трезвый играть не сядет никогда, потому что знает, как денежки достаются. Этих надо сперва напоить. Но потом - никаких проблем: достанет из жениных трусов последнюю заначку и отдаст. А кому деньги с неба упали - все наоборот. Сам уговорит тебя сыграть, сам напьется, проиграет состояние и при этом будет орать, что это для него мелочь. А отдать эту мелочь не могут. Никак. Вот тебе и не едь!..

Вова еще долго с болью рассказывал Леве о сложности получения денег у проигравшихся представителей власти и других издержках своей нелегкой профессии, практически оставляя без внимания попытки Левы, которому уже надоел этот плач, его как-то успокоить:

-Сейчас время такое… Всем зарплаты задерживают!

Вернулся Влад, продолжили пьянство.

-Крымский, - продолжил старую тему Влад, разливая. - Мне еще вчера подумалось: ну, должна тебе, пусть даже половина депутатов, но назначить президентом они ведь тебя не могут. Я, конечно, могу ошибиться, но, кажется, президента выбирают... ...всенародным голосованием! - Говоря это, Влад пытался понять, что означают эти разговоры: наступление гражданской зрелости, потерю чувства юмора или начало маразма.

-Ты не ошибаешься: кажется. На самом деле главное - оказаться, я же говорил, в нужное время в нужном месте. Представь: прямо перед выборами половина Думы замолвливает словечко перед президентом: «Вот он, отличный мужик Крымский!» Тот говорит по телевизору: «Вот он, мой приемник.»... И все!.

- Что, «все»? - взъелся вдруг Лева. - А программа, биография, политическая ...как его... ориентация?! Что-то ведь ты должен будешь сказать! - Лева, как и Влад, не ожидал от себя живого участия в подобной дискуссии, поэтому его тоже посетила мысль о маразме.

-Нет. Говорить, как раз ничего не надо. Тех, кто много говорит, ни за что не выберут. И биография у меня подходящая. Дата и место рождения есть, а остальной жизни - нет. Ни семьи, ни профессии. Трудовой книжки, аттестата об образовании и судимостей тоже нет. Можем нарисовать что угодно, как тебе, например: «Гений, вытолкнутый Советской властью на обочину жизни за отказ вступить в комсомол и посыл учительницы Виолетты... Как же, как же Валетту-то по отчеству? - Забыл, сами понимаете куда совместно с ее любимой Великой Октябрьской Социалистической Революцией. Это, кстати, факт. А если стану президентом, то потом историки скажут, что этот факт с Виолеттой был судьбоносным для России. На этой основе и дорисуем остальную биографию. Не забудем указать и достаточно близкое знакомство кандидата в президенты с преступным миром: в августе одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года он был вероломно кинут знаменитым жуликом, впоследствии неоднократно судимым, что, кстати, тоже факт, подтвержденный многими томами уголовных дел!

-Какой там факт подтвержденный?

- Тот факт, что ты - жулик!

-На этой жизнеутверждающей ноте предлагаю и выпить. - сказал Лева. - Кстати, как ты объяснишь, что жулик, кинувший тебя, вдруг стал премьер - министром?

-Видимо, - в очередной раз опрокинув стопку и закусив, подытожил Влад, мою биографию тоже придется подправить. Типа: был пионером нарождающегося капитализма, за что и парился. И еще за политические убеждения. А премьер - министром, Лева, будешь ты: тебе не привыкать все подписывать. А я бы в Центробанк пошел или еще куда-нибудь поближе к деньгам...

Появился Отморозок:

-Всем здрасьте!

-Знакомься, это Отморозок, я тебе вчера рассказывал... А это - Крымский.

-Интересная фамилия!

-Это не фамилия!

-Ясно. Очень приятно. Слушай, Влад, а про Рыжих-то забыли?

-Они теперь рабы. Кто такие, чтобы про них вспоминать?

-Отлично! Устроим гладиаторские бои!

-Нет, их надо беречь: золотые руки! Пусть трудятся по специальности, пока «Камаз» пива не отработают. А вместо зарплаты им - хавчик и пиво. Китайское. Вот, если плохо работать будут, тогда организуем им бои - с тобой! Крымский, вот кого надо взять в Москву, долги-то вышибать!

-Вряд ли. Там вместо отморозков давно уже менты орудуют. Да скоро и везде так будет. Может быть, потом, когда в Кремль въедем... министром обороны?! Или главным консультантом судебных приставов!

-Спасибо, я уж как-нибудь в несудебных... Так Рыжих что, не трогать?
-А что толку их трогать? У них ничего нет! Они должны за выпитый «Камаз», а других долгов за ними нет...
-Есть! - ожил Лева. - Они мне двести тысяч должны, месяц не отдают!
-Зачем же ты им дал?
-Я не давал. Я у них заработал!
-Ты?! Заработал?!
-Да! Фарщиком!
-Ты варишь?
-Да не сварщиком, а фарщиком! Они машину красили, а я, как дурак, вокруг нее со специальной фарой ходил и грел, чтобы краска правильно высохла...
-И за это - двести тысяч?
-Так они эту машину целую неделю красили и перекрашивали...
-Отморозок, это меняет дело! Только руки их береги... Головы не береги: пустое!

Отморозок не пил и поэтому скоро ушел: было даже непонятно, зачем приходил. Неужели только за санкцией на избиение Рыжих? А остальные продолжили пропивать Львиную долю и развивать президентскую тему:
-Ну ладно, ты - президент, Влад - по финансам, я – министр; и что мы со всем этим делать будем?
-Да то же, что и сейчас. Я - катать, он - кидать. По специальности. Подоим эту страну слегка, много ли нам надо на всю оставшуюся жизнь?
-Много! - не согласился Влад, - Я заметил: чем больше у меня есть, тем больше не хватает!
-Так в чем дело? Останемся на второй срок, на третий!
-А на третий нельзя...
-Поменяемся! Ты будешь президент, а я - зам! Ты будешь третий президент России, а потом опять поменяемся... И будем пригибать все ниже и пихать все дальше! Ты - третий, пятый, седьмой, я - второй, четвертый, шестой. Нет, ерунда какая-то. Не хочу шестым! Лева, шестым будешь? Правда, к тому времени тут ничего хорошего уже не останется...
-И долго народ это жулье терпеть будет? - не унимался Лева
-Конечно! Он же при нас будет хорошо жить! Зарплаты, пенсии - все вовремя!
-А деньги откуда?
-Продадим чего-нибудь... Нефть, газ, лес... Да мало ли чего...
-Нынешние тоже все бы продали, да не очень, видимо, берут!
-Самый ходовой товар, - сказал Влад, - скажу как специалист, - обещания. Например, мы им скажем: платите нам все четверть, сейчас, а мы вам потом...
-Что?
-Вот такую пенсию!
-Не мало?
-Пенсии?
-Четверти.
-Не хватит - возьмем треть! Да меньше трети ни одна крыша не берет!

Влад был парень опытный и водки принес достаточно: Леве пришлось вместо выбора автомобиля весь день пить, слушая Слона и Крымского, которые, ничему не научившись в жизни, кроме как трепаться и хапать чужое, трепались о том, как хапнут всю страну. Еще долго они, постепенно напиваясь, придумывали, что сделают со всякими там губернаторами, журналистами и прочим людом, которому может не понравиться их план, и уже когда мозг их состоял на девяносто процентов не из воды, как положено, а из водки, решили, что

столько лет возиться с Родиной ни к чему: надо ее продать оптом. Америке. По сходной цене.

Ночевать Лева в первый раз за несколько дней пришел домой и проспал на следующий день до обеда. Разбудил его звонок в дверь. Это пришли Рыжие, найдя его непонятно как: никто из «Милосердия» у Левы дома не был и адреса его не знал. Открыла им Левина мама:

-Ой, что это с вами? - У каждого вместо правого глаза был черный синяк размером с донышко пивной кружки.

-Упали мы. Добрый день. Кульбизеков здесь живет?

Вышел Лева.

-Привет, Лева! Вот деньги, наш долг, пересчитай...

-Что-то больно много.

-Тут еще и проценты...

Процентов оказалось гораздо больше, чем долга, и Леве пришлось ехать на работу, чтобы отдать их Слону, хотя он и собирался устроить себе выходной. В офисе оказались два незнакомых мужика: они рылись в Слоновьих бумагах:

-Вы, случайно, не Кульбизеков Лев Иванович будете?

-Кульбизеков!

-Как Вы вовремя... Оперуполномоченный Иванов! - представился один, пока другой, напрягаясь в основном мышцами лба, пытался вникнуть в содержание какой-то бумажки.

Лева прошел к креслу, ухнулся в него и застыл надолго, упершись невидящим взглядом в стену. Вот оно, то, чего и боялся и ждал. Но, как всегда бывает у оптимистов, ждал не сейчас, а когда-то потом, примерно в следующей жизни. Раньше, представляя эту ситуацию, он видел себя бросающим в лицо оперуполномоченного тяжелые, как кувалда у Рыжих, слова: « право на защиту», «презумпция невиновности»… Но главное - при этом всегда присутствовал Слон, и недоразумение вскоре разрешалось: дураку ясно, что организатор всех побед и поражений «Союза «Милосердие» - он. Но когда дошло до дела, Слона-то и не оказалось. Лева поймал себя на том, что, скользя взглядом по офису, как бы в прострации, всякий раз останавливался и вглядывался пристально, упираясь в предметы, способные что-то скрыть: в щель за тумбочкой или в темноту под диваном. Взгляд сам, помимо воли и не слушая разума, который точно знал, что спасения нет, все равно искал Слона - и за тумбочкой, и под диваном, и за шторами...

Вскоре менты ушли, взяв какие-то бумаги, часть из которых Лева, как обычно, не читая, подписал.

-И что дальше? - спросил он на прощанье.

-Ждите известий. Подписку с Вас не берем, но если захотите куда-то поехать, то сперва позвоните по номеру, который я Вам записал.

Весь оставшийся день, а потом и вечер и ночь Лева пил почти не закусывая и звонил, звонил, звонил. Только утром, когда уже казалось, что Лева кинут им, как какой-нибудь последний покупатель пива, Слон позвонил сам: «Я все знаю, одевайся и подходи на автобусную остановку. Я тоже туда подскочу, и мы кое-куда съездим. Назад вернемся послезавтра». Лева зашел в гараж, где, как ни в чем не бывало, трудился Контуженный. Ему Лева доверил сохранить свои деньги и отправился «кое-куда». Ехали они чуть не сутки: Слон рулил, останавливался поспать на часик, заходил в кафэшки и пил тройной кофе, а Лева спал

на заднем сиденье, изредка подбрасывая в организм очередную банку пива: во сне он был радисткой Кэт, которую Штирлиц везет в другую жизнь, где нет гестапо, ментов и подписанных ею собственноручно шифровок. Но главное - сам Штирлиц рядом. И если на границе поймают, то пытать будут уже его... Вот и граница... Забор, колючая проволока... Вывеска «Исправительная колония №…». Эсэсовцев пока не видно. Слон вылезает из-за руля, открывает заднюю дверь: «Приходи в себя, пассажир. Приехали!»

Охрана встретила Слона, как мать - вернувшегося на побывку сына. Прошли в камеру...

- Вот, Лева, жить ты будешь здесь! Василич тут начальник, он присмотрит, чтобы тебя не обижали.

Лева, увидев ровные ряды безупречно заправленных коек, сразу вспомнил свое летное училище. У него защемило сердце. Как он ждал все годы учебы того момента, когда навсегда покинет свою ненавистную казарму, в которую сам себя упрятал, ведомый мечтой о небе, на долгих четыре года... И каких! Восемнадцать лет!.. Вспомнил, как, покидая училище, вышел за ворота с друзьями, все вдруг остановились и обернулись, а Славка Иванов сказал: «У меня такое чувство, что я покидаю тюрьму!». «Действительно, тюрьму! Даже не верится, что этого в моей жизни никогда больше не будет...» - подумал тогда Лева. Но вот, поди ж ты, опять придется, только уже не добровольно. Хотя нет. И в этот раз добровольно.

-Влад! Я слышал, что тут, если не с тем за руку поздороваешься, то могут и это...

-Могут, конечно... Но ты не бойся. Ты здесь - как будто я. Очковтирательством с тобой заниматься не будут.

Обратную дорогу Лева прожил тоже на заднем сиденье, но не спал и не пил. Ему казалось, что он умер. Ближе к дому стало полегче:

-Влад, а сколько мне дадут?

-Откуда я знаю?!

-Влад, ты ведь меня на работу брал...

-А я тебя и не увольняю. Считай, что это будет командировка. Хорошо оплачиваемая командировка!

Вернулись вечером. Слон высадил Леву возле его дома и уехал, сказав, что тот должен в рабочее время находиться в офисе. Сам он исчезает, но будет постоянно в офис звонить.

Лева, пока поднимался на свой четвертый этаж, понял, что дома он находиться не сможет. Он еще не придумал, как подготовить мать к свалившемуся на них горю, а поэтому придется врать, отвечая на вопрос «где пропадал», и делать вид, что все в порядке, отвечая на сотню других вопросов, еще более идиотских в сегодняшней ситуации. Он почувствовал, что находиться сейчас рядом с другим человеком будет просто невыносимо, тем более - с матерью. Один он побыть тоже не хотел. Он хотел вообще не быть, и знал, как этого достичь: надо поехать в офис и напиться до беспамятства.

-Где пропадал?

-Был в командировке и срочно уезжаю в другую...

-Прямо сейчас? Хоть поешь! Помойся!

-Некогда, я зашел только предупредить, чтобы не волновалась. Пока!

Выйдя из подъезда, он остановился и посмотрел на светящееся окно своей комнаты. К нему подошел какой-то кот и стал тереться головой о штанину.

-Да ты что? Я сам сегодня бездомный. Ко мне не пойдем. - Кот не уходил. - Может, к тебе?

Беспамятство продолжалось неделю. Телефон молчал, никто не приходил. Лишь Контуженный заглядывал иногда:

-Как ты, Лева?
-Да....
-Может, к Маринке?
-Да ну...

Потом стало хуже. Организм привык переваривать постоянно доливаемое в него пойло, и вместо пьяного сна осталась только усталость и боль во всем нутре, особенно в голове. Пить он больше не мог. Хотя и не пить - тоже. Его уже не страшила тюрьма, он хотел, чтобы поскорей пришли менты и сказали, наконец, сколько ему светит. Устав бояться, он начал размышлять и понял, что много не дадут: он ведь не убивал, не грабил. Он даже не крал. Решил больше не пить, а заняться чем-нибудь отвлекающим, например, почитать. Взял купленную им самим несколько дней назад газету... «Ниссан – Скайлайн, 1980 года выпуска, отличное состояние, правый руль, два литра, турбина, все дела, цена...» Крутая тачка, денег на нее, скорее всего, не хватит, но спросить: «Сколько стоит?» можно. Хотя за это время ее, вероятно, уже купили. А может, нет? Он уже потянулся к телефону, но остановился: даже если ее и не купили, ему-то она теперь зачем? Газета полетела в дальний угол, но посредине пути расправила листы, затормозила и упала посреди офиса, распавшись на несколько частей... Чем бы еще заняться?.. Может, сходить к Контуженному, с ним бывает приятно поболтать. Так он опять начнет приставать с Маринкой... Вот! Маринка! Маринка и ее дурацкие фильмы - лучшее средство от хандры! Лева набрал гараж:

-Контуженный, у меня хорошие новости! Я ожил и хочу Маринку!

-А у меня - еще лучше: во-первых, вернулся Слон, только был в гараже и пошел в офис, а во- вторых, тебя не посадят!

Вошел Слон:

-Все, директор, да здравствует свобода! Наливай по полной!

-Да пошел ты... Сам наливай... Я - домой!

-Лева, прекращай! Все ведь зашибись! Я и денег тебе принес! Сядь, чтоб не упасть, и спроси меня: «Сколько?»

-Я - домой. Спать.

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ,

На следующее утро Слон, придя на работу, обнаружил там Леву, сидящего посреди офиса на стуле:

-Я сижу! Сколько?!

-На, считай! - Слон протянул ему полиэтиленовый пакет, полный денег, которые, к сожалению, оказались в основном сторублевками.

-Да как же это можно посчитать?

-Отнеси в банк: там и посчитают, и поменяют.

-Ну, скажи, сколько, что тебе стоит!

Слон не сказал. Но деньги были в упаковках, поэтому пересчет большого труда не составил. Теперь, если прибавить еще и первую получку, и «Жоржика», у него было столько, что он даже не знал, какую может позволить себе машину. Деньги он опять отнес в гараж и сдал на хранение Контуженному, но не все. Контуженный их припрятал, а потом выгнал из гаража

стоявшие там на ремонте чьи-то «Жигули», закрыл ворота и собрался куда-то ехать.

-Ты куда? - спросил его Лева.

-На авторынок.

Лева сел в машину:

-Поехали, я «Жоржика» здесь оставлю.

-Тебя куда подбросить?

-Не знаю... По дороге соображу!..

Лева взял в дорогу бутылку пива, она быстро кончилась, и он попросил Контуженого тормознуть у ларька, однако пока шел к нему от машины, заметил рядом кофейню. Ему почудилось, что она манит его сильней, чем пиво в ларьке, и Лева замедлил шаги, стараясь получше разобраться в своих желаниях. Тут он заметил, что следом за ним, догоняя, идет попрошайка, и обернулся.

-На пиво не дашь? - спросил человек. От него воняло, но он зачем-то хотел подойти к Леве как можно ближе, и тот вытянул навстречу человеку согнутую в колене ногу, защищаясь от него, как от вывалявшейся в падали собаки, лезущей прильнуть головой к бедру хозяина.

-Ты чего? - удивился человек. - Разве не знаешь? От сумы и от тюрьмы...

-Философ? Уважаю! - Лева протянул ему несколько сторублевок. ...Да, действительно, в кофейню он хотел сильней: резко повернул от ларька, до которого уже почти дошел, и махнул рукой Контуженому: «Езжай, пока!» Тот развел руками: «А иначе и быть не могло!» - и уехал. В кафе было пусто: то, что и было нужно Леве. Он не хотел шумно праздновать исполнение своей мечты, собрав за столом, на котором бы было все, Великого, Нахалика и Контуженного, и, задыхаясь от гордости, слушать, что он - вовсе не бездарность и неудачник, как все считали, а наоборот, начинающая свой кровавый путь акула бизнеса. Даже выпить он не очень хотел. Ему надо было просто побыть одному, чтобы растянуть и до конца прочувствовать настоящий момент: окончание прошлой, трудной, полной неудач и несбывшихся надежд и начало новой, без сомнения, замечательной жизни. Пришедшая на Левин призыв хозяйка заведения сказала, что из всего богатого ассортимента, характерного для данной забегаловки, в настоящий момент есть только три бутылки пива и три сосиски в тесте. Лева, для которого главным было отсутствие других посетителей, не стал привередничать: купил весь ассортимент и сел в уголке, довольный, что догадался купить третью бутылку и сосиску, которые были ему не нужны, но гарантировали одиночество. Почти час просидел он, наслаждаясь новым для себя состоянием: не надо было никуда бежать, не было никаких дел, обязательств перед кем-то, но безделье при этом не было омрачено постоянной, давно въевшейся в его полушария мыслью: «На что жить дальше?». Хотя ответа на этот вопрос, как и раньше, не было, он не требовал срочного решения, так как Лева уже решил потратить на машину мечты только часть денег, хотя и бОльшую. Оставшегося должно было хватить на пару месяцев безбедного существования, а за это время что-нибудь придумается... Но, просидев два часа и одолев все три комплекта, он, одновременно с желанием ничего сегодня не делать вдруг захотел чем-нибудь заняться. Хотелось придумать какое-нибудь новое, необычное занятие, приключение, но в голову ничего не лезло: домой; к Маринке; в офис... Но хотелось куда-то еще, только он не знал , куда. Может, в кабак... Крайний раз он был в ресторане пару лет назад, еще когда работал в ЖЭКе номер пять. Он вспомнил, как решил отметить свою первую халтуру - ту самую, у противной старухи в туалете - походом в ресторан.

Давным-давно, еще в то время, когда он только начинал создание своего судьбоносного конспекта лекций по марксизму - ленинизму, он был завсегдатаем подобных заведений. Не реже раза в неделю он вместе со своими молодыми и тогда еще холостыми друзьями посещал

бар или ресторан и гусарил там шумно и весело - до тех пор, пока вся компания не переженилась. Но так как в душе все остались гусарами, то шум и веселье не прекратились, а просто переместились из кабака в гаражи. Но как кабак - не просто накрытый стол со стоящим рядом официантом, а в первую очередь, атмосфера, способствующая раскрытию талантов пьяной личности, толкающая ее на похождения и приключения, так и гараж - тоже атмосфера. Только если кабацкая атмосфера стремится перемешать всех, перезнакомить и разбросать вокруг в случайных комбинациях, то гаражная, наоборот, притягивает своих людей в одну точку и не отпускает до тех пор, пока каждый не поймет, что все в его жизни уже правильно скомбинировано. Ну, а уж если кто добровольно этого не поймет, то в эту же точку будет притянута и его правильная комбинация и уведет его домой под прощание понимающих друзей: «Пока, подкаблучник!». Пытались они и потом несколько раз вспомнить былое, собравшись в ресторане, но праздника ни разу не получилось: все время хоть один, да припрется с женой! А потом и пробовать перестали, тем более что повспоминать былое можно и выпивая в гараже. Но тоска по прошедшей гусарской молодости осталась, и Лева, переложив бабкины деньги из деревянного кармана в парадно - выходной, пошел в кабак, чтобы снова окунуться в ту, давно забытую атмосферу. Но окунуться не вышло. В ресторане гудели три компании разнузданного молодняка в спортивных костюмах - то ли кооператоры, то ли бандиты, причем настолько громко и нецензурно, что даже Лева после одиннадцати лет, проведенных в армии, смог понять смысл далеко не всех словосочетаний. Пока он, попивая водочку, ждал свое горячее, все три компании уже успели «зацепиться языками», и в кабаке начало пахнуть большим побоищем. Лева поторопился и успел до начала его все съесть и выпить, благо, на деньги от той халтуры было здорово не разгуляться. Когда в зале сквозь вопли и мат послышался первый грохот перевернутого стола, он как раз вышел на улицу. Здесь, возле входа, курили и матерились дамы, пока их кавалеры месили друг друга внутри. Все они ненадолго замолчали, наблюдая, как Лева лавирует между ними, а одна нахально спросила:

-Молодой человек, какие планы на вечер?

Лева лихорадочно пытался придумать какую-нибудь не совсем глупую фразу, но ничего не придумывалось.

-А давайте проведем его вместе! - продолжила нахалка. Остальные захихикали:

-Лариска, ты это на случай, если твой Пет - Буль опять в осадок выпадет?

-Так он всегда выпадает, когда драка!

-А если не выпадет?

-Ну, так кто-нибудь другой выпадет, все равно человек без дела не останется. - И снова, обращаясь к Леве, который, обрадовавшись, что говорить что-то стало уже не нужно, попытался незаметно покинуть сцену, - Подожди, подожди! Серьезно! Да не бойся ты!

Лариска ошиблась, в тот раз обошлось без убитых. Дам снова пригласили вовнутрь, и она сказала Леве:

-Извини, может, в другой раз... А хочешь, я тебя с Леночкой познакомлю? Зайди ко мне завтра!

-Куда зайди?

-В «Спорттовары» напротив Центрального гастронома, я там в отделе обуви.

Знакомство с Леночкой состоялось через неделю. Лева пришел в гости к Лариске, как и было велено, с большим куском мяса, купленным на базаре. Еще он принес две бутылки какого-то вермута - многие другие в тот день того месяца одна тысяча девятьсот девяностого года и этого не добыли. В вечеринке участвовали Лева, Лариска и Леночка со всем, что имели. Лариска имела мужа Андрюшу, не совсем, но уже почти совсем конченного

алкоголика, и сына Васю, собиравшегося через год пойти в школу, а Леночка - только сына Васю. Ее Вася только пошел в ясельки того самого детского садика, где Леночка работала нянечкой. Лариска еще имела Петю, Пет - Буля, с которым была неделю назад в кабаке, но он приглашен не был: видимо, она его не настолько имела. Пока прокручивали мясо и лепили пельмени, муж Андрюша напился и счастливо заснул рядом с еще не накрытым столом. Это и стало сигналом к началу застолья. Лариска поставила на стол красивую посуду, вместо люстры включила тусклый торшер и скомандовала: «Детки - в маленькую комнату, Лева, наливай!» Дети вмиг исчезли и дальше, на протяжении всего вечера, не напомнили о своем существовании ни единым звуком.

На вид Леночка только заканчивала школу: у нее как будто только - только выросло все нужное, но еще не наросло ничего лишнего. Но был тут какой-то подвох... Например, когда она проносила перед Левой свою коротенькую черную юбочку с вырезом снизу, стремящейся к нулю талией сверху и выходящими из-под нее длинными - длинными колготками телесного цвета, Лева думал, что эти данные, без сомнения, обещают их обладательнице большое будущее. Когда она, коварно пронося буквально перед его носом все это, еще и нагибалась вдруг зачем-то, он, отметив машинально, что трусики под колготками - голубого цвета, понимал, что скорее всего, и настоящее тут не маленькое. Эту догадку подтверждал и Василек, который, хоть и был в соседней комнате, хоть и был не слышен, все-таки был. Но когда она поворачивалась к нему лицом, даже не верилось, что это - обратная сторона все той же медали: узенькое личико с идиотскими кудряшками и круглые серые глазки, сидящие так близко друг к другу, что никакого коварства между ними не могло уместиться бы в принципе. Впрочем, как и ума... Опять же, сосредоточиться на наивных глазках не было никакой возможности: под пухленькими губками была белая футболка, на которой соски чертили изнутри траектории маятниковых колебаний при каждом движении большого будущего, и эти траектории притягивали взгляд вниз, а мысль угоняли далеко вперед, ближе к середине ночи. Лева, хоть и не помнил изученных когда-то законов физики, на каком-то генном уровне догадался, почувствовал, что частота и амплитуда колебаний напрямую связаны с массой и длиной маятника, и безо всяких рассчетов понял, что именно о такой длине и массе он мечтал всю жизнь. В такой момент только Леве, бывшему летчику с хорошим объемом внимания и способностью грамотно оценивать ситуацию даже в усложненной обстановке, могла прийти мысль о том, что ума между этими глазками все-таки хватило на то, чтобы не запрятать этакую роскошь под бюстгальтер.

Лева в тот вечер сделал все, на что был способен: танцевал, рассказывал пошлые анекдоты, слушал Леночкины рассказы о стихах и песнях, которые выучил недавно ее Вася, и даже отважился положить свою лапу на ее колготки: спереди и очень близко к юбочке. Пока глаза их, встретившись, еще не нашли, что сказать друг другу, рука уже начала двигаться в сторону голубенького, но Леночка ушла от ответа на балкон, покурить.

-Что, никак? - спросила весело Лариска.

-Еще не вечер! - насколько мог весело ответил Лева.

-Левик, ты зачем ей сказал, что не женат?

-Она спросила...

В комнату вошла Леночка, вся мокрая:

-Дождь!.. На меня так брызнуло!.. - Лева не мог оторвать взгляда от белой футболки, ставшей прозрачной. - Лара, дай хоть халатик!

Она вышла в коридор. Из полутемной залы через застекленные матовым стеклом двери не было видно ничего конкретного, но в то же время было видно все. Она сняла с себя сперва белое, потом черное, потом голубое...

-Не каждый товар надо показывать лицом... Как она тебе? - спросила Лариска.
-Хочу! - ответил Лева.
-Зачем сказал, что не женат?!
-Что теперь делать?
-Женись!
-Нет!
-Тогда двести рублей в час!..
Лева, потративший все деньги на мясо и вермут, опустил голову:
-Не люблю проституток! ...Может быть, ты?! -Он опять положил руку близко...
-Левик, я своему Пет - Булю даже с мужем не изменяю! Да и стоит это не двести...

Из кофейни он вышел, точно зная, чего хочет. «Спорттовары» напротив Центрального гастронома еще не закрылись, и денег сегодня хватит на все.

Лева сделал всего несколько шагов по выбранному курсу, как перед ним возникли два милиционера:

-Здравствуйте. Сержант... (Дальше - длинно и неразборчиво).

-Здравствуйте. - спокойно ответил Лева, искренне считавший себя трезвым и законопослушным.

-Документики можно?

Лева, с досадой и презрением глядя в лицо внезапно появившимся трудностям, помолчал с минуту, выбирая наиболее подходящий из возможных ответов. Очень хотелось, нагло глядя в это лицо, потребовать внятно представиться. Также хотелось заявить им, что гражданин Российской Федерации не обязан таскать всюду паспорт. И схамить что-нибудь, вроде: «А с какой стати я буду их кому попало показывать?» тоже хотелось, но Лева, настроившийся уже на правильную длину и массу, выбрал неконфликтный вариант: залез в карман, вынул полиэтиленовый пакет с документами, приготовленными две недели назад для сдачи в приемные покои Управления Исполнения Наказаний, выудил оттуда паспорт и протянул сержанту с неразборчивой фамилией. Тот схватил паспорт и куда-то побежал, отпрыгивая от линии пути то влево, то вправо, будто хотел увернуться от предмета, брошенного в голову, или догоняющей пули. Лева вопросительно посмотрел на второго, тот, ухмыляясь, скомандовал:

-За ним - к машине бегом марш!

После того, как дежурный доктор вытрезвителя не принял Леву со словами: «Снова не наш клиент!», его отвезли в отделение и заперли в просторную клетку, где кроме него, было еще несколько человек. Все они, кроме одного, лежащего на полу с видом хозяина камеры, сидели стоя, изредка переходя с места на место: мебели в помещении не было.

-За что к нам? - спросил Леву хозяин камеры и, не дослушав рассказ о милиционере, выносящем из-под обстрела паспорт трезвого Левы, продолжил: - Не- не- не... Мы такой уголовной хроникой сыты. Давай лучше анекдот. Ну, или историю какую интересную.

-Какую еще историю?

-Интересную. Скучно ведь! А ты - человек новый, только с воли. Развлеки нас, а другие подойдут - тебя развлекут... Историю, анекдот, байку...

БАЙКА, УСЛЫШАННАЯ ЛЕВОЙ ОТ СЛОНА И РАССКАЗАННАЯ ИМ В ОБЕЗЬЯННИКЕ, ПРИЧЕМ ГРОМКО, ЧТОБЫ И ОНИ ТОЖЕ СЛЫШАЛИ.

Пришел парень после армии домой, растерялся: кем быть? Думает: "Пойду в милицию!". Пришел, ему говорят:

-Нет, таким как ты в милиции делать нечего!
-Почему?
-Ты талантлив и трудолюбив...
-Вовсе нет!
-А форму, вот эту, дембельскую, сам делал?
-Да, но я исправлюсь!
-Верю. Но ты ведь еще и не берешь чужого!
-С чего Вы взяли?
-У тебя карманы зашиты!
-Так это просто мода такая! На дембельской форме у всех зашиты!
-Не у всех! Только у тех, кому в милиции делать нечего!

Жизнь в камере кипела всю ночь: людей приводили и забирали, они плакали и изрыгали проклятия в адрес своих мучителей, но большинство все же вело себя спокойно. Хозяин камеры - старосидящий Вовка, лежавший на своем месте уже третьи сутки, - сперва требовал от вновь прибывших байку, а потом объяснял, что выйти на свободу можно прямо сейчас, дав ментам тысяч сто или двести - как договоришься. Тех, кто этого не сделает и досидит до завтра, отвезут к судье, где за свободу придется отдать уже в пять раз больше. Кто не даст - получит пять, десять или пятнадцать суток и поедет отбывать их в специальную тюрьму. Там - курорт. Горячая пища три раза в день, нары, даже матрасы, можно курить. Самого Вовку забрали за то же, за что и Леву: он вышел из кофейни, а в вытрезвитель его не приняли. За ночь Вовка громко, чтобы слышали, рассказал столько баек, историй и анекдотов, что они обиделись и на полученные им пять суток не отвезли его на курорт, а оставили в обезьяннике. Раз в день принимали для него передачку с едой от жены, причем воду не передавали, и ему приходилось пить вонючую из-под крана.

Лева, узнав, что можно прямо сейчас отсюда выйти и даже успеть до закрытия в обувной отдел, кинулся предлагать деньги, но оказалось, что байка его потянула аж на миллион: менты знали, сколько у него есть, так как все ценное, включая шнурки от ботинок, приняли по описи. Жаба на пару с классовой ненавистью давнули Леву так сильно, что он остался сидеть, процедив сквозь зубы: «Не подаю!». Утром в камере остались двое. Они уже подружились, называли себя «Левчик и Вовчик», и даже успели спеть дуэтом «Соловьиную рощу», «Мурку» и «Интернационал». Остальное население, откупившись само или с помощью вызванных по телефону родственников и друзей, разошлось по домам.

Леву вместе с протоколом, зафиксировавшим его поведение, которым он нарушил общественный порядок и оскорбил человеческое достоинство, а именно: «Валялся на остановке общественного транспорта пьяный, нецензурно выражался матом и приставал к гражданам.», привезли к судье.
-Пять суток!- вынес тот вердикт, ознакомившись с протоколом.
-Так все было не так! - начал выстраивать линию защиты Лева.
-То есть они Вас оговаривают?
-Конечно!
-Пятнадцать?- судья повернулся к ментам
-Угу, - кивнули те.
-Ладно, ладно, - отказался от линии Лева. - Пять...
Свершив акт ментосудия, судья, улыбаясь, подмигнул ментам обоими глазами:
-Все, свободны...

Камера на «курорте», в которой ему предстояло прожить небольшую часть своей жизни, была только что отремонтирована, а в других частях тюрьмы для пятнадцатисуточников еще продолжался ремонт, что влекло за собой два неприятных обстоятельства. Во-первых, все пронизывал запах краски, хоть и не резкий, но не собиравшийся скоро выветриться, в ближайшие пять суток - точно. Вторая неприятность была серьезней: в данный момент ремонт происходил в туалете, он не работал, и поэтому в камере, в углу, стояло накрытое картонкой ведро, хотя параша пятнадцатисуточникам не положена. И если к запаху краски посидельцы быстро привыкали, то с запахом из ведра дело обстояло хуже. В помещении оказалось три человека. Один из них, маленький и толстенький, похожий на колобок, сказал: «Добро пожаловать!», остальные молча кивнули. Лева прошел к одному из трех свободных мест и сел.

-Да ты не стесняйся, располагайся удобно, - подбодрил его «колобок». - Меня зовут Федор, это - Витек, а это - Козлов Виктор Лаврентьевич. У тебя лишний вес есть?

-Что есть? - растерялся Лева.

-Лишний вес. Ну, похудеть хочешь? Мы тут, чтобы время шло быстрей, по очереди что-нибудь рассказываем. Сейчас моя очередь, я читаю лекцию о похудании.

-Ладно, читай. Я - весь внимание. - Лева растянулся на нарах.

-Итак,- продолжил колобок Федор,- почему так сложно сбросить вес, хотя правильнее говорить: массу? Казалось бы, чего проще: меньше ешь, превозмогая чувство голода, периодически взвешиваешься, и когда вес, точнее, масса, снизилась до нужного значения, начинаешь нормально питаться. Но все люди или почти все, пытавшиеся это сделать, отмечают, что вес, простите - масса, моментально возвращается. Чтобы доходчиво объяснить это явление, давайте общую массу тела человека разобьем на несколько составляющих.

Главная составляющая - непосредственно тело, то, что не может похудеть.

Следующее - жир. Накопленная годами масса, которую и надо сбросить.

Каловая масса. - И для Левы пояснил: - Виктор Лаврентьевич не выносит не только нецензурных слов, но так же и некоторых , в общем-то, цензурных.

Наконец, вода.

Построим графики. Масса непосредственно тела постоянна. - Палец прочертил ровную линию на стене. А вот график изменения массы жира во времени: время идет, масса увеличивается медленно, но неуклонно. Тогда как мы хотим похудеть: вот так, быстро и навсегда. График каловых масс у всех индивидуален: у кого-то одноразовое питание, а у кого-то пяти. Обратный процесс тоже имеет разную периодичность. - Палец продолжал свой путь по стене. - Вот мы позавтракали - она возросла почти на килограмм, пообедали - еще возросла, потом поужинали. А в туалет обычно ходим реже... Поэтому колебания ее имеют период от одних до трех суток и составляют всего килограмм, тогда как полная каловая масса обычно три - пять килограммов, это индивидуально. Конечно, значительная часть съедаемого - вода, она выводится часто и в организме не накапливается. Массу воды мы не учитываем. И вот человек принимает решение худеть: начинает с радикального уменьшения количества пищи. Позавтракал мало, пообедал - тоже, ужин отдал врагу. А в туалет вечером сходил... Каловая масса снизилась на килограмм, а то и больше, а следовательно, и масса тела вообще. Человек продолжает в том же духе еще три дня и «убивает» еще два- три килограмма. Дальше - хуже. Чувство голода нарастает, а вес убывает медленно или вообще стоит, потому, что каловая масса уменьшилась до минимума, а жир хоть и убывает, но понемногу: реальная цифра - сто - двести грамм в день. Вот тут - то и начинается главная работа, которую могут осилить лишь немногие: надо терпеть еще несколько недель. Но человек, потеряв несколько килограмм, из которых, как мы поняли, жира - только один, уже начинает уговаривать себя: «Сегодня поем по-человечески, много не наберу, а завтра возьмусь с новой силой...». Но за этот один день опять полностью набирается обычная каловая масса, и прежний вес

возвращается. Назавтра человек опять питается по-человечески, так как не может заставить себя голодать, видя нулевой результат. Ну, вот такая, можно сказать, выстраданная мной теория! Тебя как зовут?

-Лева.

-Ты следующий!

-Что же рассказать-то?

Пока Лева выбирал подходящий сюжет, остальные заинтересованно обсуждали теорию похудения, взяв для примера конкретный и, как утверждал Витек, часто встречающийся случай из жизни: как быть, если у человека вся масса - каловая?

Лева сперва хотел порассказывать смешные случаи из своей армейской жизни, но ему показалось, что это будет слабовато против мощной Фединой теории, весомо подкрепленной графиками. Недавние его директорские приключения, конечно, интересны, но у Левы было предчувствие, что они еще не закончены: не опасно ли рассказывать все это первым встречным? Он остановился на недавно придуманном Слоном и Крымским плане продажи Родины, но, сомневаясь, что сможет складно изложить эту идею без подготовки, предварил свой рассказ вот как:

-Поскольку проведение этой лекции я не планировал, так как, во-первых, не знал до последнего времени, что попаду в тюрьму, а во-вторых, тем более не знал, что тут придется читать лекции, заранее прошу прощения за возможную нестройность моего рассказа...

Но рассказ пришлось прервать не начав, так как загремели ключи в замке и наступил обед. Ложками гремели минут пять, так что у Левы было время для подготовки.

-Ну как? - спросил его Витек, имея в виду обед.

-Из всего вышесъеденного мне понравился только хлеб!

-Начинай, заранее прощаем!

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ,

-Недавно, - начал Лева, - я присутствовал на банкете, посвященном прибытию в наш город одного очень известного политического деятеля. Кого именно, сказать не имею права, но дело не в имени. Сам я попал туда случайно. Там были и другие известные политики. Я со многими беседовал, дискутировал, выпивал и вот что узнал: на следующих выборах в Думу победит Партия Продажи Родины! Программа ее такая: после прихода к власти она предлагает Соединенным Штатам купить Россию - целиком. Цена - каждому нашему гражданину по миллиону долларов. Если сто пятьдесят миллионов жителей помножить на миллион, то получится сто пятьдесят триллионов долларов: сумма вполне реальная для Америки. Конечно, там еще предусмотрены комиссионные для организаторов –несколько триллионов, но это вообще мелочь. На борьбу с нами они извели куда больше, а тут они не просто побеждают нас раз и навсегда, а еще и получают в придачу одну шестую часть суши со всеми нашими лесами и полями. Дело выгодное, и они согласятся. Причем не обязательно сразу рассчитываться: каждому россиянину открывается счет в каком-нибудь американском банке, и на него начисляется миллион. Нам, кроме миллиона, дается американский вид на жительство: мы можем жить здесь и дальше, но законы теперь будут американские, и главное - мы не будем иметь права голосовать. Управлять нами будут они, из Вашингтона. А мы - хочешь, здесь живи, хочешь, поезжай куда-нибудь со своим миллионом. Хотя въезжать свободно в Америку, скорее всего, нам запретят. Ну и черт с ними. Руководители Партии Продажи Родины не сомневаются, что наберут процентов девяносто девять на выборах.

Против будут только те, у кого миллион и так есть... - Лева замолчал, озирая слушателей. Первым нашелся Федор:

-Хм... А как же раньше до этого никто не додумался? Я, если что, «За»! А правда, есть такая партия?

-Есть! Я лично знаком с Генсеком и Председателем Политбюро!

-А почему те, у которых миллион есть, откажутся? Им же второй дадут! Вот им плохо!

-Плохо! Сейчас они - миллионеры, а когда у всех будет по миллиону, то они со своими двумя кто будут?

-И я – «За»! - поддержал идею Витек. - А американцы согласятся? С ними-то согласовали? Может, цену сбавить? Мне бы и полмиллиона хватило!

-А я буду против! - заявил Виктор Лаврентьевич.

-У тебя есть миллион?

-Нет, просто я считаю...

-А, у тебя нет миллиона, но есть патриотизм! Ты не о себе, а о России думаешь! Вот из-за таких мы и останемся опять нищенствовать!

-Да подождите Вы, Федор! При чем здесь патриотизм, Россия? Не Россией единой жив человек. Дело в другом. У нас и так страна воров и бездельников, а если всем дать деньги, вообще никто ничего делать не будет. Что мы будем тогда есть, пить?..

-Вот пусть америкосы и думают, что нам привезти поесть и выпить, чтобы заработать у нас наши миллионы!

-Так вы свои миллионы пропьете и проедите и опять будете нищими!.. А потом всеми вами американцы будут управлять, как стадом...

-А сейчас нами управляют, как кем? И Вами, кстати, тоже? Или Вы не из нашего стада?

-Из вашего! Я нахожусь в вашем стаде. Территориально. Но я понимаю, что - часть стада, и не желаю при этом быть его частью... Я - один из стада, но не баран, как ты!

-Баран?! - соскочил с нар Витек...

-Это всего лишь образ...- пытался смягчить удары Виктор Лаврентьевич...

Оттащить Витька от Виктора Лаврентьевича у Левы с Федей не получилось. Порядок в камере навела охрана, слегка побив всех четверых по черепам и ребрам. Арестанты спокойно просидели до ужина, поели, Федя с Лаврентичем покурили, и все легли спать.

-Завтра - моя очередь рассказывать, - вместо пожелания спокойной ночи сказал Виктор Лаврентич.

Виктор Лаврентьевич Козлов, очкарик откровенно ботанического вида в сильно поношенном сером костюме и галстуке, был начальником вычислительного центра. Он появился в камере за два дня до Левы, и хотя повязали его совсем в другом районе города, а протокол составляли совсем другие, не знакомые с Левой представители правоохранительных органов, он получил свои пять суток за то же, за что и Лева. С той лишь разницей, что Виктор Лаврентьевич действительно валялся на остановке общественного транспорта пьяный, ругался матом и приставал к гражданам. Справедливости ради надо сказать, что он имел на это веские, с любой, пожалуй, точки зрения, основания. Кроме точки зрения Гражданского Кодекса Российской Федерации, конечно: не любил Козлов В. Л. граждан. Причем не именно граждан родного города, Российской Федерации, или какого-нибудь там Союза Независимых Государств, или только русских, или каких-то других за то, что они не любят русских... Он не любил людей вообще. Человека как биологический вид. Причем, «Не любил» - очень неточная формулировка. Его чувство к людям вообще, скорее, было ближе к ненависти.

В школе Витя Козлов всегда был отличником, так как мама, отведя его в первый класс, сказала: «Надо учиться хорошо!», а он, по неопытности, поверил. Учеба давалась легко, что позволило ему в младших классах возвыситься над сверстниками. Взрослые его иначе как вундеркиндом не называли. Родители им гордились: вся прихожая Витиной квартиры была увешана его грамотами и дипломами за победы в различных олимпиадах и интеллектуальных конкурсах. Витя не сомневался, что его одноклассники, все до единого, мечтают стать такими же успешными, как он, ночи не спят, зубря программу, чтобы завоевать хоть малую часть его заслуг, но, конечно же, не догонят его до конца жизни - настолько легко все ему давалось. Позже он почувствовал, что олимп его так высок, что сам он, находясь на вершине, стал простым смертным даже не виден, а потому и не интересен. Сверстники половозрели, дружили, дрались, влюблялись, воровали, попадались. Некоторые даже разводились, бросая собственных детей, а Витя по-прежнему с легкостью осваивал параграфы и факультативные курсы. Повзрослев, он не перестал быть отличником. Он продолжал получать от жизни отличные оценки, грамоты и золотые медали, тогда как удовольствия получали от нее совсем другие.

В середине восьмидесятых Виктор Лаврентьевич работал лаборантом вычислительного центра в институте, выпускником которого и был. Молод, красив... Явную мышечную доходяжность с лихвой покрывали высокий рост, утонченные черты лица, правильный нос с умными очками посередине и, конечно же, костюм... Он был у него один, но другого и быть не могло, другой мог появиться только после смерти этого. Аналогия напрашивается сама: это была его судьба, вторая его половина, с которой он прожил целую жизнь, никогда не расставался, и только смерть кого-нибудь из них могла их разлучить. Даже когда на коленках появились пузыри, он простил это костюму, как прощают любимой жене превращение попки в седалище... Этот настоящий австрийский костюм Витя купил в Белоруссии за две свои зарплаты. Тогда он был на старте своей карьеры математика и, увидев его, висящего в захолустном магазине рядом с десятком других, ничуть не хуже, начал, как и положено математику, беспристрастно просчитывать возможные варианты... Он был шикарен и, бесспорно, австрийский. Бирку «Австрия» в то время подделать уже могли, а вот повесить ее в совдеповский универмаг - еще нет. Радоваться внезапно свалившемуся на него счастью - в родном городе такой стоил четыре его зарплаты на барахолке, причем, вполне вероятно, с поддельной биркой, - мешало одно обстоятельство: из покупателей в магазине он был один... Перед окнами магазина, как машины по шоссе, шли нормальные советские граждане. Каждый- в своем ряду, не сталкиваясь со встречными и внимательно глядя себе под ноги, пролетали они мимо открытого Виктором Лаврентьевичем Клондайка по своим делам, явно более значимым, чем разница в две зарплаты лаборанта ВЦ, помноженные на уральский коэффициент... Действительность не совпала с его представлениями о ней, и он стал не торопясь с этим разбираться.

Костюм он купил после того как понял: этот настоящий австрийский дефицит, за который задавят в очереди соседнего с домом, в котором он жил, универмага - когда выкинут, здесь никому не нужен, так как стоит он четыре местные зарплаты. На барахолке за четыре тоже никто не берет.

Не надо думать, что костюм был важен для него сам по себе или на покупку его подвигла возможность задешево показаться дорогим, напялив на себя настоящую «Австрию». Торговать им он тем более не собирался, а просто понимал, что на него надвигается собственная свадьба, и решил, что если ему удастся сэкономить на костюме, то это и будет то светлое, что он будет потом вспоминать об этом событии спустя годы. В ту пору он наконец-то обзавелся женщиной. Его Светка была высока, крупна и длинноногa, у нее была квартира,

где они с Виктором и жили. Ему сожительство с ней не очень нравилось: Светка была не совсем в его вкусе, а кроме того, он тогда уже сделал свое главное открытие в области математики, имеющее также и огромное прикладное значение: длина ног всегда прямо пропорциональна стервозности. Но уйти от нее он не мог, так как собственная женщина, кроме прочего, давала ему в первую очередь осознание того, что он не хуже других, хоть и умный. И жизнь его уже не казалась загубленной на корню ради самой никчемной и низкооплачиваемой из всех наук. Если к этим исходным данным прибавить еще и то, что средства контрацепции в те годы продавались в основном в республиках Прибалтики, несложно было посчитать, что свадьба будет скоро. Костюм пригодился, как и вычислил математик. А дальше все происходило обычно: Светка стала еще толще и глупее, стала краситься в самые не любимые мужем цвета, а квартира, которая когда-то казалась главным ее преимуществом, превратилась в тюрьму. Виктор Лаврентьевич стал пить - для удовольствия, от безысходности и в знак протеста одновременно. Дочка интересовала его мало. Во-первых, она была жутко похожа на Светку, а во-вторых, рано научилась говорить: «А вот и папа - алкоголик с работы пришел...» Пил Виктор Лаврентьевич всегда один, так как друзей, или просто приятелей, с которыми приятно выпить, у него не было. Пил в родном вычислительном центре, совмещая это с работой. Постепенно всю работу центра он взял на себя, делая работу всех остальных уволившихся сотрудников, и со временем превратился в отшельника. Посреди огромного города было помещение, в котором с утра до ночи находился вечно пьяный человек в уже несколько лет не стиранном костюме. Он был одновременно и незаменим, и никому не нужен. Незаменим, потому что только он мог в одиночку делать работу всего центра. А не нужен, потому что работы у этого центра не было. Начальство ничего не имело против его пьянства на работе, так как знало, что пьет он в ожидании достойных его ума научных задач. С другой стороны, его очень ценили за наплевательское отношение к деньгам, он ни разу не задал вопроса: «Когда же, наконец, выдадут зарплату за октябрь прошлого года?», пил он, хоть и постоянно, но мало, не закусывал вовсе, покупать новый костюм в ближайшие годы не собирался. Ел раз в день, когда приходил с работы, а так как в это время он был пьян, его не волновало, откуда жена берет продукты и деньги на себя, дочь и другие семейные расходы, хотя и догадывался, что она регулярно ставит перед своей конторой вопрос о своевременности выплат.

Но такой образ жизни не был обычным опусканием в глубины алкогольной зависимости, как считали окружающие. Он хотел быть отшельником и был им, хотя и оставался среди людей. Существовал он все там же: в обычном городе, переполненном обычными людьми, но жил далеко отсюда, в своих мыслях и теориях, которые, опять же никого не интересовали. Он понял все о прошлом, наверняка знал все о будущем и жил этим знанием, тогда как окружающих больше всего волновало, когда он бросит пить, возьмется за ум и наконец-то станет счастливым, начав зарабатывать деньги, соразмерные его интеллекту. Тогда как он был глубоко несчастен в первую очередь потому, что ни разу не смог объяснить ни одному человеку, что не может быть счастлив среди этих людей, целью жизни которых является в первую очередь достаток. Его ограниченный аналитический ум, раскрепощенный алкоголем, пришел к пониманию самой главной, как ему казалось, истины. Причем пришел самым первым. Поняв со временем, что людям его знание не нужно, он обратился к умным людям, и вот, три дня тому назад, от них пришел ответ, суть которого была в том, что Российская Академия Наук существует вовсе не для того, чтобы заниматься бредом отдельных ее граждан, после чего он и испытал жгучее желание поваляться пьяным на остановке, пристать к гражданам и сказать им, что он о них думает. И именно матом.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КОЗЛОВА.

Утром Козлов начал свой доклад с извинений Витьку за «барана» и только после того, как тот, выслушав, удовлетворенно кивнул, углубился в свои любимые доисторические дебри...

- Официальная наука имеет довольно складную картину развития нашей планеты и жизни на ней: в течение нескольких миллиардов лет на Земле сформировались условия для зарождения жизни, жизнь зародилась, стала разнообразной, и в конце концов настали времена, когда на ней появилось разумное существо. Разумное настолько, что даже в состоянии проникнуть своим разумом на миллиарды лет назад и понять, что и как там происходило. История планеты поделена наукой на периоды, этапы развития - мезозои всякие, палеозои и прочее, и год за годом ученые откапывают из недр очередные доказательства правильности этой картины. Есть, конечно, некоторые моменты, которые современная наука объяснить не может. Например, как это жизнь вдруг вот так взяла, да и зародилась? Но науку это не смущает: «!Да, действительно, однозначного мнения по этому вопросу нет. Но есть предположения, гипотезы... Установление истины - всего лишь вопрос времени, потерпите немного, товарищи! Познание, знаете ли, безгранично!» Или, например, почему вымерли динозавры? Никто не знает, но можно предположить: упал метеорит. Есть и другие узкие места в этой теории, но в суть их вдаваться не стоит: наука ищет ответы и, может быть, со временем найдет. Но есть одна вещица, не вписывающаяся в общепринятую теорию: так называемый «Адамов болт». Обыкновенный болт, «Эм» двенадцать на один, двадцать пять, тридцать два миллиметра длинной. Науке он не интересен. Сперва интерес был: болт за время нахождения в Земле почему-то окаменел, но прошел сразу же после того, как выяснилось, что выточен сей болтик был пятьдесят миллионов лет назад. Ясно, что существующей теории этот болт противоречит настолько, что способен ее уничтожить. Но наука - огромное здание, само по себе представляющее большую ценность, и в интересах этой ценности Адамов болт просто не замечать. Или удовольствоваться объяснениями типа: «да он просто открутился от пролетавшего мимо НЛО или от машины времени, на которой наши же потомки заехали посмотреть на динозавров!», при этом не забывая утверждать, что и НЛО, и машина времени - антинаучная фантастика...

Принесли завтрак и новость: за вчерашнюю драку в камере всех четверых ждет суровое наказание. Какое - скажут после завтрака. Арестанты вмиг забыли про мезозойскую историю родной планеты и принялись обсуждать текущие события.

-А почему всех четверых? - спросил Федя сокамерников, когда милиционер, принесший новость, удалился.

-Конечно! - поддержал его Козлов. - Мы-то тут причем? Витек меня побил, а я, получается, и виноват!

-А кто? - возмутился Витек. - А кто сказал: "Баран!"?

-Нет, ребята, правда! Витек с Виктором Лаврентичем подрались, а мы-то с Федором чем провинились?

-А кто рассказал про продажу Родины? Из-за этого все и пошло...

Завтрак уже грозил перерасти в очередную потасовку. Но вскоре пришел дежурный и объявил им приговор: за драку в камере они должны к вечеру придумать текст хорошей песни про милицию: среди сотрудников объявлен конкурс на лучшую песню, но у них самих не получается.

-Да,- еще вспомнил он,- мотив должен быть: «Та -там та-та-та-та, та-та та-та-та-там-там...». Ну, как? Сможете? Мы за это вашу драку замнем...

-За такое можно и условно - досрочно!..

-Ну, прямо как дети! А здесь ведь взрослая комната милиции...

Мент ушел, Лаврентьевич сказал шепотом:

-Да я лучше еще пять отсижу, чем песни про этих палачей слагать стану!

-Ну что уж ты так?! Какие они палачи? Так... тюремщики.

-По должности. А по натуре... Сейчас просто время такое, они взятки берут, нас стерегут, песенки придумывают на работе. А в другое время всех бы нас порешили в свое удовольствие.

-Что про них можно придумать?

-Стоим мы на посту, поротно и поносно! - предложил Лева.

-Нормально! Только условно-досрочного не дадут...

Пару минут было тихо, потом Лева выдал новую версию:

-Выходим каждый день мы на работу смело
Кристально мы честны, ГАИ или ОМОН
Не надо денег нам, всего важнее - дело!
Стоим мы на посту, любой из нас - ..... герой!

Сочинять стихи узникам понравилось. К обеду окончательный вариант текста был готов:

Приходим каждый день мы смело на работу.
Нам ножиком грозит ужасный криминал.
Народу говорим: «Спасибо за заботу!»
Он к нам со всей душой, стеречь себя нам дал!

Припев:

В работе мы усталости не знаем
Мы службу очень правильно несем
Всех правонарушителей поймаем.
И потерпевших тоже всех спасем.

.

А если кое-кто у нас порой нежданно
В коррупции погряз, забыв, кто он такой,
Ему мы говорим: «Товарищ, до свиданья!»
И на прощанье машем чистою рукой!

Припев

И мелкий хулиган, и даже вор в законе
Дрожит, когда в патруль с тобою мы идем.
Закон один для всех, сидеть ворам на зоне.
Когда мы наконец их в будущем найдем.

. Припев три раза.

Витек подозвал охранника и протянул ему листок:

-Вот, сделали!..

-Так тут ничего не разобрать!

-Нары-то неровные, как на них писать?

-Иди вон туда за стол, переписывай! Нары ему кривые! Да это оскорбление при исполнении!

-У меня почерк плохой, я и на столе так напишу.

-Тогда ты иди! Как фамилия?

-Кульбизеков.

-Нормально! Автор милицейского гимна - Кульбизеков! Надо будет запомнить... Хотя ваш текст, может, еще и не утвердят. А утвердят, так вы у нас в протоколах имеетесь!

-Я не автор! Лучше себя автором запишите!

-Мне чужой славы не надо...

-Тогда пусть это будут «слова народные»!

Пока Лева переписывал слова, менты трепались, не обращая на него внимания:

- В субботу Петя майора обмывал, пошли к нему с Вовой и Пашей Букиным. Думаем: «Что подарить? Все у человека есть!» Хотели сперва традиционно - пакеты для мусора, но потом зашли в сексшоп, купили вибратор автоматический, на батарейках. Потом еще зачем-то в гастроном... Смотрим - мозги продают мороженые. Решили мозги ему подарить, для хохмы, купили две пачки. Стали Петю поздравлять. Паша Букин и говорит: «Петя, скажи, что майору нужно больше, чем капитану?». Тот думал-думал, всякую ерунду говорил: «Большие звездочки, знание законов, пузо, жена - полковник...». А Паша: «Нет, Петя, мозги!», - и дарит килограмм мороженых мозгов. Сидим дальше, Паша снова: «А что подполковнику нужно больше, чем майору?"» Петя - снова про пузо... «Нет, мозги!», - Паша дает ему второй килограмм. «А что полковнику нужно больше, чем подполковнику?». «Мозги!», - орет Петя. «Нет, вот что!», - говорит Паша и вручает ему автоматический...

Лева дописал гимн и пошел в камеру, где его ждали, чтобы продолжить лекцию про «Адамов болт».

-Ну вот, все в сборе, продолжим!

-Что? - не понял Лева.

-Мой рассказ про гибель динозавров... До того, как нам дали сочинять стихи, я рассказывал про динозавров, про "Адамов болт"...

-А! Как у НЛО открутился болтик? Слушай, давай про болтик потом. Сейчас менты рассказали, как ходили к своему обмывать майора. Полный абзац! Сперва они хотели подарить...

-Лева! Сейчас моя очередь рассказывать. Давай, ты дождешься своей!

-Я потом забуду! Да там всего минута рассказывать-то...

-Давай! Давай про ментов! - поддержал Леву Федя. - На злобу дня!

Лева рассказал свежую байку и отдал аудиторию в распоряжение Виктора Лаврентьевича:

- Нуди про свой болт...

Лаврентич ожил:

-Итак, Адамов болт...

Дверь опять открылась, принесли обед.

-Не судьба, Виктор Лаврентич!

-Я есть не хочу. Вы обедайте, а я буду рассказывать. ...Итак, болт! Откуда он взялся? Ответ очевиден: это след деятельности цивилизации, которая существовала на Земле пятьдесят

миллионов лет назад! Вы можете меня спросить, какие еще есть доказательства этого и вообще, что это была за цивилизация...

-Ясно дело, - оторвался от миски с супом Лева. - Цивилизация Козлова!

- Конечно, Козлова, если я первый до этого додумался! Но кто были эти разумные существа, построившие цивилизацию?

- Козлокантропы! А, может, Козлодертальцы!

-Нет! Человеку тогда было взяться неоткуда! Эту цивилизацию построили разумные динозавры!

-Так я не понял! Нас куда посадили - в тюрьму, или в дурдом?

-Лева, если ты говоришь: «дурдом», значит, то, что я говорю, не вписывается в твои представления. Оно и не может вписываться, так как противоречит современной науке. И наука, как и ты, говорит: «Дурдом, бред, ахинея!». А я спрашиваю: «Почему ахинея? Докажите, что этого быть не могло!». А ответа нет... Вот сейчас я тебя спрашиваю: «Почему ты считаешь, что это - дурдом?»

-Ладно. Ответь, почему от целой цивилизации остался один только болт? Не город, не завод, не самолет! Один всего лишь болтик?

-Просто! Представь: наша цивилизация погибла. Что от нее останется через тысячу лет? ДомА развалятся, металл превратится в ржавчину, все сгниет и зарастет бурьяном... А теперь представь себе срок пятьдесят миллионов лет, если, конечно, сможешь: что, по-твоему, смогут найти археологи после нас?

Камера задумалась. Очень не хотелось, чтобы этот Козлов так и продолжал думать, что он умнее не только всей науки, но также и всех присутствующих. Унесли недоеденный обед: «Вам что, харчи не нравятся? А парашу кто выносить будет?» ... Первым толкнул версию Витек:

-Останутся кости! Раскопают кладбища и, во-первых, найдут черепа, в которых могут размещаться мозги, а во-вторых, поймут, что если мы своих покойников хоронили, значит, мозги эти соображали...

-Витек! Ты затмил своей версией Российскую Академию Наук!

-Золото не гниет! - выдал Лева. - И бриллианты!

Федор тоже внес свою лепту в разгром цивилизации Козлова:

- На месте больших городов через миллионы лет останутся какие-то аномальные зоны: чего тут только нет... Во что это все превратится, непонятно, но можно будет увидеть какую-то логику: там - дорога, там - аэродром, а там - городская свалка, полная полиэтиленовых мешков...

Козлов, пребывая в полном счастье от того, что ему первый раз за все время существования его теории оппонируют, запел:

-Кости со временем обязательно найдутся! Но найти их очень нелегко, и причин несколько. Во-первых, мои разумные динозавры были размером, скорее всего, с человека и поэтому вероятность сохраниться у их останков гораздо ниже, чем у гигантов, останков которых найдено много. Например, окаменелых отпечатков первых птиц найдено всего несколько штук. Причем именно окаменелых: все, что не окаменело, исчезло. Во-вторых, динозавры вообще царили на земле сотни миллионов лет, и, значит, их родилось и умерло так много, что даже не могу сказать...

-А когда тебя менты повязали - мог!..

-Я тогда был вне себя. Хотя не жалею: мне здесь нравится, можно приятно побеседовать...

-Интересно, а менты у этих динозавров были? Представляю!

- Разумных за всю их историю было куда меньше. Можно провести аналогию с человеком: самые ранние его останки насчитывают только один миллион лет, а млекопитающие

существуют уже больше ста. Останки людей, по сравнению с останками других млекопитающих , большая редкость! Причем, повторюсь, так как мы мелкие, наши останки должны окаменеть, чтобы на миллионы лет сохранить информацию о нас, а как же можно окаменеть в гробу? Люди хоронят так, что окаменеть невозможно при всем желании. А теперь появились крематории... А в Индии, мало того, сжигают, так еще и по ветру развеивают! В общем, если разумные динозавры были не глупее нас, то найти их останки очень проблематично. А если были умней, то кто знает, до чего они могли додуматься? Может, они своих покойников в биомассу перерабатывали или наоборот, в космос отправляли вместе с другими отходами цивилизации? Вон, на ракете «Энергия», если отцепить от нее «Буран», сколько трупов можно за один раз с планеты вывезти? Дальше - о золоте и бриллиантах...

-А ты в Академию Наук и про «Энергию», и про «Буран» написал?

-Нет, конечно! Это ведь всего лишь образ. - Виктор Лаврентич посмотрел на Витька: тот, казалось, дремал, - служащий для наглядности того, что причин, по которым ученые до сих пор сами не дошли до очевидных истин, может быть масса. Ладно, поехали дальше: золото. Да, действительно, изделия из золота должны были остаться, но только в том случае, если они вообще были, эти изделия. Кто сказал, что если в нашей цивилизации золото и бриллианты значимы, то так же происходит и у всех иных цивилизаций? Кроме того, золота не так уж и много: человечество за всю историю добыло его куб, размером семнадцать на семнадцать на семнадцать метров... Если раскидать равномерно по поверхности земли, то его будет найти еще труднее, чем кости. Наконец, города, на месте которых, как предположил Федор, должны быть аномальные зоны: а что, на Земле мало аномальных зон? Любое месторождение - аномалия. Может, богатые ископаемыми места и есть доисторические городские свалки?

-Ясно, - сквозь дрему пробормотал Витек. - А потом на них упал метеорит...

-Нет! Не было метеорита! Цивилизация и стала этим метеоритом! Они уничтожили себя сами, а заодно и почти все живое.

-Произошла ядерная война, - предположил Лева.

-Между Русскими динозаврами и Соединенными Штатами Динозавров Америки! -окончательно проснулся Витек.

-А потом начался ядерный ледниковый период, - добавил Федя.

-Не обязательно война. Вы сразу говорите: «Война», потому, что наша цивилизация эту опасность уже осознало. Можно и дальше продолжить перебирать опасности, о которых мы уже знаем: уничтожение озонового слоя, парниковый эффект и так далее. Но наверняка гораздо больше опасностей, о которых мы даже не догадываемся. Например: динозавры исчерпали все запасы топлива на Земле, а использовать термоядерную или солнечную энергию к тому времени еще не научились; вот тебе и катастрофа!

-Что за катастрофа? Перешли бы на дрова...

-Кто знает, может, они как раз дрова и исчерпали? Уголь и нефть в то время еще только формировались. Может, уголь был тогда примерно торфом?

-Ну и что? Нечем стало топить, и все погибли?

-Нечем стало топить - это одно. Не стало деревьев - стало меньше кислорода, какие-то животные стали вымирать... Живность, что жила в лесу - сами понимаете, жучки, червячки, птицы, которые питались деревьями и их семенами, тоже. Следом те, кто питался этими. Говорю же: тогда вымерли почти все виды...

-Постой, почему вымерли все виды, понятно. Но почему вымерли разумные? Они могли построить для себя фабрики по производству кислорода, искусственного мяса и всего прочего необходимого.

-А топливо? Представь, сегодня везде кончится электричество...

-Да хрен с ним, с электричеством! Да пусть они почти все умерли с голоду, но ведь многие виды выжили! Значит, есть было чего! И пусть хоть немного разумных, но должно было выжить: в пещерах, еще где-то. ...В деревне!

-Выживших после гибели всей цивилизации добила медицина. Пока электричество было, работали врачи и лечили каждого отдельного динозавра. Но по прошествии времени они уже не могли существовать без таблеток, пищевых добавок и искусственного оплодотворения. Электричество кончилось, и они померли без медицины. У нас, вон, попробуй, закрой на месяц больницы и аптеки? Полгорода умрет сразу. Потом пойдут болезни, про которые давно забыли: холера, оспа, чума – прививок-то нет. Да сегодня, если не давать людям антибиотики, любой грипп половину народа убьет! Но главное - не это. Кто-то останется и после эпидемий. Но ведь им надо продолжать род, рожать. А рожать без медицины цивилизованное существо не может... Еще один нехороший фактор: крокодилы в тот раз выжили. Они, наверно, и доели остатки цивилизации...

-Если у них был разум, то они заранее поняли бы, чем все это кончится, и не стали бы вырубать деревья совсем! - перебил Лаврентича Витек.

-Стали бы! Это в Академиях наук все еще спорят, что отличает разумные существа от неразумных: речь, способность абстрактно мыслить или создавать орудия труда, тогда как главное отличие - жадность. Неразумная жадность ограничена: пожрать, да еще бы телку. А разумная не знает пределов. Голодный хочет есть, сытый хочет жрать, а нажравшийся хочет еще бог знает чего! Вот и толчемся всю жизнь у кормушки, как свиньи на мясокомбинате, расталкивая сородичей...

-Свиньи?! - опять вскочил Витек.

Но Лева и Федя оказались на этот раз проворней, они заслонили Виктора Лаврентьевича собой, и Витек вернулся обратно на нары:

-Я понял, это был образ...

-Конечно! - почти шепотом продолжил Лаврентьевич, - Не нравятся свиньи, пусть будет курильщик, знающий, что на днях умрет от курения, но продолжающий курить. Цивилизация, даже точно зная дату и причину своей гибели, не в состоянии отказаться от своих завоеваний, которые, собственно, и ведут к этой гибели. Потому, что миром правит не любовь и не ненависть, а жадность! - закончил он свое выступление, под конец перейдя с шепота почти на крик.

-Да! - сказал Лева. - Есть очень жадные люди. И они и правят миром. Но их мало. Ну... не так много.

-Нет! - медленно, с нажимом проговорил Козлов. - Жадных - много. ...Все! Ты знаешь человека, который не хочет жить лучше?

-Все хотят жить лучше! Потому, что живут плохо!

-Все живут лучше, чем их предки. Богаче, комфортнее, безопаснее. Но им этого мало. Они хотят еще комфортнее, еще богаче. Вот твой пра-пра-прадед и мечтать, наверное, не мог, чтобы жить в квартире с унитазом, горячей водой и телефоном и ездить на машине! А ты говоришь, что живешь плохо! Вот ты и есть самый жадный!

-Я?! - вскочил Лева

-Бей его! - заржал Витек...

-Да у меня и телефона-то нет, - остыл Лева.- А унитаз Великий сломал недавно. По пьянке. И никто в квартире и не мечтает, что он его починит! Так что и потомкам моим придется и без телефона, и без унитаза... Да есть ли у Вас совесть, уважаемый Виктор Лаврентьевич?! Этоже надо! Назвать человека жадным за то, что он хочет иметь унитаз! Всего один на всю коммунальную квартиру! И даже не из золота!

-Наверное, начиная разговор о жадности, я должен был оговориться: я понимаю под ней не золотой унитаз, а естественное стремление каждого потребить в этой жизни как можно

больше. Успеть потребить!

Наступила тишина, а минуты через две Федор предложил не рассказывать ничего больше до ужина, а еще лучше - устроить тихий час. Остальные выразили согласие, кивнув головами.

«Хорошее все-таки место - тюрьма!» - думал в полусне Лева. – « На свободе - суета, дела какие-то, страх, что тебя посадят... А тут... Курорт... Ешь, спи... Козлозавры точат на заводе Адамовы болты... Жадные... Пятаками в помои, в помои... Хорошо, хоть вымерли... А то бы до сих пор все курили, курили…»

На следующий день выпустили Витька, а на его место посадили Андрея Арсеньевича. Солидный, с первого взгляда, человек, обвел присутствующих из-под бровей взглядом, исключающим возможность какого-либо общения, но вдруг, увидев Виктора Лаврентьевича, расплылся в детской добродушной улыбке:

-Лаврентич! А мне говорили, что тут сброд один!.. Целоваться-то будем?

Арсеньевич с Лаврентьевичем были знакомы по работе: Арсеньевич был начальником кафедры огромного ВУЗа, преподавал информатику и несколько раз в год проводил занятия на базе конторы Лаврентьевича. Связывало их и неформальное общение: однажды, после такого занятия, они нарезались так, что потом полночи провожали друг друга до дома. Арсеньевич рассказал, что в этот раз тоже шел с банкета, причем до дому-то было всего два квартала, пьян был самую малость, но нужда малая была так велика, что пришлось прямо на улице совершить поступок, оскорбляющий человеческое достоинство. Затем честно сказал подошедшим милиционерам все, что о них думает, за что и получил свои пять суток. Виктор Лаврентьевич, после того как они крепко обнялись, познакомил его с Федором и Левой и ввел в курс дела:

-Мы тут, чтобы скоротать время, рассказываем что-нибудь по очереди. Так вот сейчас очередь твоя!

-Так что рассказать? Я даже не знаю!

-Расскажи, как ты в Чехословакию ездил!

-Ездил... Так и рассказать особо нечего. В музей сходили, пива попили, набрали барахла... А! Расскажу-ка я про памятник миньету!

-В смысле?

-В Чехословакии есть памятник миньету! Это, пожалуй, самое необычное, что я там увидел...

Лицо Виктора Лаврентьевича в ожидании скабрезного рассказа выразило страдание.

-Прости, Лаврентич! Я и забыл, что от анекдота про трусы ты убегаешь в другую комнату. Кстати, в этом рассказе как раз их-то и нет!

-Тогда давай про что-нибудь другое!

-Нет, про это! - в один голос сказали Лева и Федя.

-Ладно, - смирился Лаврентич. - Я потерплю. Давай про трусы!

- Итак, начало рассказа... В Чехии, где я был по путевке, есть памятник миньету. Там так: он сидит, а ... ...а женщина, всегда готовая к соитию с первым встречным за соответствующее вознаграждение - перед ним на корточках. Она в юбочке, но без... Причем там скурпулезно отлиты все самые мелкие положенные подробности. И если провести по ним рукой, то будет удача. Поэтому подробности всегда блестят... Рассказ окончен!

Как раз в этот момент загремели замком, и Андрея Арсеньевича увели: знакомые деканы и ректоры добились его освобождения. А оставшимся было приказано срочно вынести парашу. Федя вспомнил считалочку «На золотом крыльце сидели...», выпало идти Лаврентьевичу. Он

унес ведро, а когда принес, оно наполнило помещение вонью. Лаврентьевич сел на нары, лицо его изобразило омерзение:

-А я-то думал, что жизнь проживу и с парашей не познакомлюсь...

-У нас, наверное, половина народа с ней знакома, причем не самая худшая. - поддержал разговор Лева.

-У нас можно памятник параше ставить, в память о невинно отсидевших. О нас! Хорошая, кстати, достопримечательность получится, не хуже памятника миньету!

-И она должна вонять! Всегда!

-Вечная параша!

-И менты на посту!

-Смена караула...

-Слушай, Лаврентич, а я вот все думал: что, любая цивилизация обречена? И выхода нет?

-Есть. Надо уменьшать производство, снижать потребности...

-Переселяться из города в деревню... Натуральное хозяйство... Да это бред!

-Нет. Это утопия.

СТРАДАНИЯ ПО АНФИСЕ В КОЗЛОВ ДЕНЬ.

Лева, перестав быть летчиком и став маляром, не перестал быть нормальным человеком. Он по-прежнему хотел ощущать себя успешным. Только будучи советским военным летчиком, ему ничего для этого не надо было делать. Ведь слово «офицер» в те годы было синонимом не только тупости, но также и обеспеченности и надежности мужчины... А что до тупости, так весь народ понимал, что за обеспеченность не грех и тупым прикинуться. А Лева-то был не просто офицером. В полку, где он служил, просто офицеров было несколько тысяч, а летчиков - лишь несколько десятков. И эти несколько десятков часто пролетали над всеми остальными парадным строем на учениях, но никогда - при раздаче квартир и талонов на колбасу и зеленый горошек. Они получали жилье в двадцать лет, едва женившись, в то время как многие остальные, далеко не двадцатилетние, вынуждены были жить с детьми в общаге или снимать жилье на стороне. Лева и его холостые друзья, попав в полк, сразу поняли, что их должность и статус холостяка - капитал. Но, поскольку им тогда было по двадцать, капитал этот был мигом потрачен на женщин. Причем часто - по неразумно высокой цене, так как топать на плацу и рулить на самолете их в училище худо-бедно научили, а разбираться в женщинах и торговаться - нет. А как могло быть иначе? Представьте себе: Лева после своего первого появления в венерической больнице давно перестал быть семнадцатилетним, но не перестал быть нецелованным. И вдруг в кабаке, куда он пришел с друзьями, его начали буквально штурмовать местные красавицы. Вскоре он женился. На той, что первая подскочила к нему и спросила: «Признавайся, лейтенант, как фамилия?» Тогда он подумал, что такое внимание к нему вызвано его молодостью, мужественностью, красотой, а вопрос «Как фамилия?» - провинциальностью красавицы или ее желанием быть понятной советскому офицеру. Только женившись, Лева понял, в чем было дело.

В маленьком городке, где стоял их полк, как и во многих других провинциальных городках, девочки, закончив школу, всей толпой ехали в ближайший большой город. Все они пытались поступить в институт, но вовсе не потому, что мечтали о какой-то определенной профессии, а лишь для того, чтобы убежать навсегда из родной провинции, где их школьные мальчики становились шоферами, слесарями и колхозниками. Некоторым девочкам это

удавалось, но остальные, вернувшись домой, вынуждены были выходить за шоферов. Альтернатива была только в тех городках, где были военные. И еще одна дополнительная возможность - там, где были военные летчики.

Не выполнив «задачу -максимум» - поступление в Медицинский - и вернувшись к родителям, Анфиса, будущая жена Левы, взялась за реализацию задачи попроще: выйти замуж за летчика. Дело шло к осени, и вскоре в город должны были прибыть молодые лейтенантики. Все девушки, не принятые за последние пятнадцать лет в ближайший медицинский, тщательно готовились к первому появлению выпускников в местном кабаке. Поэтому фамилии неженатых летчиков, являющиеся секретной информацией, может, и были секретом для вражеских разведок, но не для Анфисы и других соискательниц. Ведь доступ к этой тайне получили не только командиры звеньев и эскадрилий полка, куда прибывали молодые, но и полковые писарши. От них этот допуск получали полковые официантки, а от тех - весь остальной город.

Погулял Лева недолго, всего полгода. Хотя, можно ли это назвать гулянкой? Полгода страданий по Анфисе, которую можно было называть «своей», водить в кино и ресторан, рассказывать друзьям о том, как прекрасна она на ощупь и сколько раз он с ней может, точно зная, что и пощупать, и смочь ему будет позволено только после свадьбы: Анфиса была девушка грамотная. И не в стервозности было дело: отступать-то ей было некуда. В маленьких городках, где есть военные, можно только раз побывать невестой летчика. Потом, если не получится выйти за него, другой летчик к тебе уже не подойдет. Только техник. Это, конечно, не слесарь, но... Квартира - неизвестно, когда... Звание «Та, которую Кульбизеков бросил» - навечно...

Через полгода страданий Лева сдался. И вскоре выяснил, что не нужен был Анфисе, ей достаточно было звания «жена летчика». За несколько лет совместной с ней жизни не было у Левы ничего приятного, если не считать зависти к нему друзей, которую они не всегда могли скрыть: ужас как хороша была Анфиса. А вот секс с ней был так себе. По сравнению с тем, о чем мечтал Лева до женитьбы, его, можно сказать, вообще не было. Но несмотря на то, что часть жизни, предназначенная для пьянки и разврата, оказалась посвящена пьянке и постройке конспекта по марксизму - ленинизму, он все равно считал себя успешным: у тысяч людей вокруг с развратом было тоже плохо, но при этом они не были летчиками. А потом стало еще лучше. Когда появилась жена прапора. И секс тебе, и дополнительная зависть окружающих: городок-то маленький...

Будучи же маляром, чтобы ощутить себя успешным, надо много сделать. Во-первых - поменять профессию. Во-вторых - купить машину. Только тогда, может быть, какая-нибудь Анфиса позволит называть себя своей, и маляр, увидев чужие вожделенные взгляды на нее, посчитает себя человеком, достойным зависти. Когда Лева стал директором и принес, наконец, с войны хороший трофей - буквально за час до начала тюремного этапа жизни, он ощутил, что самое сложное и нереальное уже сделано. Оставалось найти Анфису. Такую же, какая была у него раньше: ведь все ее недостатки с лихвой покрывались главным достоинством: друзья завидовали. Главным и, честно скажем, единственным. Красоту ее Лева под конец женатой жизни уже ненавидел: не съел он той красоты, не насладился ею. Но тюремная жизнь свела его с Козловым ...

-Зачем тебе машина? - спрашивал Козлов Леву, когда в последний для одного и

третий для другого день отсидки они остались в камере вдвоем.

-Как зачем? Ты что? ...Ездить! - удивлялся его тупости Лева.

-У тебя ведь есть, на чем ездить.

-Да ты что, прикидываешься, что ли? «Жоржик» - не машина!

-А сколько стоит твоя новая машина? А за сколько времени ты ее заработал? А сколько лет можно жить на эти деньги, не работая? Кстати, если не ездить на работу, то и машина не нужна! А в то время, что не работаешь, заняться творчеством каким-нибудь! Например... - задумался Лаврентьевич...

-Бабами! - подсказал Лева.

-Ну, ладно. Пусть бабами.

-Так по бабам ездить - тачка нужна! В «Жоржик» ни одна нормальная баба не сядет!

-Так я же об этом и говорю!

-О чем?

-Что ты, как и все люди, живешь не умом, а мыслями. И главная из них: «А что обо мне подумают?». А если эта мысль для тебя - главная, то ты уже начинаешь жить не мыслями, а умом. Но только не своим, а общим. Усредненным общественным умом: какая машина – «машина», а какая - нет; какая одежда – «одежда»; какая баба – «баба»...

Поели, поспали... Тема не иссякла:

-То есть, по-твоему, все вокруг - дураки?! - злился Лева.

-Каждый - умный. А соберутся вместе - идиоты!

-А ты со всеми вместе не собрался! Собрался, но только территориально! Ты - не все!

-Не шуми, а то опять песни сочинять придется...

-Ладно, ладно...

-Видишь на мне этот костюм? Австрийский, между прочим!

-С виду не скажешь.

-Как ты думаешь, почему он на мне?

-Ну как? Ты ведь начальник центра. Вычислительного!

-Я продолжу, с твоего разрешения. Да, я - начальник вычислительного центра! Весь мир считает, что начальник вычислительного центра должен ходить в пиджаке! И я в нем хожу! Хотя одежды более глупой, чем пиджак, на свете нет! Опять будешь спорить?

-Конечно! Есть! Галстук! Военный! Зеленый! На резинке!

-И вся армия в этом ходит! Сколько там народу? А сколько народу ходит в пиджаках? Причем это ведь не даром! На это бессмысленное барахло мы перерабатываем собственную среду обитания!

Тот день был длинный, темы менялись:

-И, конечно, у нее были длинные ноги! Очень!

-Как ты догадался? Хотя почему «были»? Они у нее и есть! Знаешь, я как вспомню ее ноги... Может, она сейчас поумнела... Анфиса вообще-то не такая уж и дура. Может, если бы снова встретились, она не была бы такой сучкой...

-Чтобы она не была сучкой, надо отрезать ноги!

-А у твоей как?

-Тоже длинные. Тоже стерва. Но меня это уже не трогает.

-Ты, вроде, не стар!

-Но умен. Я женился не потому, что любил ее. И не потому, что хотел создать семью, иметь детей... Мне надо было самоутвердиться, почувствовать себя не хуже других. А

потом, когда понял, что живу не своим умом, а усредненным общественным... Короче, что толку в этих ногах, если мечты они только рождают, а удовлетворять их приходится самому?

-А двести пятьдесят сил - это много?

-Двести пятьдесят сил - это круто! Это - топнул, и синий дым из-под колес!

-И за этот синий дым надо столько заплатить?

-Конечно! Он того стоит! А еще в придачу стеклоподъемники автоматические! ...Что молчишь?

-Да пришло в голову, подожди... А сколько раз в день ты поднимаешь и опускаешь стекло?

-Спроси чего полегче! Когда - десять, а когда - ни разу.

-Вот представь: тебе предложили работу - поднимать и опускать стекло на машине. Вручную. Поднять и опустить - сто рублей...

-Всего? На это хлеба не купишь!

-Да. Но за рабочую смену сколько раз ты это стекло опустишь и поднимешь обычной ручкой?

-Ааа! Так я согласен!

-Ну так сколько? Плюс - минус?

-Туда-сюда - одна минута... За восемь часов - четыреста восемьдесят.

-Быстро считаешь!

-Ну так! Ты еще спроси, сколько метров я пролечу за три секунды на скорости девятьсот километров в час!

-Теперь помножим на сто рублей! ...Согласен?

-Что?

-Всю жизнь ручку стеклоподъемника крутить.

-...А откуда взялись сто рублей?

-Это так, навскидку. Посчитай быстренько, сколько ты заплатишь при покупке машины за каждый автоматический подъем стекла! Посчитай, посчитай! Выйдет еще глупее галстука на резинке. А сколько людей на планете занимаются производством этой глупости? Одни добывают руду, другие - электричество... Все это надо собрать, отвезти в магазин. А магазин - в другой стране… Одних отходов и выхлопных газов сколько приходится произвести из-за того, что таким, как ты, лень ручку покрутить!

На следующее утро все продолжилось:

-Моя жадность ограничена. Много ль мне надо? Машину какую-то задрипанную! Старую японскую!

-Твоя жадность ограничена твоими возможностями. Есть у тебя на задрипанную - купишь задрипанную. Накопишь на хорошую...

-А твоя жадность - чем?

-Необходимостью. Общественным усредненным умом. Я бы еще уменьшил свои потребности, но тогда начнутся проблемы.

-От чего бы ты отказался? От унитаза?

-От пиджака, например! Но если я откажусь от всего глупого и лишнего, то меня не просто будут считать дурачком, к чему я давно привык, а признают душевнобольным! Кстати, пиджак - не такая уж и глупая одежда!

-Ты как-то определись... То ты умный, но в глупом пиджаке, то наоборот... Кстати, про глупый пиджак не ты первый придумал. Когда я летал, про повседневную форму - китель с рубахой и галстуком - так и говорили: «Форма одежды на завтра - дебильная!». Тут

я с тобой согласен: пиджак дураки придумали. В нем, когда холодно - холодно, когда жарко - жарко. И всегда неудобно!

-Пиджак, как раз, придумали умные! Пока ум мужчинам особо не требовался и они были охотниками, воинами, земледельцами, то есть работали физически, костюм был не нужен. У мужчины было мужское тело. А настоящее мужское тело прекрасно и без одежды! В смысле - оно нравится женщинам! Но со временем это прекрасное тело стало «мужиком»: оно хорошо работает, но живет плохо. Хорошо жить стали люди умные!

-Как ты...

-Не смейся! Я - человек действительно умственного труда!

-Ну! Ты-то - конечно!

-А когда я сказал «умные», я имел в виду... Тех, кто не трудится физически! Купец, инженер, директор! Врач, учитель! Менеджер по продажам! Кто еще в пиджаке? Пиджак скрывает их тело: все они либо хилые, либо толстые! А пиджак позволяет самому стремному телу выглядеть достойно... Не важно, какое у тебя тело! Важно, какой костюм! Женщины о мужественности судят по костюму!

-Ерунда! Спортсмены - вон какие кабаны! А на олимпиаду в пиджаках едут!

-Вот-вот! Их для того в них и одели, чтобы они не выглядели лучше членов Правительства! Вот твоя Анфиса! За что она тебя полюбила?

-За значок «летчик без класса»... Да и не полюбила!

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Пока Лева сидел, «Союз «Милосердие» умер. Слон уехал в Москву, вроде как насовсем. И офис, и гараж вместе с работавшим в нем Контуженным перешли к Вадику, настоящему бандиту. Он ничего не покупал, не продавал и уж тем более не производил. Он «делал дела», разъезжая целыми днями на джипе вместе с Альбертиком - молоденьким пареньком, гордо таскавшим за ним огромную трубу радиотелефона. Леве была предложена должность директора офиса. Но, во-первых, офис Вадик сразу же превратил в бордель, а во-вторых, Контуженный, который в отсутствие Левы пару дней наблюдал нового босса, сказал, что «дела» его без сомнения, уголовного свойства и особо крупного размера; когда он их «наделает» достаточное количество, то директор офиса вряд ли отделается ознакомительной экскурсией на зону. И Лева отказался. Он ведь вышел на свободу с мечтой о творчестве…

Однако перед тем как начать творить, надо было сделать кое-какие приготовления. Во-первых, все-таки поменять машину. В конце концов, даже Козлов согласился, что «Жоржик» для задуманного не подходит. Но поменять «скромно», так, чтобы денег хватило на все остальное. Потом приодеться, снять квартирку - Лева считал, что на все это понадобится дней десять. И потом...

Сезон любви, как посчитал Лева, должен был продлиться год: на столько должно было хватить денег, если перевести их в валюту и экономить. Оставшись в камере без Козлова, он два дня напролет мечтал об этом. Целый год можно не думать о деньгах. Встал с утра, поел скромненько и подумал: «Куда бы сегодня пойти на охоту?». Угодья в городе хорошие. Несколько театров, скверы, парки, дендрарий. Летом - пляж на озере. Да и вообще, чтобы знакомиться - не нужно какое-то специальное место. Подойдет магазин, трамвай. Правда, на трамвае Лева ездить отвык, но ведь это не так сложно. Машина тоже может пригодиться. Теперь Лева будет выезжать на «бомбежку», но не за деньгами, а за девчонками. Сколько их он подвез на «Жорже» за последнее время? Многие сами пытались

начать с ним какой-то разговор, но Лева не поддерживал их начинания, так как это могло повредить делу: разговоришься с ней, а как потом деньги брать? С другой стороны, партнера во владельце старинного «Москвича» они все равно не видели. А теперь все будет наоборот! Лева развезет всех встречных девчонок бесплатно и будет с ними знакомиться, знакомиться, знакомиться! Потом он будет их выгуливать не по кабакам, а по театрам и дендрариям. Потом затащит их по очереди в квартирку... И творчество это не будет омрачено необходимостью работать! Целый год! Потом, конечно, деньги кончатся, и надо будет снова как-то устраиваться в жизни, ну так что? Если сейчас купить на все деньги машину, то они тоже кончатся и надо будет устраиваться прямо сейчас.

За те двое суток он столько раз представил себе этот год в деталях, что, выйдя из тюрьмы, не сомневался в том, что счастье неизбежно. Но, оказавшись среди людей, сделал то, что на его месте сделал бы любой нормальный человек: купил «Тойоту» с электростеклоподъемниками. Даже лучше, чем мечтал до отсидки, так что своих денег не хватило, и пришлось одалживаться у Контуженного. Люди его поняли без объяснений, и многие даже завидовали, а себе он объяснил, что делает это лишь потому, что деньги на глазах дешевеют и их нужно срочно куда-нибудь пристроить. «Бомбил» он теперь не на «Жорже», а на «Тойоте», которая - по наследству - получила имя «Жоржета» и нуждался больше прежнего. Новая машина ела денег куда больше, чем старая, и он вскоре понял смысл слоновьего афоризма о том, что чем больше у человека есть, тем больше ему не хватает. Запчасти для нее были гораздо дороже, ездила она быстрее «Жоржа», и поэтому возросли расходы на штрафы, а кроме того, ее нельзя было держать возле нахалова гаража: пришлось раскошелиться на охраняемую стоянку. Лева пошел подмастерьем к Контуженному. Сам Контуженный Леве нравился, а вот работа у него - нет. Заработок тут был еще меньше, чем от «бомбежки». Работать под Вадиковой крышей было невозможно: машины клиентов неделями стояли перед гаражом безо всякого внимания к ним специалистов, так как все силы автосервиса постоянно были заняты на обслуживании джипов босса и его братанов. Они много ездили, вечно бились и ломались. Если не ломались, то тогда на них надо было постоянно приделывать молдинги, колонки, магнитолки, противотуманные фары и еще бог знает какую дребедень. Платить за эту работу, разумеется, никто не собирался. Кроме того, в конце рабочей недели вся братва обычно выезжала на похороны не дотянувших до субботы коллег, самым центральным действием которых было прохождение по городу нескончаемой колонны джипов, и перед подобными мероприятиями объем работ по установке и совершенствованию наворотов возрастал настолько, что Контуженному и Леве часто приходилось выходить в ночную смену. Через пару месяцев они поняли, что так у Вадика будет всегда, и захотели уволиться. Когда тот подогнал свою машину к воротам гаража и стал им объяснять, куда до начала завтрашней процессии нужно приделать еще один спойлер, Контуженный сказал ему:

-Мы с Левой хотим уйти!

-Куда уйти?! Завтра похороны, старт в одиннадцать! Вы не успеете! Дереволазы! Я что, вот так, без спойлера поеду?! Его ведь еще и покрасить надо! Смотри: не в цвет других спойлеров, а чуть светлее, чтобы он выделялся. А вот тут по бокам как бы полоску...

-Зачем еще-то спойлер?

-Мысль о том, что у меня самая красивая машина, согревает меня даже зимой.

-Вадим, подожди! Мы вообще хотим уйти. Насовсем.

-Вперед ногами?

-Почему?

-Потому, что иначе нельзя.

Лева уже хотел было влезть со стоном: «А я?», но сдержался, сообразив, что если его и

отпустят на волю как не особо ценного специалиста, то Контуженного он здесь одного все равно не бросит.

Шутил Вадик или нет, так никто никогда и не узнал. Когда состоялся этот разговор, казалось, что он не шутил. Хотя, конечно, скорее всего, это была шутка. Но тогда ни у Контуженного, ни у Левы не возникло желания проверить эту версию. Точнее, желание возникло, но стало страшно... Вадик на следующий день подбросил рабам немного денег и даже дал Контуженному подержать радиотелефон, забрав его на десять минут у Альбертика, чего, как он полагал, было достаточно, чтобы они прониклись преданностью к хозяину. Но Контуженный и Лева, неблагодарные, продолжали вынашивать план освобождения. Теперь, выполняя его очередной автомобильный каприз, они обычно обсуждали, что лучше: нечаянно спалить в гараже всю электропроводку, инсценировать похищение из него всего инструмента или самим уехать в какую-нибудь деревню, где не найдут. Или еще лучше - в лес и жить там на подножном корме до тех пор, пока на очередные похороны сам Вадик не стартует во главе колонны.

Но они не успели выбрать, что лучше: босс пал смертью жадных, взорвавшись в собственном джипе. Тротилового эквивалента ему отвесили от души: молдинги и спойлеры разлетелись на полквартала в разные стороны, а специальная бригада, прибывшая оказать последнюю помощь пострадавшему, так и не нашла, кому ее оказывать. Автосервис, пользуясь наступившей свободой, поработал пять дней в три смены, выполнил все просроченные заказы, после чего все оборудование было вывезено, а Контуженный и Лева, решив переждать время, когда будет определяться принадлежность их гаража, взяли палатку, жратвы, водки и поехали пожить несколько дней на озере, где Контуженный когда-то давно отдыхал с компанией: он помнил, что это было тихое место, где хорошо ловились раки.

Прибыли к ночи. Сварили на костре похлебку с тушенкой, крепко выпили и завалились спать в «Тойоту» - ставить палатку было лень. Утром Лева проснулся рано: от неудобной позы болела спина. Контуженный встал еще раньше и уже кашеварил у костра.

-Ты что там варишь?

-Уху!

-Из чего?

-Из рыбы. Я как настоящий рыбак проснулся чуть свет и не пропустил утреннюю зорьку...

Лева не поверил, вылез из машины и заглянул в котелок: действительно из рыбы. Пошел к озеру, зачерпнул горстью воду и намочил лицо:

-Что делать будем?

-Есть уху и похмеляться.

-Я имею в виду - вообще…

Контуженный не ответил. Все дни, прошедшие после смерти Вадика, они только об этом и говорили, но пока работали, мозги отчасти были заняты другим. А вчера всю дорогу досюда и потом, пока не уснули, на сотый раз все перетирали и перетирали свою непростую ситуацию, но не то чтобы не пришли к общему мнению – каждый из них сам по себе не знал, что делать. Надо было думать о новой работе, денег у них было только на пару недель жизни на озере. Причем, если Лева мог жить здесь и дольше, если экономить, то у Контуженного в городе осталась семья, и хотя жена его работала, но зарплату, как и большинство работавших в то время, не получала, и ему надо было думать о доходах. Возвращаться в город опасно: у гаража рано или поздно объявится новый хозяин, и если он будет из Вадиковой братвы, что скорее всего, их могут захотеть найти: должен же кто-то чинить их тачки. С другой стороны,

могут и не искать: пропали эти – найдутся другие, мало ли работяг, которым ничего не надо – работу давай? Тогда надо торчать тут, пока не найдут новых рабов. А если будут искать? Искать Контуженного бесполезно, так как никто из братвы не знал не то что его паспортных данных или адреса, но даже фамилии. По Левиной машине могли выйти на его маму, но это надо было побегать. «Жоржетта» была куплена по доверенности, которую прежний хозяин выписал опять же по доверенности. Но «ездить по делам» - любимое занятие братанов, могут и найти. Если найдут маму, то она скажет, как учили: «Уехал в Приморье к бывшей жене навсегда!»: правдоподобно, маму пытать не станут… Вот это они и обсуждали вчера целый день: ехать обратно в город или нет? Если ехать, то когда? Ехать зачем: прятаться и пытаться начать новую жизнь или провести разведку, что там у братанов происходит, а потом подумать…

Оба помолчали, в очередной раз пережевав эту жвачку, которая, хотя и потеряла давным-давно вкус, все никак не выплевывалась.

-Лева, ну его в баню! Пошли есть!

Уха была правильная, в ней не было ничего, кроме рыбы и воды с солью, луком и перцем.Рыбу Контуженный отловил в тарелку, вареный лук выбросил, а саму уху разлил по кружкам. Лева, длинно затянув носом пар из кружки и окинув взглядом безмятежное озеро, поднял и кружку с водкой:

-Давай, как ты вчера сказал: «За то, что, слава Богу, он прожил яркую, но короткую жизнь!».

-Давай. Только я вчера добавлял: «Прости мне, Господи душу грешную!»

- Я не буду. Я искренне желал, чтоб он сдох! Прости мне, Господи, что я такое говорю...

Выпили еще, еще и еще, поставили как-то палатку, постелили в ней мягкое, все, что было, и легли спать. Потом, ближе к вечеру, на закусь был хлеб с тушенкой, ночью - то же. Утром вскипятили чай, в обед не смогли. К вечеру хлеб, не вынутый из полиэтилена, начал плесневеть, но еще было что из него выбрать съедобного... На утро четвертого дня закусывали уже одной тушенкой, а в обед пятого кончилась и водка.

-Давай завтра утром поедем домой! - предложил Лева. - Может, мы никому и не нужны...

-Конечно, надо ехать. Сколько тут торчать, в синей яме? Поезжай в магазин, купи чего-нибудь... Супика хочется! Только водки не бери!

-Совсем?

-Ну ладно, возьми. ...Пива!

Деревня была на другой стороне озера, Лева набрал в магазине каких-то продуктов и вернулся назад: у их костра, кроме Контуженного, сидели еще трое, явно местные.

-Лева, ты водку купил? - без надежды спросил Контуженный.

-Ты сам сказал, что не надо...

-Так видишь, гости!

Все три гостя оказались Василиями. Контуженный уже рассказал им, что они с Левой скрываются здесь от мафии и не знают, поскрываться еще или уже хватит. Василии возвращались домой с сенокоса и, обнаружив в первый раз за несколько дней обитателей палатки не спящими внутри, подошли поздороваться. Пиво, купленное Левой, кончилось, и один Василий предложил всем поехать к нему - по-человечески поесть. Остальные Василии его поддержали: и поесть можно будет домашнего, и им остаток пути пешком не топать, и магазин там рядом.

-А палатку можно не убирать: здесь ничего не пропадет, если, конечно, городские на пикник не приедут... А еще лучше: собирайте все и живите у меня в крытом дворе! Баню

натопим!

-А раки у вас здесь есть?

-Сколь угодно! Давайте, сейчас водки возьмем и пойдем на слив, раков половим!

-А охота?

-Ну, и ружье возьмем...

-А она сейчас открыта?

-Охота? Для нас она всегда открыта.

Получился чудный вечер: слив из плотины на краю деревни, три Василия с их рассказами о деревенских приключениях, еще какие-то мужики, костер, раки. С ружьем тоже походили, но уток не было, постреляли просто так. Ночью, когда магазин закрылся, гоняли на «Жоржете» по деревне в поисках водки; нашли у какой-то бабули. Как легли спать, ни Контуженный, ни Лева не помнили, а когда проснулись у Василия на крытом дворе, то хозяйка сказала, что Василии на сенокосе, а завтрак на столе. Мужики поели, откланялись и пошли к машине.

-А раки? - окликнула хозяйка.

-Какие раки?

-Раков осталось три ведра... Вася пересыпал их в бачок, сказал, что вы с собой заберете.

-Куда нам столько?! Да и как их везти?

-В бачке и везите, бачок вернете потом. А раков продадите!

-Мы? ...Продадим? - уже скорее про себя пробурчал Лева, пожав плечами, и понес бачок с ползающими друг по другу раками к машине.

-Спасибо! - весело сказал Контуженный. - Мы еще обязательно приедем. На охоту!

Когда друзья отъехали от деревни пару километров, Контуженный подумал вслух:

-Поспать бы... Только как он тут без меня...- И дальше громко: - Лева, ты ведь еще пьяный, может, поспим до вечера, а потом поедем?

-Зачем тогда вообще поехали? Спали бы себе у Васи!

-Спали бы, пока Васи с сенокоса не пришли бы. А потом опять всю ночь по деревне за водкой гонять!

«Прав!» - подумал Лева и начал смотреть по сторонам, подыскивая удобное место для стоянки.

-Сейчас где-нибудь остановимся, ты спи, а я не хочу. Пойду, погуляю по лесу, пока не протрезвею...

Вскоре нашлась и грунтовочка, уходящая в лес перпендикулярно тракту; поехали по ней. Доехали до огромной поляны, на которой там и тут возвышались кучи мусора, дальше - только лесные дороги, на которых трава и лужи... Поехали по первой попавшейся...

-Да стой уже! - скомандовал Контуженный. - Хорошее место. И помойки не видно... Лева, оставив спящего друга в машине, пошел куда-то... Сперва просто так, лишь бы не стоять. А потом, почувствовав, что идет в гору, хоть и не крутую, хоть и вершина ее не видна за деревьями, почему то захотел дойти до этой невидимой вершины, тем более что она должна быть где-то рядом и ради ее покорения не надо было штурмовать отвесные скалы... Он шел и шел вверх, а вершины все не было и не было. Привыкнув к нагрузке, он начал сомневаться, что идет в гору, но обернувшись назад, перестал: он был выше пройденного им леса, видел сверху темную стрелу тракта, прорезавшую этот лес, и уже как одержимый, как альпинист перед самым пиком, которого невозможно остановить, хотя он ни разу в жизни не смог объяснить толково, зачем ему эта или любая другая вершина нужна, пошел на штурм ее, даже не думая, как собирается потом найти в этом бескрайнем темно-зеленом море «Жоржету» со спящим в ней Контуженным... «Зачем я сюда пришел?» - подумал Лева, когда

подъем закончился и гора начала закругляться вниз. Он сел на что-то неудобное и стал смотреть перед собой... Лес неявно шумел, хотя ветер был слабый и каждое отдельное дерево, казалось, и не шевелилось вовсе... Он знал, что стоит обернуться, и он увидит дорогу, отходящие от нее в стороны грунтовки и плеши помоек, что даст ему, ребенку урбанизации, ощущение защищенности: он пришел сюда не как гость или исследователь, а как представитель человечества, которое использует эти пространства по их прямому назначению... Но оборачиваться не хотелось. Ему нравилось смотреть на эту зелено-седую бесконечность, уходящую в дымку и не нарушаемую ни речкой, ни озером, ни просекой - ничем таким, в чем можно было бы заподозрить разумный умысел. Лева сидел и, забыв про время, смотрел на эту вечность... «Сколько, - подумал он - людей видели это море? Мало, наверное. Что человеку здесь делать? Был бы это Эверест какой-нибудь, тут и постоять-то негде было бы из-за флагов и вымпелов в ознаменование его покорения. Лес - так себе, зверья, наверное, нет. Полезных ископаемых, рыбы или еще чего-нибудь полезного - тоже. И вершине этой, и лесу внизу, похоже, нет никакого дела до шумного вонючего города, который живет совсем рядом... Он, пропитанный своей вечностью, скорее всего, даже не замечает иногда, раз в несколько дней, недель, а может быть и лет заходящих сюда людей, которые, увидев его, почему-то думают о вечности. Может, вчера, а може, лет пятьсот-шестьсот назад посмотрел на все это какой-нибудь проезжающий; так же, как Лева, погулять до протрезвления или с дальних кордонов в орду с докладом кочевник, татаро-монгольского вида... Ехал - ехал с отрядом много дней по лесу, да решил посмотреть с вершины, что вокруг... А вокруг, оказалось, ничего интересного. Увидел бы живописные скалы, изумрудного цвета озеро или леса, полные дичи, грибов и кофейные деревья, и был бы сейчас здесь город. А не увидел ничего хорошего, и вот: нет этому лесу дела ни до чего. Шумит себе... И сто лет назад вот так же шумел, и тысячу... Хотя, может, когда-то и пожар случался? Так что же... Новый лес вырос. Как говорил Слон, готовя Леву к тюрьме: «Все вырастет обратно, отсидеть не успеешь!». Он вдруг вспомнил про «тумбочку дневального» - его, Левин метод измерения времени. Учась в училище, он вынужден был иногда стоять на этой тумбочке, а на ней время идет медленно, и заниматься ничем не положено: просто стой, как пень, два часа, и все. Единственное занятие, которое возможно, - это непрерывный учет и переучет времени, прошедшего и оставшегося. Встав на тумбочку и отстояв сравнительно легко первые пять минут, он начинал считать: «Прошла одна двадцать четвертая часть вахты. Осталось двадцать три двадцать четвертых.» Чуть позже: «Одна двенадцатая, осталось одиннадцать двенадцатых». Эти числа вызывают тоску, но по мере приближения к одной второй становится легче, а дальше каждая веха радостней предыдущей: две трети, осталась одна; семнадцать двадцатьчетвертых, осталось всего семь... Недавно «Тумбочка», вернувшись из прошлого, пробыла с Левой пару дней: когда из камеры, где Лева отбывал свои пять суток, отпустили и Виктора Лаврентьевича. На свободные места пришли два подростка, и Леве ничего не оставалось, как снова заняться учетом времени. Тогда же он впервые посчитал и свою жизнь этим методом. Сейчас ему тридцать. Если дожить до восьмидесяти, то осталось пять восьмых - неплохо. А если до шестидесяти - кто его знает, что случиться может ... Тогда всего половина. Лева быстренько прокрутил свою предыдущую жизнь: не так уж и много чего было, и вдруг осталось всего столько же. Хотя детство лет эдак до ...девяти можно не считать: та пора прошла незаметно, про нее мало что помнится. Так что тогда осталась не половина, а две трети - неплохо. Тумбочка получилась вверх ногами: при нормальной тумбочке после истечения половины времени начинается облегчение и радость, а здесь достигнуть этой половины даже как то страшновато. ... А у этого седого моря, на которое он смотрит и не может почему-то оторваться, как обстоят дела с тумбочкой? Сколько у этой вечности прошло и сколько осталось?

Проснувшись, Контуженный узнал улицы родного города и с удивлением понял, что везет его Лева не домой, не к себе, а непонятно куда, на окраину, с которой у обоих ничего не было связано.

-Лева, мы куда?

-На могилку.

-А вдруг там кто-нибудь из братвы?

-Да брось ты, что они, месяц по нем рыдать там будут?!

Могилка оказалась в хорошем месте. Соседи оказались все сплошь Герои Социалистического Труда: основатель какого-то института, шахтер, пробившийся к рычагам управления отраслью, известный хирург и выдающаяся работница ткацкой фабрики, многостаночница. Они с радостью потеснились и разрешили перенести свои оградки, чтобы между ними смог поместиться Вадик со своим имуществом. Памятником ему был его джип, не менее, чем в половину настоящего размера, высеченный из цельного куска гранита. Со всеми спойлерами и молдингами. Даже литые диски с тремя спицами и надпись на борту «VPP» были воспроизведены в точности. Фотография Вадика была приделана на лобовом стекле, здесь же была и надпись, прочитав которую, Лева узнал, что он был Попов и Петрович. Рядом с джипом стояли отлитый из чугуна стол и такая же скамейка. На скамейке сидел, весь в черном, Альбертик, держащий в руке горящую свечку. Он был неподвижен, и Лева сперва подумал, что он тоже из чугуна, но Альбертик глубоко вздохнул, посмотрел на часы, достал из кармана купюру и поджег ее от свечного огонька. Бумажка занялась, разгорелась и развалилась на черные кусочки... Все это было огорожено оградой из цепи, не тоньше цепей у Мавзолея, закрепленной на соответствующего размера столбах...

-Он унес все... - прокомментировал Лева.

-Пойдем, не будем мешать... - потянул его за рукав Контуженный.

Лева пошел, оставив купленный букетик на могиле многостаночницы.

-Крутой памятник...

-Греет он его теперь?..

-А какже! Только летом!

-Помнишь, я тебе рассказывал про вечную парашу?

-Помню. Теперь ты хочешь мне рассказать про вечный огонь из денег?

ПОМИНКИ

Раки разошлись легко, за один день. Утром друзья посетили пивной ресторан с известным всему миру именем: «Вы понимаете! У нас ресторан высшей категории! Раков, которых мы предлагаем, ловят на Ладоге, потом готовят в Норвегии по уникальной технологии и только потом везут сюда! У нас рак порционный, он весит вот сколько граммов, плюс - минус ноль целых, четыре десятых процента!.. А вы что предлагаете?» - Администратор высшей категории брезгливо посмотрел в погнутый, пахнущий тиной алюминиевый бак, где полуживые раки ползали промеж мертвых, а также их откушенных клешней и другой какой-то анатомии... – «Сможете вы обеспечить ноль целых, четыре десятых процента?». Это не стало ударом, на высшую категорию они и не претендовали... Зато узнали цену, по которой раки продаются. Уполовинив ее, поехали предлагать товар в обычные пивнушки. К вечеру раков не стало, несмотря на отсутствие накладных, сертификатов и еще каких-то бумаг, положенных всем ракам, рыбам и прочей подходящей к пиву живности по закону.

Ближе к осени раковая артель превратилась в отлично работающий механизм. Василии пристроили к ракодобыче еще несколько человек, и раки ловились круглосуточно на всех четырех близлежащих прудах. Пойманные раки в ожидании отправки в заведения общественного питания, жили в клетках затопленных в Среднем пруду, питаясь друг другом. Сбыт тоже был налажен. Два десятка пивных и четыре ресторана имели раков в постоянном меню, Контуженный завел любовь с Аллочкой из отдела сертификации продуктов питания, проблемы с документацией ушли в прошлое... Чтобы не спиться, Лева и Контуженный ездили за товаром по очереди, по разу в неделю, а в последнее время все чаще стали, загрузив раков и отдав деньги и водку, сразу уезжать восвояси, сославшись на какие-то дела. Появившиеся деньги и свободное время позволили им развернуться: Контуженый купил машину и окончательно погряз в любви, связей у него стало так много, что он стал путать их имена и поэтому звать всех «зайка моя». Лева, наоборот, весь ушел в дела, раз за разом отвергая предложения компаньона познакомить его с подружками своих «заек». Он жил наполовину дома, а на другую - у Марины, которая после развода с мужем переселилась к маме. Лева считал ее идеальной женщиной. На месте синяков, как он и предполагал , оказалось прекрасное восточное лицо, глаза начали иногда смотреть ласково, по мере того как она забывала свои семейные боевые искусства. Кроме того, она была очень удобна: у нее была своя комната, и мама ее хорошо относилась к нахождению там Левы в любое время суток. Наверное, помня своего бывшего зятя, она даже мечтала, чтобы он остался здесь навсегда, а иначе зачем бы она кормила его пирогами и иногда даже покупала бутылочку на ужин? Марину не надо было выгуливать по театрам и кино, наносить визиты к ее подругам или ходить с ней по магазинам. Даже разговаривать с ней было не надо: каждый день, идя с работы, она покупала очередную кассету с единоборствами и весь вечер, а иногда и ночь, сидела перед телевизором, пока Лева по обыкновению страдал по Анфисе и по несостоявшемуся году счастья. Иногда этот год даже казался ему реальностью, думая о нем он как бы вспоминал прожитые события. Но чаще пытался понять, почему тогда, после разговоров с Козловым, не смог пожить всего десять дней своим умом. Ведь если бы смог, то этот год как раз сейчас и был бы в разгаре. А теперь когда еще такая возможность повторится? Конечно, сейчас он смог бы себе позволить не один год счастья, а если один, то счастье было бы более счастливым, но... Жизнь наладилась и плавно течет по руслу успеха. Как же можно плыть против этого течения? Козлов же стал казаться ему не реальным человеком, а скорее, своим собственным, Левиным умом. Той его частью, что хочет жить иначе, чем все вокруг, но не может, и ее приходится скрывать, как преступник скрывает свои преступные планы, притворяясь одним из обычных людей.

Марина отрывалась от своих фильмов лишь для удовлетворения потребностей молодого Левиного организма. Леве не надо было даже говорить, что она у него единственная, неповторимая или непредсказуемая: достаточно было просто нажать кнопку «пауза». Когда-то, рассуждая о семейной жизни, командир эскадрильи, где служил Лева, сказал: «Жены бывают двух основных типов... Бывают, как камень: всю жизнь его приходится тащить. А бывают, как паровоз: сами едут. Но если уж едут не туда, то лучше тащить камень!». Марина, видимо, была еще одним типом, не познанным Левиным командиром: камнем, лежащим в очень удобном месте.

Зимой на место раков, которые бессовестно ушли под лед, пришли другие, почитаемые народом продукты: рыба, клюква, мед, орехи... Потом предприятие вышло за границы деревни, где жили Василии, и пошли сыр, мясо, специи... «Жоржета» уже не могла перевезти все это, и на смену ей пришел «Бигжорж» - почти новый японский джип.

Контуженный приобрел квартиру попросторней и теперь, в свободное от работы и заек время занимался ее благоустройством, а Лева стал присматривать себе дом за городом. Братва совсем не мешала им заниматься этими приятными хлопотами: жулики и бандиты, поделив все, что было с ними рядом, принялись за заводы. «Бигжорж», забитый под завязку какой-нибудь колбасой, стал для них незаметен.

А в мае друзья снова взялись за раковую торговлю. Привезя от Василиев первую весеннюю партию и рассовав ее по пивнушкам, они решили отметить начало нового сезона, прикупили кой-чего выпить и закусить и поехали к Леве. Остановившись на красный свет, Лева вдруг увидел Виктора Лаврентьевича, переходящего улицу перед самым носом «Бигжоржа». Лева почему-то обрадовался ему так, что, еще не успев ничего подумать, нажал на сигнал, видимо, желая прекратить его движение немедленно и именно на этом самом месте. Десяток прохожих шарахнулись в панике в разные стороны от ненормального джипа, а Лаврентич и какая-то тетка дернулись и замерли на месте, не в силах шевелиться от испуга.

-Лаврентич! - расплылся в улыбке Лева, высунувшись в форточку.

-Кульбизеков, я ведь чуть в штаны не наделал!

-Жаль! - сказала тетка, продолжившая движение в первоначальном направлении.

-Лаврентич, ты сейчас куда?

-В магазин.

-А поехали ко мне!

-А поехали!

У Виктора Лаврентьевича все было безрадостно. Его статистический центр по-прежнему не то с трудом выживал, не то медленно умирал. Цивилизация Козлова ни на сантиметр не приблизилась к своему признанию, да, впрочем, и сам Лаврентич перестал носиться с ней, как с любимым дитем, поняв, наконец, что вовсе не важно, была она, эта его цивилизация, или не было ее вовсе. Он додумал последнюю главу своего ненаписанного труда о разумных динозаврах, суть которой была в том, что не только его, но и все прочие цивилизации обречены погибнуть, задохнувшись собственными испражнениями, причем не важно, знают они наверняка о своем близком конце или только догадываются. Хоть каждое отдельно взятое разумное живое существо и разумно, цивилизация их безумна. Не спасти ее, даже если написать сто книг про сто погибших цивилизаций. Придумав эту последнюю главу, он расхотел писать и первую. Перестал досаждать различным академиям своей теорией и вообще стал про нее забывать. За последние полгода всего два раза заводил о ней разговор: оба раза в той же самой пятнадцатисуточной тюрьме, в которой судьба свела его с Левой и куда он теперь попадал регулярно... И людей он ненавидеть перестал, а стал относиться к ним снисходительно: не виноваты же они в конце концов, что уродились такими ненасытными тварями.

Придя к Леве в коммуналку, обнаружили еще одну троицу, собравшуюся попьянствовать: Великого, Нахалика и их недавнего приятеля Серегу, с которым они познакомились по своим Куганьским делам. Решили объединить усилия и присесть у Великого в комнате.

-Что отмечаем? - спросил Лева Нахалика, когда коллективы перезнакомились.

-Поминки по Кугани.

-А кто это? - спросил Контуженный.

-Городишко на севере. Мы его в последнее время снабжали всяким вкусным...

-Чем?

-Шампанское, печенье, конфеты, ликеры...

-А сыр, колбасу не пробовали?

-Нет, мы ликеры, конфеты...

-И как?

-Полная Кугань!

-Это плохо?

-Это...

-Нахал! - не дал ему договорить Лева. - Виктор Лаврентич сильно страдает от произнесенных в его присутствии нецензурных выражений. Если не трудно... Без них...

-Это очень плохо - я имею в виду Кугань. Сперва мы возили туда помаленьку, новые партии отдавали только после того, как рассчитаются за старые. А потом это… Смотрим: ребята приличные, все по-честному, стали объемы увеличивать... Денег было... Мы с Великим по дороге в Кугань обычно в вагоне - ресторане жили! Все в «Адидасе»! А в последний раз говорят: дело раскручивается, спрос пошел, надо это… Очень много... Мы говорим: «Так у нас и денег-то на столько не хватит!». А они: «У нас тоже кое-что есть, да еще подзаймем! И вы тоже займите...» И точно: дали денег, хотя и мало. А мы все свое вбухали, еще в долги влезли, ладно хоть без процентов, и отправили им полный почтовый вагон... И ни вагона, ни их, ни денег...

Лаврентич удовлетворенно развел руками:

-Я всегда говорил, что люди - свиньи... Лева знает...

-Точно! - Нахалик обрадовался, что его горю сочувствуют. - В Кугани!

С кухни пришел Великий с нарезанным хлебом и другой закусью:

-Приступим!

Выпили...

-Может, выбить? – жуя, предложил Лева. - Я знаю одного Отморозка, он крупный специалист...

-У нас Серега всех куганьских отморозков знает, и то без толку...

-Ну, не всех, конечно, - заскромничал Серега, - но самого крутого знаю. Мы когда-то с ним вместе рефами работали.

-Это такие вагоны морозильные, по железной дороге ездят? - вспомнил где-то слышанную фразу Лева...

-Да...

-А эти, которые в них ездят, все время водкой торгуют! - Лева напрягся и вспомнил, наконец, как надо красить. - Знал я одного Танкиста!.. Как зовут, не помню, он со мной в одной бригаде на малярке работал, а потом пошел на рефа учиться.

-Так это, наверное, Мишка - танкист!

-Точно, Мишка!

-Давайте, - сделав скорбное лицо, предложил Серега, - помянем Мишку - танкиста... А потом я про него расскажу: легендарная личность...

И он рассказал легенду о Танкисте... Серега, в ту пору - бывалый реф, познакомился с Мишкой - танкистом, когда того определили механиком в его бригаду. Для Сереги это была первая поездка в качестве начальника секции, а для Мишки - первая вообще. Надо еще добавить, что бригада из них двоих, собственно, и состояла. Увидев начальника, с которым предстояло прожить в одной банке ближайшую пару месяцев, Мишка, не успев познакомиться, спросил:

-Ты пьешь?

-Да... - растерянно признался Серега, видимо, уже тогда предчувствуя беду...

-А я - нет! - зло прокричал ему в лицо механик.

-Хорошо... Я тоже не буду! - промямлил Серега, не понимая, ради чего он должен идти на такие жертвы.

Пока они ехали на погрузку, Серега уже не помнил, куда именно, но кажется, по диагонали налево: Харьковская...Белгородская... типа того; они успели даже подружиться. Танкист рассказывал всю дорогу свои танкистские байки, на всех остановках посещал музеи и другие достопримечательности и с удовольствием готовил. Потом они чем-то загрузились, куда-то поехали и однажды в каком-то маленьком городке увидели на улице очередь, такую длинную, толстую и шумную, что и без лишних вопросов было ясно, чтО дают. Серега поставил механика, на всякий случай, в очередь и зашел с заднего хода к заведующей. Удачно: бригада затарилась водкой на все деньги, переплатив совсем немного. Ожидался хороший навар, несмотря на то, что пришлось потратиться еще и на четыре чемодана, чтобы все это богатство дотащить до секции. Сереге очень хотелось отметить такую удачу, и по дороге домой он мучительно думал, как бы это его желание не вызвало гнева непьющего механика. Решил так: за ужином шутя предложить: «А может, товар продегустируем?», а если Мишка опять заорет: «Я - нет!», то сказать ему, что одну бутылку он из общей кучи покупает по отпускной, любой, какая потом получится, цене, и выпить ее, когда механик уснет. Но по прибытии на секцию Танкист сам выудил из чемодана пузырь:

-Отметим?!

-Ты же говорил, не пьешь...

-Не пью, но выпить по случаю могу... Почему нет?! Мы ведь уже целых одиннадцать дней в рот не брали!

Одиннадцать дней трезвости сменились у Танкиста тремя неделями запоя. Он больше не ходил по музеям, не готовил и вообще ничего не говорил до тех пор, пока не закончились два чемодана водки, стоявших в помещении щита управления, - его чемоданы. За все эти три недели Серега только однажды отдохнул от его вечно пьяной рожи, которая все это время ничего не говорила, кроме как: «Дай пожрать!». Как-то в их составе оказалась секция с такими же проблемами, только там пил начальник. Его механик временно переселился к Сереге, а Мишка - туда. Ехали так три дня, но секции шли в разные края, и настало время расходиться. На остановке «трезвенники», которые, к слову сказать, все эти три дня тоже выпивали, но не с таким остервенением, как «алкоголики», пошли на другую секцию. Мишка со своим новым другом сидели за столом. Серега сказал ему:

-На следующей станции - разборка поезда, так что пошли к нам...

-Ясно, начальник! Выпьем!

-Все, все! Закончили! Пошли на нашу секцию, пока стоим...

-Ну, ладно, на посошок...

Алкаши выпили, обнялись, и Мишка пошел. Он бодро спустился из вагона на землю и прошел, хоть медленно и криво, но самостоятельно метров сто. А надо было двести... Ноги его совсем перестали слушаться, и сон как-то разом накатил. Серега тряс его, не давая уснуть, и тянул, тянул к своей секции... Когда Танкист мешком повалился на землю, поезд тронулся. Механик только что оставленной ими секции выглянул в дверь и увидев, что Серега с Мишкой все еще идут, дернул стоп - кран.

-Помогать? - заорал он.

-Нет! Стой на стоп - кране!

Машинист какое-то время накачивал стравленное давление, потом опять начал трогаться: стоп - кран опять не дал. Так продолжалось несколько раз, пока Серега волочил за руку спящее тело. Откуда-то из-под вагона вынырнул человек, видимо - местный рабочий:

-Стойте! Что тут происходит?!

-Да мы - рефы! Вон с той секции! Мужик, помоги дойти!

-Аааа... А он живой? - все еще думая, что стал свидетелем убийства, спросил местный.

-Живой! Только пьяный насмерть! Ну помоги! Сейчас поезд уедет!

Вдвоем с вынырнувшим из-под вагона человеком они взяли Танкиста за руки и побежали. Штаны его, вместе с трусами давно сползли на коленки, и он скользил по гравию уже голым задом, хотя это не мешало ему спать. Серега, видя это, пытался прикинуть, протрется его механик до костей, пока доедет до секции, или не успеет, но в любом случае это казалось ему меньшим злом, нежели последствия сорванного графика движения...

Мишку таки дотащили, втолкали в вагон, и машинист повел свой состав, не доложив на станцию, что стоп - кран был задействован более трех раз, хотя и был обязан. Человек, помогший Сереге, согласился взять за свое молчание бутылку водки, но пока Серега за ней ходил, спрыгнул с вагона: поезд набирал ход. Мишка до костей не стерся, но борозды на заду остались на всю его оставшуюся...

Когда закончились бутылки в его чемоданах, он полдня радовался, что они, наконец, закончились. Потом полдня болел. Ночью, не сумев заснуть, выпросил у Сереги сто грамм: «Ну не помирать же мне здесь!» На следующий день утром посягнул на остальную часть бутылки: «Серега, все равно открытую бутылку не продать! Дай мне! Для лечения!» Серега не мог сказать: «Не дам!» - он был парень по натуре щедрый и скорее отдал бы всю свою, что еще не успел продать, водку, нежели дал бы Танкисту повод подумать, что «зажал». Но составил ему компанию. А когда Танкист, опохмелившись, пошел спать, допил остатки. После этого на два дня на секцию вернулась нормальная жизнь: смешные рассказы про танковые войска и обеды из трех блюд в исполнении Мишки. Серега, в свою очередь, рассказал ему о пути, проделанном секцией за это время: в каких городах были, что и куда возили, какими продуктами запаслись. Серега уже было порадовался, что остаток вахты пройдет спокойно, но вдруг Мишка опять оказался пьян. «Видимо, за мои запасы взялся!» - подумал Серега и все свои оставшиеся бутылки попрятал. Но Мишка, зная, что на секции осталась еще пара десятков бутылок, начал их искать и находить, когда Серега уходил на стоянках по своим начальничьим делам или чинил чего-нибудь. Рейс оказался очень удачным: возили мясо, рыбу, дыни, лук, и, конечно, на погрузке Серега затаривался всем этим, а по дороге менялся с другими рефами на то, что везли они. Еды на секции было вдоволь, и Мишку вовсе не волновало, что до конца поездки у него осталось всего три рубля. А Серегу это радовало, так как его запасы спиртного подошли к концу: торговля шла хорошо, да и Мишка помог. Вот-вот должна была начаться трезвая жизнь, но не тут-то было. Когда они грузились тыквой под Ростовом, механик сходил на местный рынок и обнаружил там зеленые помидоры по шесть копеек за кило. Рынок был не близко, и ему пришлось сделать несколько рейсов: помидоров он накупил на все деньги. Тыкву они повезли в Мурманск, помидоры, которыми теперь был покрыт весь пол жилого помещения, начали краснеть и по мере движения на Север продаваться уже не за копейки, а за рубли. А где-то на полпути им снова повстречалась очень длинная, толстая и шумная очередь...

В Мурманске после выгрузки их затащили в порт. Мишка снова не просыхал, а Серега, пока шла погрузка рыбой в Башкирию, выменял у моряков на водку центнер соленого палтуса, отправил в родной рефцех телеграмму, в которой затребовал бригаду им на смену в пункт выгрузки рыбы, и поехал в город: он, хоть и отработал рефом много лет, в Мурманске был впервые. Вернувшись вечером с гудящими от похода по музеям ногами, он обнаружил на секции отсутствие механика. Обрадовавшись, что можно, наконец, выпить - при нем он бы не решился, Серега быстренько изобразил салатик, разогрел остатки завтрака и налил себе стопарик:

-Ну, Серега, давай! - Он чекнулся с бутылкой. - За то, чтоб этот рейс спокойно закончился и чтоб потом никогда больше этого гада...

Он вдруг увидел его, случайно глянув в окно. Мишка шел через погрузочную площадку между находящимися на ней людьми и какой-то техникой по направлению к секции. Причем «шел» -не очень подходящее слово для описания его движения: сделав очередной шаг, он несколько секунд пытался поймать равновесие, вихляясь коленками, переставляя ноги на несколько сантиметров туда-сюда и балансируя двумя огромными брикетами мороженой рыбы под мышками. Между ним и секций, поджидая, когда он, наконец, до них дойдет, стояли и хихикали над ним двое из ОБХСС. Дойдя до них и, наконец, увидев, Мишка бросил брикеты и уже налегке продолжил движение, сказав обэхээсэсникам, что больше не будет. А придя на секцию, завалился на свой диван и жутко храпел, пока у Сереги изымали соленый палтус и водку, составляли протоколы... С самим Мишкой и его брикетами возиться не стали, тем более что брикеты исчезли с того места, где были брошены. Как будто их и не было.

Проснувшись назавтра, Мишка сел, уставился в окно и под «тыдын – тыдын», самую сладкую для рефа песню, исполняемую колесными парами, стал любоваться проплывающими за окном пейзажами. В рефовской работе это самое приятное. Каждое утро, а потом и день и ночь за окном проплывает бесконечная Родина, а у него нет большей заботы, чем подумать о своем житье - бытье: «Не хочу ли я покушать?». «Не пора ли опохмелиться?». И если не пора, то и дальше смотреть на проплывающие мимо картины и качать головой в такт колесным парам... Но в то утро опохмелиться было пора. Придя в столовую, Мишка увидел Серегу, который, казалось, тоже занимался любимым рефовским занятием: смотрел в окно, раскачиваясь в такт вагону. На столе - недопитая кружка чаю, под столом - пустая водочная бутылка... Серега, казалось, даже не заметил его появления. «Значит, - заключил Мишка, - вчера в те моменты, которые я уже не помню, все было чинно!». И вдруг вспомнил:

-Начальник! Ты не помнишь, куда я вчера рыбу свою поклал?

Начальник вмиг забыл, что за последний час уже раз сто поклялся самому себе не разговаривать с ним до конца поездки, а бить только после разбора полетов в рефцехе:

-Я тебе сейчас покладу! Я так покладу! За все я тебе покладу! И за рыбу! И за вчера! И за то, что ты - нет!..

Рефы часто бьют друг друга, но вовсе не потому, что плохие люди. Их принуждает к этому специфика работы: два мужика должны долго находиться в относительно замкнутом пространстве... Но обычно на разборе полетов на вопрос: «За что Вы избили товарища?» следует нормальный человеческий ответ, типа: «А что он все время мокрой ложкой в сахар!», и начальство с пониманием к этому относится. А тут... Начальник избил механика всего лишь за то, что тот пил! Такого в рефцехе, где алкоголизм по праву считается профессиональным заболеванием, отродясь не бывало. Да ладно бы только это! Он ведь еще и на воровстве рыбы попался. Серегу уволили. Но уже через неделю приняли обратно: рефов не хватало.

В следующий раз судьба свела Танкиста с Серегой в Казахстане. Казахстан был не любим рефами, так как главное развлечение казахов - стоять возле железной дороги и кидать камни в проходящие поезда. Все секции, у которых нет на окнах решеток, ходят с битыми окнами, и все это - память о Казахстане. Благо, что стекла оконные сделаны многослойными и при попадании камня, даже большого, бьются, но не насквозь. Очень прочный и мягкий средний слой всегда выдерживает. Камень может попасть внутрь вагона только попав в то место, куда уже неоднократно попадали. Неприятно было ездить по Казахстану, поэтому Серега не отходил от секции, не торговал и когда кто-нибудь стучал в борт вагона, не шел сразу выяснять, в чем дело, надеясь, что постучат - постучат, да уйдут... Но в тот раз уходить не собирались, причем барабанили все яростней, а потом и при помощи чего-то железного.

Выглянув в окно, Серега увидел ...Танкиста!

-Серега!.. Начальник, впусти меня скорей!

Мишка отстал от своей секции. Вообще в этом нет ничего необычного: ну, отстал... Взял да догнал! Это просто. Со своим удостоверением реф садится в любой поезд или электричку и бесплатно едет, куда ему надо. Но он отстал без удостоверения. Случись это не в Казахстане, его подвезла бы любая, ну, или почти любая секция, но здесь, где рефы надеятся, что постучат - постучат, да уйдут, шансы были невелики. Единственная надежда была на секции родного цеха, где всякий знает про Мишку - танкиста, но прошло девять дней, пока не приехал на эту станцию Серега. Когда Танкист вышел из своей секции, чтобы купить пачку чая, на нем были только штаны от тренировочного костюма и шлепанцы. За время скитаний все это пришло в негодность, сам он был не мыт, не брит и очень голоден. На мелочь, оставшуюся после покупки чая, он в первый день купил булку хлеба и лимонад, на второй день съел ватрушку из станционного буфета, и деньги кончились. Весь третий день он проторчал на путях, пытаясь напроситься пассажиром в какую-нибудь секцию, но безуспешно: без документов ему никто не верил, а «своих» секций почему-то все не было. Чтобы голод не так мучил, не переставая курил, собрав за день все чинарики на территории станции. Ночевал в развалившемся сарае неподалеку, но в третью ночь не спал - от голода. Потом два дня посвятил питанию: утром и вечером приходил на местный рынок и пробовал все: фрукты, сладости, семечки. На следующий день торговцы уже отгоняли его от товара. Еще день он продержался на своей пачке чая, обменяв ее на что-то съестное, и, наконец, начал доедать недоеденное в буфете. Утром девятого дня он решил идти к дежурному по станции и сдаться, предпочтя голодной смерти срам на всю железную дорогу, разборки в цеху и увольнение с работы. Но дежурный по станции, молодая казашка, увидев его, спросила: «Вы по-русски говорите?» Мишка обиделся и пошел на пути. Сел на рельс, затянулся найденным чинариком: «Зря ушел, все равно придется к ней идти, а то погибну. И похоронят Мишку - танкиста в степи, как казахского бомжа...» И тут он увидел в составе, входящем на станцию, секцию с клеймом родного цеха.

Серега, еще не успев спросить, как Танкист до такого состояния дошел, предложил ему помыться, но тот сказал, что умирает от голода, причем по-настоящему. Серега налил ему щей из по-настоящему свежей, какая бывает только у рефов, капусты, и даже пятьдесят грамм, но Мишка не выпил. Съев быстро полтарелки, он блаженно вытянулся на диване и долго смотрел на Серегу счастливыми глазами. Серега, видя это, недоумевал: как у него рука поднялась ударить такое безобидное, чистое душой и влюбленное в него создание. Состав тронулся, и к щам, дружескому теплу и осознанию того, что его уже не похоронят где-то в степи, прибавилось еще и любимое «тыдын – тыдын». И вдруг среди всего этого счастья раздался удар в окно, напротив которого сидел Мишка. Огромный камень, попав в старую воронку, пробил-таки стекло и угодил прямо в его тарелку, отчего она разбилась и разлетелась по всей столовой вперемешку со щами. Придя в себя, Танкист поднял на Серегу глаза: из них, смывая прилипшую капусту, лились слезы.

Это было летом, а в начале зимы Мишка погиб. В последнем рейсе ему посчастливилось: очередная погрузка происходила недалеко от винзавода, где вино наливали в цистерны. Неизвестно, как ему это удалось - договорился или украл, но он закачал «Агдамом» все емкости для воды, всего полторы тонны. Хотя он выпивал каждый день не по одному литру, до конца рейса ни один бак еще не опустел. Мишка не мог бросить это богатство и после рейса правдами и неправдами остался на секции, которую до следующего лета поставили в запас. Зимой большинство секций находится в запасе, так как возить почти нечего. На три - четыре секции назначается один механик, который должен жить там и

топить печки, но, чтобы не было скучно, они объединяются в группы: вместе живут, пьют и отпускают друг друга домой на побывку. Мишка, чтобы не пришлось делиться Агдамом, жил один в своей секции, в гости к себе никого не пускал и пил, пил... Из солярочных печек, которыми отапливается секция, надо периодически выгребать сажу, иначе может случиться пожар. Такой же, в котором погиб Мишка - танкист, так как печки он, конечно же, не чистил.

Пьянка в комнате Великого продолжалась.

-А ты, судя по джипу, процветаешь?! - обратился Нахалик к Леве, переводя разговор с траурной темы на коммерческую.

-Да... - Лева сказал просто, давая понять собеседнику, что ему эта тема не интересна и говорит он это не из хвастовства, а потому, что просто правдиво ответил на вопрос.

-За сколь взял?

-Семьдесят лепешек.

-Сколько литров?

-Три.

-Маловато. Вот дизель четыре и два - это вещь!

-Так это же все японское! - сказал Великий. - У нас во дворе «Геленваген» пятисотый появился - вот вещь. Чувак из первого подъезда ездит. Жулик... Вот до такой тачки дорасти бы!

-Мы с Контуженным одного такого знали. Он дорос... До крутой машины на Зареченском кладбище. Рассказать?

-Да ну... Что вы все про поминки! А ты сейчас на что копишь?

-В смысле?

-Какую тачку купишь?

-Зачем?

-Да не трогайте вы его с тачками! - назидательно сказал Контуженный. - А то он сейчас достанет всех своей кульбизековщиной! Я-то уже сыт этим...

-Поподробней!...

-Он считает, что ездить на крутой машине – это «психология разбогатевшего крестьянина»!

-Оооо!

-При чем тут психология? Я за себя говорю: на кой мне менять машины? Сейчас я на своей вожу раков, хорошо зарабатываю. ...Кстати... Лева ни с того ни с сего встал, вышел в коридор и через полминуты вернулся с железным ведром.

-Раки! - заглянув в ведро, обрадовался Великий.

-Раков мы всех продали, - поправил его Лева, - а это – «браки». Мелкие, с откушенными клешнями - нетоварные. Надо бы сварить. Великий?

-Давай! - Великий забрал ведро и пошел с ним на кухню.

-И почем вы их сдаете? - продолжил Нахалик.

-По двести.

-За кило?

-За штуку.

-Эдак ты быстро на «Геленваген» накопишь...

-Зачем? Представь, я буду два года возить раков, во всем себе отказывать и накоплю на твой «Геленваген»...

-За два года?

-Да какая разница? Куплю его... И буду точно так же возить раков, только на «Геленвагене». Ну и зачем тогда, выходит, я все это время работал? Чтобы все сказали: «Он процветает!»? А потом, чтобы они продолжали так думать, сразу начать копить на... Что там

еще круче? Я в этой железной лихорадке не участвую ...Продать мешок картошки, на все деньги купить красную рубаху и ходить в ней по деревне, чтобы другие завидовали...

-Плохо кончишь... - покачал головой всю дорогу до этого молчавший Лаврентьевич.

-Ты-то чем не доволен? А кто тогда, в тюрьме говорил: «Хомо жадиус стадиус, человек - это звучит гадко...»

-Я и сейчас говорю, только не советую никому меня слушать. Посмотри на меня... Тебе меня не жалко? Я не участвую ни в железной, ни в какой другой лихорадке, потому что понимаю глупость всего этого. Но моя жизнь неинтересна и никому не нужна, даже мне. Единственная радость - выпить. Алкоголизм стоит на пороге, а может, уже и вошел.

-Так не пей!

-Зачем? Ну, буду я вот так же ничего не делать, только трезвый... А выпьешь - время летит незаметней.

-Да вы достали уже! - возмутился Нахалик. - Весь день то про кладбище, то про алкоголизм. Лева! Тебе если ничего не надо, ты деньги нам с Великим отдавай: никто не подумает, что ты процветаешь, и спиться будет не на что!

-Ты же сам начал: поминки по этой... Нюгани? ...Погани?

-Кугани!

-Без разницы. Чего же плохого в том, что мы поминаем Кугань и Мишку - танкиста: туда им и дорога!

-Плохо то, что не Кугань умерла, а мы. А в Кугани у этого жулья все хорошо. А у нас все плохо...

-Если все плохо, то дело в голове... - вспомнил Лева одно из любимых изречений Слона.

-Давайте пить! - в один голос сказали Контуженный и Виктор Лаврентьевич.

.....

В тот раз Виктор Лаврентьевич попросил Леву, как только будет возможность, взять его с собой к Василиям, и в ближайшую субботу эта поездка случилась. Когда пили у Великого и Лева рассказал про деревню, где они с Контуженным промышляют, про трех Василиев, которым, как он утверждал, совершенно не свойственно качество, которое, по версии самого Лаврентьевича и является главным отличием разумного существа от неразумного, про Васин крытый двор, в котором такой чудесный воздух, что утром всегда просыпаешься трезвым, сколько бы ни выпил с вечера, он очень захотел там побывать. За свою жизнь он повидал немало городов, но за их чертой не был ни разу. Тогда, слушая Леву, он вдруг подумал, что рассуждает о цивилизациях, людях и их пороках, исходя из свих наблюдений за жизнью людей в больших городах, где они, будучи сильно скученными, позаражались друг от друга и неуемной жадностью и жестокостью и прочими болезнями души. Тогда же, кстати, ему пришла мысль, что заразны и алкоголизм, ожирение, курение. Но ведь все эти болезни могут быть рассредоточены неравномерно. Может, если поискать подальше от большого города, найдутся места, где этого нет? Не пьянства и курения, конечно, а жадности как движущей людьми силы. Хотя, может, из-за бедности... Хотя и красной рубахи достаточно... Словом, ему вдруг захотелось познакомиться с Василиями, и он напросился. А когда Лева за ним заехал, то заставил себя долго уговаривать, так как был в трезвом рассудке, а тот, в свою очередь, требовал логичного объяснения: зачем это нужно. Кроме того, Лаврентичу совсем нечего было надеть для такой поездки: костюм не подходил, а кроме него, ничего не было. Но Лева уболтал, и Лаврентич поехал в чем попало и не понимая, зачем.

Василии так хорошо относились к Леве, что не могли плохо отнестись к человеку, с которым он приехал. Даже несмотря на то, что этого ботаника, одетого, как последний забулдыга в их деревне, надо было называть по имени - отчеству. Когда они, люди, всю жизнь прожившие в деревне, где первым словом ребенка часто бывает не «мама», а совсем наоборот, узнали, что при нем еще и нельзя материться, они стали обходиться с ним, как с дамой. Когда разливали, обязательно спрашивали: «А Вам налить?» Но узнав, что Лаврентич - сильно умный дядька, автор научных статей и начальник какого-то центра, зауважали. А увидев, что пьет он вовсе не как дама, простили ему все его странности. Научили его есть раков, разбирать рыбьи головы и буквально заставили пострелять из ружья. Потом на слив, где они отдыхали, пришел Митька, друг Василиев. Он был ГАИшник, но и Лева, и Лаврентич так хорошо относились к Василиям, что не могли плохо относиться к их другу, хоть он и приперся в форме. Митька позвал всех к себе. Был повод: он сегодня зарезал корову. А потом пили полночи во дворе у Митьки, закусывая толсто намазанным на хлеб, щедро сдобренным солью, луком и перцем сырым говяжьим фаршем.

На следующий день поехали домой. Лаврентич спал, Лева разбудил его:

-Слушай, я тут одно место знаю. Очень красивое. Заедем?

-Поехали домой!

-Давай заедем, тебе понравится!

-Давай домой!

-Ладно... Нет, давай все-таки заедем, я очень хочу... - И прежде чем Лаврентич успел что-нибудь возразить, свернул на грунтовку. Молча миновали помойки, углубились в лес...

-Все, приехали! Дальше - пешком!

-Что там?

-Пойдем, увидишь!

- Скажи!

-Да ничего, в общем, но ты должен увидеть. Я тебя прошу!

На горе все было как в тот раз, даже хмарь и дымка. «Смотри!» - сказал Лева и показал рукой в никуда. Виктор Лаврентич посмотрел туда, потом на Леву:

-Ты точно плохо кончишь...

-Я дачу купил!

-Зачем?

-Ну... В деревню! Натуральное хозяйство... Я поговорить с тобой хотел. Ты присядь куда-нибудь.

-Где тут присядешь? А что ты хочешь сказать, я знаю: ерунда полная.

-Подожди, это же и твоя ерунда!

-Тебе не нравится, что ты день за днем обмениваешь свою единственную жизнь на деньги?

-Не совсем так, - подумав ответил Лева, - но похоже. Я понимаю глупость этого и завидую тебе. Ты из всех моих знакомых - один, кто может быть просто самим собой... Но быть похожим на тебя я тоже не хочу!

-Окружающие не поймут?

-Тебя же не понимают?

-Ну и будь таким, каким они хотят тебя видеть! Только я-то тут при чем?

-Ты считаешь меня таким, как все. А мне кажется, что я - как ты! Только притворяюсь...

-Лева! Ты мне кто? Сын? Брат? Друг? Да мне дела нет до того, как все ты или нет!

Не хочу я тебя воспитывать. Живи, как знаешь... Ври мне, что ты не как все. Ври всем, что как все...

Леве вдруг очень захотелось дать Лавентьевичу в морду, как бывает, когда мужика возьмут, да и пнут под зад ни с того ни с сего. Но он сдержался. Он подумал, что если бы кто угодно другой, даже мама, Маринка или Контуженный, сказал бы, что он - не друг, он бы не обиделся. А когда это сказал Лаврентьевич - чужой, по сути, человек, то для него это оказалось ударом. Ударом, на который хочется ударом же и ответить:

-Знаешь, Лаврентич, я тут недавно такое узнал!.. Адамов болт не «эм двенадцать»!

-Я знаю.

-И лет ему не пятьдесят, а триста миллионов! - Продолжал бить в «солнечное» Лева.

-Да.

-И динозавров тогда еще не было...

-Точно.

-Ты это и тогда знал?

-Знал.

-А что же ты тогда нам рассказывал?!

-Сказку.

-Скотина! - не сдержался все-таки Лева. - И про академию наук тоже?

-Нет. Я им вправду писал, ради шутки.

Лаврентич поднялся и пошел куда-то под гору. Лева ждал, что он остановится и скажет что-нибудь. Например: «Да! Правда здорово!», или «Прости Лева, я просто не в себе...», но он просто шел и шел под гору. Обернулся:

-Я прогуляюсь. Я быстро, по-маленькому. Подожди меня здесь! - И зашагал не торопясь дальше. «Чучело городское!» - подумал Лева, когда Лаврентьевич скрылся за какими-то корягами. Лева сел, как в прошлый раз, на что-то и приготовился ощутить то дыхание вечности, которое взволновало его в первый раз. Но не было дыхания. Лес шумел, но разговаривал не с ним. Он догадался, что это из-за Лаврентича, появления которого из-за коряги Лева ждет и поэтому не может сосредоточиться.

-Чучело...- тихо сказал он и закричал, мстя лесу за неоправдавшиеся надежды: - Лаврентич, давай скорей! Поехали!

Минут через пять покричал снова:

-Ээээ! Поехали! Ты там что, спать лег?!

Лева растянулся на траве и лежал до тех пор, пока сам почти не уснул, но встал и, сказав: «Чучело», пошел доставать Лаврентьевича из-за коряги. Но его там не было. Не было и в десяти шагах дальше, и в ста... Не было! Лева вдруг вспотел от злости: «Скотина! Найду - убью!», и пошел еще дальше в лес, периодически выкрикивая в разные стороны: «Эээээээ!». Он шел так до тех пор, пока не понял, что там, впереди, Лаврентьевича нет. Вероятней всего он спит спокойно где-то сзади, а Лева прошел мимо него и не заметил. Тогда он стал прочесывать лес, раз за разом расширяя район поиска: Лаврентьевича не было. Потом он стал бегать, потому, что смеркалось, и уже не крича на весь лес, так как стало страшно, но тоже впустую... Он побежал к машине, молясь Богу, в которого не верил, о том, чтобы Лаврентьевич оказался там, хотя точно знал, что этого быть не может...

Пока ехал по лесу, он мучительно думал, куда повернуть, когда приедет на трассу: назад, к Василиям, или в сторону дома. Вообще-то надо бы к Василиям: собирать кого-то и с утра идти искать Чучело. Но ведь его там нет! Лева исходил в том месте все, под конец он уже в лицо узнавал виденные не один раз кусты и деревья, и если бы он был там, то непременно наступил бы на него. Но если его там нет, значит, он сам оттуда ушел... Зачем? Пошутить над Левой? Или обиделся? И куда? До города не дойти, ночевать в лесу ему слабО.

Или его унесли... Кто? Кому он нужен? Здесь не город, чтобы люди пропадали. Но ехать домой – значит, бросить его. А не ехать - глупо: ночью все равно искать не будешь. А потом спросят: «Куда дел Виктора Лаврентьевича?»! А кто спросит? Ни начальство его, ни жена никакого Левы не знает... Василиям тоже не придет в голову спросить: «Как ты довез домой своего ученого?». Лес кончился, и Лева машинально повернул в сторону дома. «А может, все-таки к Василиям?» - подумал он и затормозил. Сумерки превращались в ночь, раки, шурша, ползали в бачках, с каждой минутой превращая все больше своих собратьев в брак и уменьшая прибыль артели.

-Козел! Скотина! Чучело! ...Да пошел ты!.. - Лева воткнул передачу и резко тронулся. - Да кому ты нужен...

2009 год